

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

МИСТИФИКАЦИИ В РУССКОЙ ЖИЗНИ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

С НОВЫМ УЧЕБНЫМ ГОДОМ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ!

НАЧАЛСЯ НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД ДЛЯ 16 МИЛЛИОНОВ российских школьников. Он будет проходить, как уже понятно, в условиях новой реальности – существования с коронавирусной инфекцией, которая, вопреки ранним надеждам, никуда не ушла, а осталась с нами, похоже, навсегда. И хотя новый учебный год начался в нашей стране в онлайн-формате, прошлогодний опыт временного перехода в онлайн требует проработки.

И доработки. Поскольку во многих случаях опыт этот был неудачным. Сбоили программы, срывались уроки, падало качество обучения. Результаты ЕГЭ по ряду предметов (особенно по математике) летом 2021 года стали настораживающими. И в целом наша система школьного образования на сегодня скорее не готова к переходу на онлайн, чем готова.

В то же время угроза ужесточения карантинных мер над нами и нашими детьми зависла на долго, поэтому, несмотря на все разговоры о том, что ничто не может заменить живого общения с учителем, надо готовиться к тому, что в будущем – в том числе уже после школы, в процессе самообразования – именно онлайн станет ведущей формой обучения. И уже сейчас надо начинать сочетать разные формы обучения, искать наиболее приемлемые и удобные программы, проводить тренинги для учителей и учеников и т.д.

Школьный учитель, память о котором мы все храним со времен школы, еще долго никуда не уйдет, но его роль постоянно будет меняться, его все больше будут дополнять всевозможные информационные сети, где он станет навигатором и штурманом. Учителю тоже придется учиться своей новой роли. Ему надо быть к этому готовым.

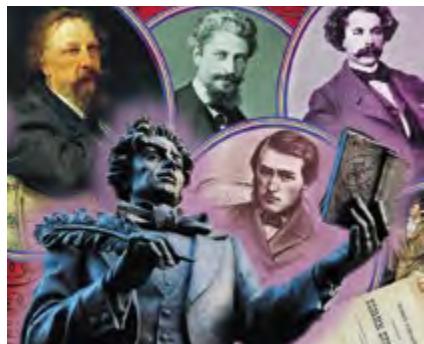

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

06 Сначала была Вена

НАСЛЕДИЕ

40 «Игра становилась жизнью»

КУЛЬТУРА

46 Чистый человек

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

12 Педагог не аниматор!

МУЗЕИ

ИСТОРИЯ

24 Миссия выполнима

32 Тара incognita

54 «Мелькают ветреные моды...»

62 Такие разные сибиряки

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

70 Русские немцы

78 Свободный полет

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 «Барьеры
меня
стимулируют»

РЕПОРТАЖ

90 Всем
миром

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА

Мария БАШМАКОВА

Александр БУРЫЙ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Зинаида КУРБАТОВА

Алексей МАКЕЕВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Татьяна НАГОРСКИХ

Андрей СЕМАШКО

Юлия ЭГГЕР

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

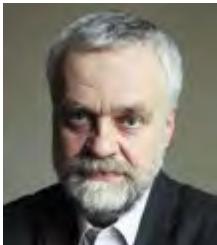

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

					
ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
					
МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»	ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества
					
САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству		

СНАЧАЛА БЫЛА ВЕНА

автор

ЮЛИЯ ЭГГЕР

НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КЛАДБИЩЕ ВЕНЫ 75 ЛЕТ НАЗАД БЫЛО ОТКРЫТО СОВЕТСКОЕ ВОИНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ. ЭТОТ КРУПНЕЙШИЙ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВОИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ – ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ СОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ.

Центральное кладбище Вены, открытое в 1874 году, называют «городом мертвых»: сейчас на нем находится около 330 тысяч могил. Название «Центральное» не объясняет его географического положения относительно центра столицы. Венцы интерпретируют его как «главное», поскольку именно здесь погребено большинство тех, кто при жизни занял почетное место в истории страны и мира. Это великие композиторы, актеры, художники, архитекторы, драматурги, австрий-

ские президенты, известные политические и общественные деятели.

Первых русских хоронили здесь еще в XIX веке, а после Первой мировой войны тут было создано первое «русское» военное кладбище. С 1942 года в особом месте хоронили погибших советских военнопленных, а с лета 1945-го началось сооружение советского воинского захоронения. Из 3 миллионов человек, погребенных на Центральном кладбище Вены, как минимум 2640 покоятся в «советской группе» №44.

САНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА

15 апреля 1945 года по радио сообщили, что в битве за Вену с 3 по 13 апреля погибли 19 тысяч немецких и 18 тысяч советских солдат: «На улицах Вены лежат тысячи трупов. Пока советская армия заботится о захоронении своих погибших, гражданские лица должны позаботиться о захоронении немецких и австрийских погибших».

В городе заговорили об опасности эпидемии. Советская администрация позволила хоронить останки не только на кладбищах,

An die Bevölkerung des II. Bezirkes

Tote Russen dürfen nie in einem Massengrab beerdigt werden. Der russische Soldat stellt mit allen, einem russischen Soldaten zusammengetöteten militärischen Führern in einem Massengrab. Es ist über solche Leichen das Bürgermeisteramt, II., Karmelitergasse 7-9, oder das russische Militärkommando, II., Praterstraße 23, zwecks Identifizierung zu benachrichtigen.

Der Bürgermeister
NIESNER

Объявление бургомистра 2-го района Вены о правилах погребения останков советских военнослужащих

© Коллекция ИЦ «Память»

но и в парках, садах, у больниц и госпиталей, братскими могилами становились воронки от бомб. К захоронению останков погибших были привлечены и созданные в первые послевоенные недели добровольные пожарные команды. Уже 27 апреля 1945 года городской советник Пауль Штайзэр заявил, что проблема с переносом останков людей и животных с улиц решена. Но временный мэр Вены Теодор Кернер в отчете от 22 июня 1945 года сообщал: «На кладбищах находятся около 4 тысяч незахороненных трупов и еще останки примерно 1000 умерших находятся в больницах, на улицах и площадях». До конца лета 1945 года специального плана по погребению останков красноармейцев не было, тем не менее одной из важнейших задач советской военной администрации было немедленное оборудование кладбищ и перенос тел временно погребенных. Работы по экстремации советских военнослужащих координировали советские военные коменданты районов Вены. Для всех оставался актуальным приказ народного комиссара обороны Союза ССР №023 от 14 февраля 1944 года, по которому «для могил выбираются лучшие места как в населенных пунктах, так и прилегающей к ним местности...». Этот документ также регламентировал установку временного или постоянного надгробного памятника, на котором должны быть указаны звание, фамилия, имя, отчество погибшего и дата гибели бойца.

Первый приказ, касающийся захоронения красноармейцев в Австрии, был подписан 31 августа 1945 года. Командующим предписывалось изучить всю территорию, на которой дислоцируется воинское подразделение, составить план местности, зафиксировать воинские кладбища, индивидуальные и братские могилы солдат и офицеров Красной армии.

Также в начале сентября 1945 года начальник штаба 4-й гвардейской армии гвардии генерал-майор С.М. Фомин подписал приказ о создании гарнизонных кладбищ в советской зоне оккупации, согласно которому командиры дивизий вместе с военными комендантами уже к 16 сентября 1945 года должны были определить места для советских воинских захоронений. Завершить работы по окончательному благоустройству захоронений в Австрии планировалось только к 1 января 1948 года. В Вене работы шли гораздо быстрее. Центральное кладбище было утверждено для захоронения советских солдат Военным советом уже в конце июня 1945 года.

Торжественной церемонией возложения венков в австрийской столице 10 августа отметили 75-летие со дня открытия самого известного советского воинского захоронения в Австрии. В церемонии, организованной посольством России в Австрии, приняли участие представители МВД Австрии, венской администрации, дипломатических миссий стран СНГ и Великобритании в Австрии, а также общественных организаций страны

© Юлия Эgger

ГРАНДИОЗНАЯ СТРОЙКА

На строительство советского кладбища отводился год. Основная часть работ должна была закончиться к первой годовщине со дня взятия Вены – 13 апреля 1946 года.

Кстати, на снимке, сделанном британской авиацией еще в марте 1945 года, хорошо видно, что в последние месяцы войны место, выбранное потом для советского захоронения, было свободным, лишь несколько могил располагалось внутри периметра. Они находятся на прежнем месте до сих пор.

В самом начале боев за Вену как минимум в пяти местах огромного Центрального кладбища были похоронены первые погибшие красноармейцы. Затем стихийные могилы появились и на месте современного захоронения. За строительство главного кладбища советских воинов отвечал заместитель коменданта Вены генерал-майор Николай Травников, а непосредственно работами руководил советский военный комендант 11-го района Вены, на территории которого располагалось кладбище. Заказ на изготовление памятников получила венская камнетесная фирма «Братья Потц». Заместитель военного коменданта Вены по политической части Григорий Савенок вспоминал, что земляные работы шли по плану, однако изготовление надгробных плит и памятников затягивалось. В советской комендатуре поговаривали о том, что «кое-кто подбивает «Братьев Потц» расторгнуть договор и убеждает, что фирма продешевила, а с русских можно взять в тридорога».

Вероятно, под словами «кое-кто» подразумевалась британская военная администрация, в ведение которой 11-й район перешел в августе 1945 года. Однако, по версии одного из владельцев фирмы, сложности с изготовлением надгробий возникли из-за того, что один из братьев вышел из бизнеса, забрав свою долю. Но в комендатуре напомнили, что в договоре прописана серьезная неустойка, и пригрозили судом,

На фрагменте снимка, сделанного британской авиацией в марте 1945 года, хорошо видно, что в последние месяцы войны место, где потом разместили советское захоронение, было свободным, лишь несколько могил располагались внутри периметра

© Архив г. Вены

если выполнение заказа будет сорвано.

В акте передачи кладбища властям Вены от 13 августа 1946 года указано, что на кладбище находится 209 офицерских и 420 солдатских могил, к ним каменотесы должны были еще изготовить 23 офицерских и 35 солдатских надгробных памятников. Устанавливалось, что в дальнейшем обязательства по изготовлению гробов, транспортировке и похоронению на советском кладбище берет на себя венская мэрия. Однако советская комендатура до 1955 года контролировала процесс перезахоронения останков, а после вывода войск стран-союзников из Австрии этим занималось посольство СССР.

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ

С апреля 1945 года даже в историческом центре Вены уже находилось несколько крупных советских кладбищ, оборудованных деревянными или фанерными памятниками-пирамидами.

Личные данные бойцов были написаны, как правило, на самой пирамиде, на деревянной табличке или на куске картона химическим карандашом. Уже через несколько недель многие надписи были уничтожены дождем и солнцем, а документы о первичном месте захоронения были отправлены в штабы. Когда летом 1945 года в Вене начались первые масштабные перезахоронения, восстановить имена многих погребенных советских бойцов было уже невозможно. Так появились первые неизвестные. Потом на их памятниках напишут «Погиб в боях за Вену. IV.1945», «Светлая память павшему герою», «Пал смертью храбрых, защищая нашу Советскую родину. 13.IV.1945», «Дело, за которое вы боролись и отдали свою жизнь, будет жить в веках». С конца апреля по 15 октября 1945 года на Центральное кладбище Вены уже были перенесены останки 87 офицеров, 577 солдат и 17 гражданских лиц. Имена четверти захороненных были неизвестны. Информация о погребенных на совет-

К 75-летию со дня открытия советское воинское захоронение было отреставрировано
© Юлия Эггер

ском участке в кладбищенские книги не вносились, работы шли без контроля управления Центрального кладбища Вены. Только с осени 1946 года при эксгумации останков красноармейцев в союзнических зонах начали вносить в формуляры личные данные погибшего, если они сохранились на надгробных пирамидах, а также указывать место эксгумации и последующего погребения. Но и эти сведения не передавались в кладбищенское управление, а хранились в городском отделе здравоохранения.

Могила неизвестного красноармейца
© Юлия Эггер

КЛАДБИЩЕ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

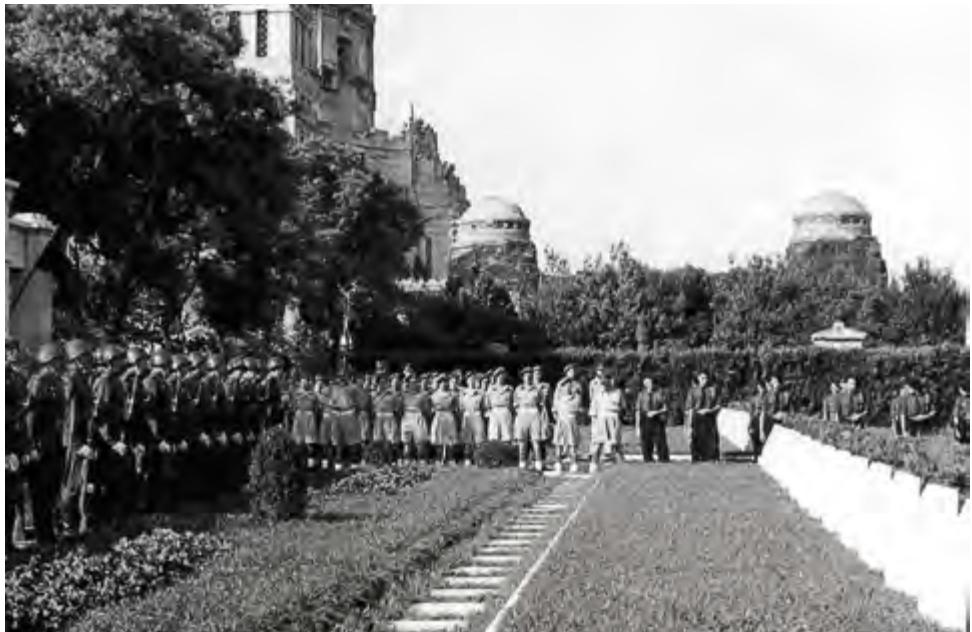
Генплан архитектурного оформления кладбища было поручено разработать Ивану Першудчеву, которого летом 1945 года вызвали из Берлина. Как вспоминал Григорий Савенок, «два первых варианта оказались неудачными. Но Иван Гаврилович был настойчив и трудолюбив, и третий вариант общего плана был утвержден Политуправлением». Война застала Ивана Першудчева в Саранске, где он занимался скульптурным оформлением вокзала. У молодого художника из Днепродзержинска Днепропетровской области была бронь, но он ушел добровольцем на фронт. Под Наро-Фоминском Иван был ранен, после лечения в госпитале снова вернулся в строй, правда, в качестве фронтового художника. День Победы он встретил в Берлине. Позже он вернется в этот город для того, чтобы принять участие в строительстве монументального советского кладбища в районе Панков. Но сначала была Вена.

Художнику тогда еще не было 30, а на его счету уже было несколько выставок. В военное время Першудчев создал 27 бюстов фронтовиков и военачальников, включая Сталина. Почти все скульптурные портреты Иван Першудчев лепил с натуры. Скульптору предоставили мастерскую в Венской академии

художеств, где он работал над скульптурами двух солдат, которые должны были украсить вход на кладбище. Известный венский скульптор Густинус Амбрози так отзывался о работах Першудчева: «Этот Иван Першудчев, хотя он никогда не бывал в Париже, работает как настоящий ученик Родена».

В работе над некрополем также принимал участие известный австрийский публицист, журналист, поэт, офицер Красной армии Хуго Хупперт. По замыслу Першудчева, на кладбище были возведены два портала. Изначально планировалось вписать в них мемориальные доски с именами погибших, погребенных в братских могилах. Но необходимость в этом отпала, поскольку надгробных камней было изготовлено достаточно. Тогда на порталах выбили цитаты из речей Сталина, четверостишия из гимна СССР, а на главном обелиске – стихи, ставшие популярными во время войны, а также стихи Сергея Михалкова, написанные специально для памятника советским солдатам на Шварценбергплац в Вене. Переводить стихотворные и прозаические строки на немецкий язык было поручено Хуго Хупперту. Еще до войны Хупперт оказался в СССР вместе со своей супругой. В 1938-м был арестован НКВД, но затем отпущен. Во время войны Хупперт работал пропагандистом среди австрийских и немецких военнопленных. С 1944 года как офицер Красной армии участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Словакии, Нижней Австрии, а в апреле 1945-го в звании майора вошел в Вену. Затем он работал литературным редактором в первой немецкоязычной газете в послевоенной Австрии, которая издавалась 3-м Украинским фронтом Красной армии для населения страны. В 1949 году Хупперта, имевшего советское гражданство, отзвали в СССР. В Вену он вернулся только после начала кампании по разоблачению культа личности Сталина.

Советские, британские и французские солдаты на церемонии открытия советского воинского захоронения. 10 августа 1946 года
© Коллекция ИЦ «Память»

ОТКРЫТИЕ

В 1946-м добраться до Центрального кладбища из центра можно было за час с небольшим. Но одной из задач, поставленных советской комендатурой, было привлечение на открытие советского захоронения как можно большего числа местных жителей. Незадолго до церемонии открытия австрийские газеты писали, что венские транспортеры обещают увеличить количество трамваев, на которых можно добраться до Центрального кладбища в день церемонии. Речь шла в первую очередь о трамвайной линии №71. Еще 120 лет назад конную «железную» дорогу, которая вела из центра Вены к Центральному

кладбищу, заменил электрический трамвай, а трамваи с линейным номером «71» курсируют по этому маршруту с 14 февраля 1907 года. И до сих пор 71-й трамвай везет пассажиров к главным воротам кладбища. Маршрут давно стал героем венских анекдотов. «Его забрал 71-й трамвай» – венская идиома, которая используется в отношении умерших, даже если они погребены на любом другом кладбище столицы.

В апреле 1946 года, в первую годовщину взятия Вены, на еще не готовом советском воинском захоронении впервые состоялось возложение венков. В нем приняли участие не только советские солдаты и офицеры, но и представители венских властей.

Официальное же открытие состоялось 10 августа 1946 года и стало одним из самых заметных мероприятий, организованных советской военной администрацией в 1946 году. Первым на кладбище прибыло командование Центральной группы войск, представители Союзной контрольной комиссии, командиры советских воинских частей, три взвода советских и по взводу английских и французских войск. Американцы опоздали, поэтому их взвод не попал в почетный караул.

После изменения гимна в 1956 году строки из старого текста остались на портале советского воинского захоронения
© Юлия Эgger

ПАМЯТЬ СЕРДЦА ЦЕНТРАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ ВЕНЫ

В траурном митинге участвовали члены австрийского правительства и венского магистрата, руководители политических партий, представители военных миссий, Общества австрийско-советской дружбы, кинооператоры, репортеры советских, союзных и австрийских газет. На открытии собралось около 10 тысяч человек. Траурный митинг открыл главком Центральной группы войск генерал-полковник Курасов. Церемония открытия началась гимном СССР в исполнении советского военного оркестра. В завершение звучал канонический траурный марш русских революционеров «Вы жертвово пали», а кульминацией стал салют.

Внимание журналистов привлек один из венков, принесенных венцами: на траурной ленте была надпись «От матерей и жен военнопленных». Этот текст имел тогда особое значение. В 1946 году в Австрию возвращались австрийские военнопленные из лагерей как СССР, так и из заключения в странах антигитлеровской коалиции. По мнению семей пленных, процедура возращения шла слишком медленно. Об этом они и напомнили на церемонии открытия советского воинского захоронения, где присутствовали представители четырех держав-победительниц.

Памятник советским воинам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма, и могила трех погибших красноармейцев, перенесенная в октябре 1956 года на Центральное кладбище Вены
© Архив г. Вены

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Церемония открытия проходила у портала, рядом с которым похоронены Герои Советского Союза — на так называемой Аллее Героев. Здесь — четыре могилы, на надгробиях которых выбиты соответствующие надписи. Но есть важная деталь: если лейтенант Евгений Марченко, гвардии капитан Анатолий Свищунов, гвардии младший лейтенант Иван Тышкун были награждены Звездами Героев, то помощник командира взвода автоматчиков Петр Забелин был отмечен только орденом Отечественной войны 1-й степени. Забелина представили к званию Героя Советского Союза посмертно, 19 апреля 1945 года. В описании подвига говорится, что гвардии сержант спас от раз-

рушения мост, перекрыл пути отхода противнику и повел бойцов в атаку на аэродром, где находились две сотни истребителей. Останки бойца, захороненные на площади Марии-Терезии, были эксгумированы одними из первых, каменотесы уже получили текст для гравировки на надгробии: «Герой Советского Союза П.А. Забелин». Но приказ о награждении пришел 20 июня. И в нем вместо Звезды Героя значился орден Отечественной войны 1-й степени. Слишком поздно было менять надпись на памятнике. Зато на военном кладбище, не у портала, похоронены еще два Героя Советского Союза. На временной могиле Ивана Гончарова у венской Вотивной церкви,

Могила Ивана Гончарова на площади у Венского университета
© Коллекция ИЦ «Память»

Временная могила Петра Антоновича Забелина на площади Марии-Терезии
© Коллекция ИЦ «Память»

откуда переносились останки, не было указано, что в ней захоронен Герой Советского Союза. Перезахоронение прошло уже после того, как Аллея Героев на Центральном кладбище была оборудована. Гончарова предали земле неподалеку от могил других Героев, на новом памятнике указали все регалии красноармейца. Представление к награде датировалось мартом 1945 года, Гончаров был награжден посмертно.

На могилу Героя Советского Союза военного кинооператора Семена Стояновского, перезахороненного в октябре 1956 года из Народного сада Вены, в 1995 году приезжал известный советский военный фотокорреспондент Евгений Халдей. Он находился в Вене на презентации книги австрийского журналиста Эриха Кляйна, иллюстрированной фотографиями Халдея. «После презентации Халдей сказал мне, что его единственное желание – увидеть могилу Стояновского, – рассказывает Эрих

Кляйн. – У него с собой была фотография, сделанная в Крыму еще в 1944 году. На фото – молодые операторы, в том числе Стояновский и сам Халдей. Евгений Ананьевич отрезал свое лицо, наклеил фотографию на картон и поставил у могилы Стояновского. Начался долгий монолог: Халдей рассказывал погившему другу обо всем, что произошло с 1945 года, и читал еврейские молитвы. По русскому обычаю, он взял фляжку водки и хлеб».

Скульптуры
солдат работы
Ивана Першуд-
чева у главного
входа на совет-
ское воинское
захоронение

НАШЕ ВРЕМЯ

Вплоть до 1987 года на советском воинском захоронении Центрального кладбища передавали землю останки красноармейцев, погибших в боях за Вену и пригороды.

Сейчас на главном советском некрополе захоронено не менее 2640 человек. Назвать точное количество погребенных трудно, хотя в наше время несколько раз предпринимались попытки исправить ошибки, допущенные в конце войны и в первые послевоенные годы во время погребений и перезахоронений. Помимо Центрального кладбища останки красноармейцев покоятся еще на 9 некрополях Вены.

О цене, которую заплатил советский народ за освобождение Австрии от фашизма, и о тех, кто был замучен в фашистской неволе, напоминают более 300 захоронений и памятных мест. Но не все останки погибших еще подняты из временных могил. ●

ПЕДАГОГ НЕ АНИМАТОР!

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА УЧИЛИ ВСЕМУ ШУТЯ,
ЗА ИГРОЙ И БЕЗ ВСЯКОГО МОРАЛИЗАТОРСТВА.
А НЫНЕШНИЕ УЧИТЕЛЯ НЕ УМЕЮТ, НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ
У НИХ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ ДЕТЕЙ. С ТАКОЙ АНАЛОГИЕЙ
НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГОВ
Я НЕДАВНО СТОЛКНУЛАСЬ.

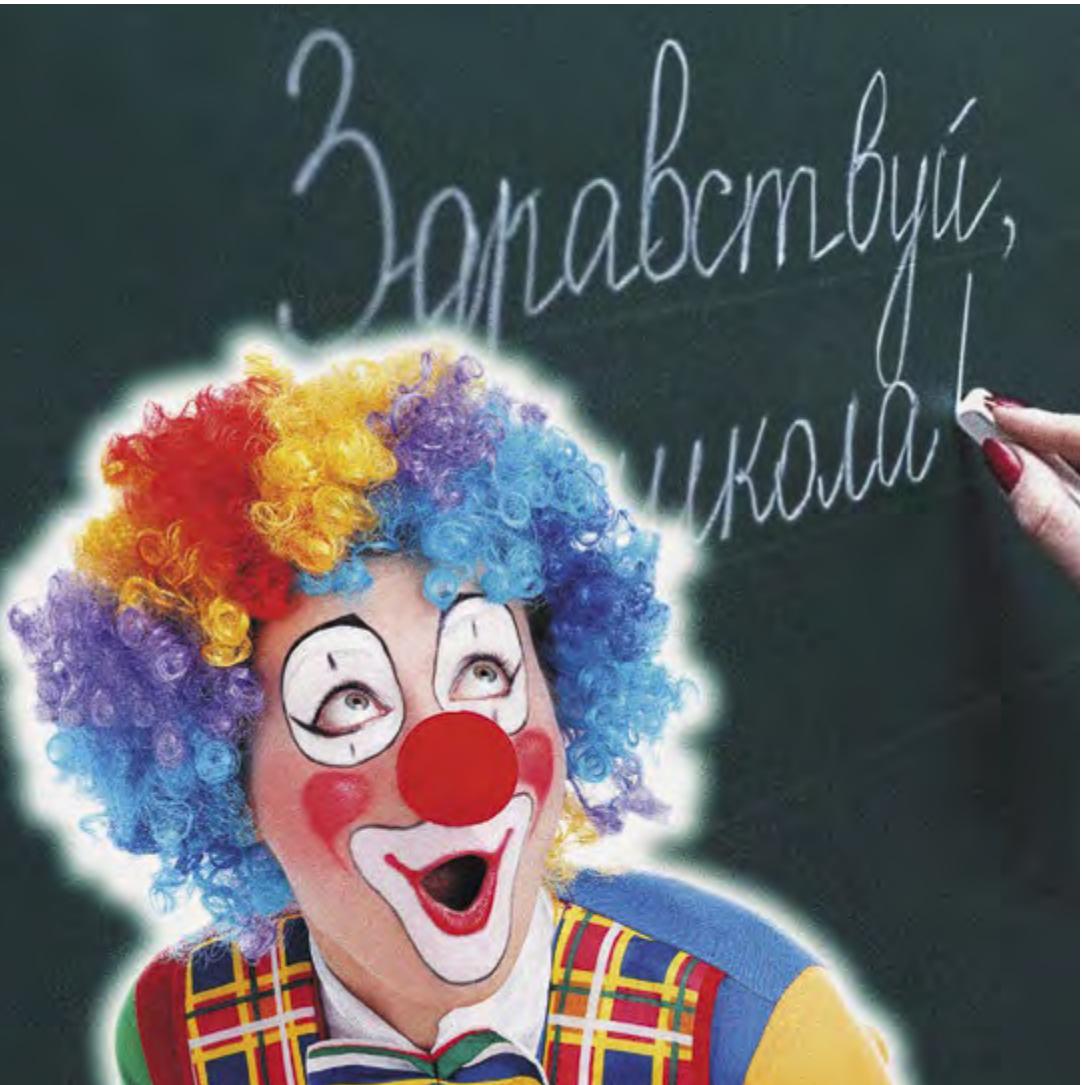
То есть с самой претензией, что учителя не учат, не могут, не умеют, не хотят, я, педагог, сталкиваюсь постоянно – это уже общее место. Призывы учить увлекательно, весело, не нагружая, тоже слышны повсеместно. Но о том, что эти «прогрессивные» идеи можно проиллюстрировать Пушкиным и привести в пример героя, что бранил Гомера, Феокрита, не отличал хорей от ямба, я раньше и не догадывалась. Но что-то мне подсказывает, что скоро не зазорно будет сказать, что и Митрофанушке с педагогами повезло, настолько все плохо, по мнению уже слишком многих, с нашим образованием и с учителями. Да, на обывательском уровне все проблемы образования, которых, к слову, немало, чаще всего сводятся именно к проблеме кадров. Странные реформы, недофинансирование школ, бюрократизация, постоянное переписывание программ, ЕГЭ, непонятная «дистанционка» – это все ерунда. Главное – учителя. А они не такие какие-то. Не душевые, не легкие, не веселые, без огонька. Как будто детей не любят. И ленивые, конечно, наши педагоги – все на детей и родителей перекладывают, а сами только деньги получают. Прошлой весной, на самоизоляции, даже мем родился о «бесплатной зарплате». Но чем

же таким нагружают педагоги бедных школьников и их семьи? Во что же они с детьми не играют? И так ли это полезно – учить, развлекая? Да и чем, собственно, можно увлечь современного среднестатистического школьника? Сегодня много разговоров о том, что детей не учат самостоятельно мыслить. Но в то же время детям не дают проявить самостоятельность даже в самых элементарных вещах. Наиболее распространенная жалоба родителей звучит так: «Мы до часу ночи сидели за вашими уроками!» Я тоже такое слышала, да. В первый раз была обескуражена. С чем там сидеть? Зачем сидеть с мамой? Пятнадцать минут почтить, записать пару вопросов к тексту, или ответить на вопрос, или отметить какие-то эпизоды, фрагменты?

Вот, например, ситуация. Дистант. Восьмой класс, но работы отправляет не ученик, а мама. Ученика я вообще не вижу ни на онлайн-уроках, ни в личных сообщениях, только маму. И вот эта мама присыпает сочинение. И оно списано. Полностью. Текст находится по первой же ссылке. Возвращаю. Вместе со ссылкой. На следующий день мама присыпает новое сочинение. И, вы не поверите, снова плагiat! Опять возвращаю. На третий день мама присыпает мне четыре страницы аккуратно записан-

ного текста, с красиво оформленными цитатами. Прелесть, а не работа. Одна беда – это опять статья из какого-то журнала. Спрашиваю маму, зачем все это. Мама ругается: ребенок мучился, писал все это под ее диктовку до часу ночи, рука устала в самом деле, а учителю, извергу, жалко отметки!

Сейчас у меня пятый класс. Иногда я перестаю понимать, с кем я вообще работаю: с детьми или их мамами-папами. С домашними заданиями прямо беда. Я бы рада давать по минимуму, но не получается. Если по литературе задаю только читать, это почему-то воспринимается как «Ура! Не задано!». Если даю небольшую письменную работу, то вечером меня ждет поток уточняющих вопросов от родителей. Иногда спрашивают совсем странное: «А сколько строчек?», «А слов сколько?», «А сколько клеточек отступить?», «В какой тетради?» Если предлагаю на выбор что-то не совсем обычное, творческое (а это всегда по желанию), то потом наблюдаю ахи и охи в комментариях классной группы. В общем, домашние задания – это, оказывается, очень тяжело. В некоторых семьях даже нанимают специальных репетиторов, которые с ребенком делают эту жуткую «домашку». При этом необходимость репетитора обосновывают следующим образом: учителя в школе так плохо объясняют материал, что дома приходится ребенку все учить заново. Но, как показывают наблюдения, окруженный репетиторами ребенок часто невероятно рассеян, он не может удержать внимание дольше пяти минут, у него отсутствуют навыки простейшей самоорганизации. Родители, думая, что исправляют недоработки школьных педагогов, по сути, покупают своему чаду няньку. Няньку, которая следит, чтобы ребенок сидел за столом, не отвлекаясь на гаджеты. Няньку, которая всегда сможет ответить на вопросы, сколько отступить клеточек, как сократить слово в ответе задачи по математике,

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

нужно ли подписать части речи или можно только подчеркнуть члены предложения.

Сегодня многие считают, что такой круглосуточной нянькой должен быть педагог. Ребенок не выучил к восьмому классу таблицу умножения? Ну так пусть предметник останется после уроков и вместе с ребенком этот пробел устранит. Подросток весь урок считал ворон и не понял, что там за сыр-бор случился между Афинами и Спартой? Ну пусть учитель ему персонально в Zoom растолкует вечером. А как иначе? Это его, учителя, работа. Не учебник же ребенку открывать? Любое самостоятельное усилие ученика сегодня многим кажется чем-то экстраординарным. Ученик – потребитель услуги. Почему он сам себя должен обслуживать?

Но представьте себе картину. Выписывается пациент из больницы, доктор ему объясняет, что надо соблюдать диету, делать хотя бы зарядку по утрам, а лучше ходить километров по пять в день, пить витамины... И тут пациент вскидывается, машет руками, плюется: «Что еще за диета такая! Какая еще ходьба?! А вы-то что делать будете? Давайте мне тогда половину своей зарплаты! А то хорошо устроились». Абсурд ведь? А вот в образовании почему-то такое никого не удивляет. Уже к первому классу у ребенка должны быть сформированы какие-то минимальные навыки саморегуляции, усвоены простейшие правила поведения в социуме, какие-то элементарные этические нормы. Все это формируется естественным об-

разом, если в семье спокойная атмосфера, если дети и родители уважают друг друга, если они проводят вместе время, играют, гуляют, читают, слушают музыку, да просто разговаривают. Я помимо прочего веду кружки в первых классах, и мои наблюдения очень грустные. Сегодня в школу приходят дети, которые не знают слов «спасибо», «пожалуйста», «извините». Дети, которые не говорят, а все время кричат, будто они родились в студии политического ток-шоу. Дети, которые не могут спокойно просидеть за партой и трех минут. Дети, которые совершенно не чувствуют дистанции с не близким взрослым человеком: они могут задушить педагога в объятиях до хруста костей, а через пять минут на него же громко обидеться. Некоторые из этих детей умеют читать по слогам (впрочем, не понимая прочитанного), большинство умеют скачивать в плей-маркете телефона новые игры, почти все уже подписаны на пару-тройку каналов на YouTube. И при этом они не понимают, не чувствуют элементарного.

Когда педагоги призывают семьи обратить внимание на детей, они говорят вовсе не о необходимости родителей сидеть вместе с детьми за уроками. Они говорят о создании для ребенка таких условий, чтобы он научился в конце концов сам с этими уроками справляться. Педагоги говорят о воспитании чувства ответственности в детях, чувства уважения к труду, к людям. Но в ответ либо тишина, либо возмущение: «А вы-то на что?»

Сегодня популярно мнение, что научить всему можно и Маугли. Нужно только понимать, на какие нажимать кнопки. Говорят, детей нужно уметь заинтересовать. Сами дети, понятное дело, транслируют те же идеи. Все вокруг должны сделать им интересно. «А как это?» – спрашиваю я своих учеников. Не могут ответить. Некоторые могут объяснить лишь на уровне примера: «Ну, вот у вас интересно». Приятно. Но, увы, это ничего не га-

рантирует. Большинство даже тех, кому 45 минут было весело, здорово, увлекательно, придут домой и погрузятся в TikTok и видеогames.

Я не отстаю от детей, продолжаю расспрашивать.

— А «Бравл Старс», — уточняю, — это интересно?

Кричат хором:

— Конечно, как можно спрашивать?

— А строение живой клетки, — не унимаюсь я, — интересно?

— Да ну, — гудят, — скучота.

— А мне, — признаюсь, — очень интересно. А если, допустим, нейроны: синапсы, там, медиаторы — прямо дух захватывает.

Стоят, глазами хлопают.

— А Чехов, — спрашиваю, — интересен?

Те, кто поумней, помалкивают, о чем-то смутно догадываются.

Быстрые и бойкие шумят:

— Ну, он непонятный!

Кто-то явно повторяет подслушанное за взрослыми:

— Сматря как подать. Вот если, например, викторина, призы.

Боже мой, бедный Чехов. Он больше не самодостаточен. К нему нужно приманивать на конфетку.

Прочитал ребенок страничку, ответил на вопрос — ты ему награду. Ей-богу, как к собачкам в цирке предлагается относиться к детям. Никому не кажется такой подход оскорбительным?

Интересно — не интересно... Я иду по школьному коридору. В рекреации семиклассники играют в бутылочку. Нет, не в ту, про которую вы подумали.

Суть в подкидывании бутылки так, чтобы она встала на горлышко. Все перемены играют. После уроков остаются играть. Не оторвать. Глаза горят, у всех такой азарт, смех, ругань. Вот это им интересно. Стоит ли мне, педагогу, снисходить до их уровня? Ведь говорят, педагог должен уметь говорить с учениками на их языке, учитывать их интересы.

Скажут, не надо утрировать, нужно быть хитрее, изобретательнее. Предлагают упрощать не содержание образования, а его форму. Предпочтительной фор-

коллаж Анжелины Бушевой

мой обучения сегодня считается игровая. Игра — это, кажется, теперь вообще панацея. Играют в первых классах, играют в одиннадцатых. Но не заигрываемся ли мы? И не ведет ли упрощение формы и к упрощению и даже к отрицанию содержания?

Однажды, в самый первый год моей работы в школе, мне довелось побывать на одном открытом уроке по литературе. Приглашенным педагогам предлагалось стать непосредственными участниками занятия-игры. Урок был посвящен рассказу Проспера Мериме «Маттео Фальконе». Услышав тему занятия, я устыдилась, рассказал я не читала. Преодолевая чудовищную неловкость, я сообщила об этом педагогу, сказав, что раз так, то принять участие в ее игре не смогу. И что же? Учительница

этому только обрадовалась! «Это и хорошо, что не читали, — пропорковала она с интонацией, характерной для консультантов магазинов бытовой техники, — мой урок построен так, что читать и не нужно. Если читать, неинтересно будет».

Да, урок действительно прошел весьма увлекательно. Чего там только не было! По обрывкам цитат дети составляли характеристики персонажей (и самые глупые предположения поощрялись улыбкой учительницы, ведь «неправильных ответов не бывает»), дети проводили даже «генетическую экспертизу» (так педагог окрестила сопоставительный анализ характеров героя-отца и героя-сына), дети голосовали, выбирая вариант финала (убьет или не убьет). А за минуту до звонка педагог пред-

ложила детям порассуждать о главных жизненных ценностях. Для этого им нужно было всего лишь продолжить фразу: «Сегодня на уроке я понял, что все можно исправить, кроме...» И вот дети проговорили друг за другом точно попугаи по одному слову. Как будто поразмышиляли, как будто бы сами дошли до какой-то истины.

А я сидела и недоумевала, пытаясь понять, что бы я могла сказать на месте этих двенадцатилетних детей помимо банальности. И чем больше недоумевала, тем сильнее убеждалась, что сказать бы я не могла ничего. Потому что рассуждение просто не на чем было строить. Об отношении к проблеме самого Мериме, об идее рассказа за время игры в эту литературную «расчлененку» я не получила никакого представления. Все только чувствовалось каким-то не таким, все казалось очень странным, искаженным.

Вечером я поняла, почему картина у меня никак не выстраивалась. Прочитав дома рассказ, я поняла, что для поддержания концепции урока педагог Пропспера Мериме еще и... отредактировала. Играть так играть, да? А дети? Из них хоть кого-нибудь цараннуло пресловутым «Что хотел сказать автор?»? Кто-нибудь нашел потом рассказ, прочитал? Сомневаюсь. Все уходили с урока довольные, вполне верящие, что они все полностью «разобрали, переварили и усвоили».

Игра игре рознь. Разве литературное произведение само по себе не является помимо прочего игрой ума гения? Разве не увлекательно путешествие по лабиринту мысли великого человека? Но для детей выбирают самые простые, примитивные форматы. Недавно на обучающем семинаре услышала, что современным подросткам все нужно адаптировать до уровня комикса. На другом семинаре узнала, что педагог, нравится ему или нет, должен быть аниматором – такова, дескать, сегодняшняя действительность.

Кстати, это тоже весьма интересно – описание реальности специалистами на закрытых педагогических мероприятиях, встречах, форумах и то, как это описание сочетается с идеями, что внушаются обывателю. Специалисты (методисты, психологи, дефектологи) сетуют, что современные дети плохо обучаются, вследствие самых разных пороков, как врожденных, так и приобретенных. Специалисты говорят о все увеличивающемся числе детей с СДВГ (Синдром дефицита внимания и гиперактивности. – Прим. ред.), расстройствами аутистического спектра, задержкой психического развития, педагогической запущенностью, девиантным поведением. Специалисты разводят руками, не понимая, как с этим всем работать. Обывателя же кормят сказками о том, что каждый ребенок талантлив, что чуть ли не из каждого можно вырастить сегодня Эйнштейна, главное – найти к ребенку подход.

Я не знаю, почему так происходит. Но не видеть, не замечать этого невозможно.

Тут, естественно, возникает закономерное противоречие. Родитель, наслушавшись сладких речей разных гуру от образования, идет в школу и требует найти этот самый особый подход к его чаду. Или мамы и папы и во все сразу взрываются: «Психолог сказал нам, что у нашего Пети педагогическая запущенность, чего же вы, педагоги, так его запустили!» Когда растолковываешь им, что психолог имел в виду, что ребенок банально не воспитан, не социализирован, вообще не самостоятелен, не понимают. Особый подход, индивидуальный подход – повсюду об этом говорят, мало кто сейчас понимает, что это значит и как это можно реализовать в массовом образовании. Я, например, полагала, что индивидуальный подход – это необходимость учитывать особенности каждого ребенка. Петя застенчив и заикается, самый огромный страх для него – выступление перед классом? Что ж, я не буду настаивать,

чтобы он выразительно читал у доски Лермонтова. Маша медлительна и неуверенна? Не проблема – я дам ей время закончить письменную работу на перемены. А вот Вася, наоборот, стремителен, можно дать и дополнительное задание – и ему польза, и в классе тишина. Так вот, с точки зрения родителей, а позже и самих детей, это совсем не индивидуальный подход. А знаете что это? Оказывается, несправедливость! Нельзя так. Потому что Васю тогда я, получается, дискриминирую, а Машу с Петей ставлю в привилегированное положение. То, что с Маши и Пети я больше спрошу в следующий раз, а Васе дам послабление в чем-то другом, не считается.

А в чем же тогда индивидуальный подход? Многие понимают его как время, которое педагог должен потратить дополнительно на нуждающегося ученика. Даша весь урок болтала с соседкой по парте и не поняла тему? Ну вот пусть учитель останется после уроков и потратит пятнадцать минут на Дашу, а потом еще пятнадцать минут и на ее соседку. Да-да, непременно по очереди каждой надо объяснить, и разными словами надо объяснить, а то дети ведь такие трепетные, сложные, вместе уже воспринять ничего не могут. А у педагога, например, три класса, под сотню учеников. Арифметика вроде бы очень простая, но, оказывается, многим недоступная. Многие дети и взрослые очень оскорбляются, когда учитель отказывается бесплатно работать репетитором.

Что-то сломалось в образовании. В самом человеческом взаимодействии. Будто учителя, дети, родители, директора школ, методисты, чиновники взялись вместе строить Вавилонскую башню, но Бог покарал их, дерзновенных. И все стали говорить на разных языках. И даже видеть разное. Кто виноват? А это уже, кажется, все равно. А кому отвечать? А тому, до кого дотянуться проще! Да вот же – до педагога. А дальше-то что? Куда придем? У меня нет ответов. ●

ПУТЬ НИКОЛАЯ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

В 2013 ГОДУ РЕКТОР НИКОЛО-УГРЕШСКОЙ СЕМИНАРИИ ИГУМЕН ИОАНН (РУБИН) УВИДЕЛ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ КИПЫ РУКОПИСЕЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО. ИЗУЧЕНИЕ И ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ ТРУДОВ ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЯПОНИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ ДО СИХ ПОР. СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ НЕ ТОЛЬКО СОЗДАЛ САМОЮ УСПЕШНУЮ ЗАРУБЕЖНУЮ МИССИЮ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, НО И ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛ ЯПОНЦЕВ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ И РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ.

— В

Жизни святителя Николая выбор миссионерского пути кажется очень неожиданным. Увидел в аудитории Духовной академии объявление о приглашении священника для российского консульства в Хакодате и тут же решился.

— Это произошло в июне 1860 года, на последнем курсе учебы в Петербургской духовной академии. Известно, что он и раньше задумывался о миссионерском служении. И не один он. Ехать в Японию высказало желание более десяти студентов. Но все прочие — женатыми священниками, и только будущий святитель выразил желание принять монашество. Именно этот фактор повлиял на выбор, кого отправить в Хакодате.

— Добирался он до Страны восходящего солнца без малого год! В июле 1860-го выехал, в июне 1861 года прибыл.

— Путь на Дальний Восток в те времена был труден. Транссиба не существовало, ехал на телегах до Иркутска, переправился через Байкал, снова на телегах до Читы, затем по рекам до устья Амура. В Николаевск-на-Амуре он прибыл к осени, когда морская навигация уже прекратилась. Пришлось зимовать в Николаевске. В этом же городе пережидал зиму святитель Иннокентий — просветитель Америки и Сибири. Опытный миссионер дал Николаю много наставлений, и главное — изучать местный язык, переводить на японский Священное Писание. Такой подход — характерная черта миссионерства Русской церкви.

— Как ему удалось справиться с японским языком без какой-либо подготовки?

Епископ Камчатский
Иннокентий. 1840-е годы

— Дорогу осилит идущий. Была у святителя Николая сильная мотивация. Он сам писал, что японский — «труднейший в свете» язык, что «грамматики» японского, написанные европейцами, пришлось «бросить в угол как ненужный хлам», изучал язык «инстинктом, через чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи». Освоив японский, он взялся за перевод Нового Завета.

— Япония тогда только вышла из периода самоизоляции, благодаря чему и стало возможно миссионерство. Но известно, что первые католические миссионеры появились на острове Кюсю еще в XVI веке. Получается, русский миссионер дей-

Архиепископ
Токийский
и Японский
Николай.
Начало XX века

Равноапостольный Николай (внизу в центре) с катехизаторами и священниками.
1882 год

ствовал далеко не на чистом поле, переводы Священного Писания на японский уже существовали.

— Католические миссионеры в XVI веке не уделяли должного внимания переводам священных текстов и богослужений. Это обстоятельство, в частности, имело негативные последствия: в начале XVII века первые японские христиане были подвергнуты самым суровым гонениям, тысячи человек отдали свои жизни за веру. В Нагасаки, кстати, существует Музей христианских мучеников. К приезду святителя Николая в Японию новые католические и протестантские миссионеры уже взялись за перевод Священного Писания. Православного проповедника они не устраивали. В течение жизни святитель Николай тружился над переводами, создавал религиозную терминологию, к концу жизни почти все богослужебные тексты перевел. Это огромнейший труд. Переводил он не в одиночку — привлекал японцев, обсуждал с ними, какие слова и выражения использовать, затем выбранный вариант предлагался верующим — и они уже принимали его. Например, молитва «Господи, помилуй» была переведена как «Щу аверемео». «Щу» значит «господин», а в качестве «помилуй» выбрали термин не юридический, а душевный, материнский. Так японцы говорят, когда мать жалеет свое дитя.

Ольга Путятина (слева) и Мария Черкасова.
Святитель Николай называл их «диакониссами»

— Почему в последующие годы желающих поддержать миссию в Японии не находилось? Святитель Николай писал об одиночестве...

— Не было желающих приехать для постоянной миссионерской деятельности. В служении святителю Николаю помогали священники российского посольства в Японии. Святитель Николай на какое-то время привлекал интересующихся через переписку и во время поездок в Россию — на родине он был дважды: в 1870 и 1880 годах. Миссионеры из России приезжали в Японию после учреждения Российской духовной миссии в 1870 году. Откликались в том числе женщины — например, графиня Ольга Путятина, дочь адмирала Путятина, или Мария Александровна Черкасова — в будущем почетный член Императорского Палестинского общества. Они помогали главным образом развивать образовательную деятельность миссии. Чувствовал он одиночество, сравнивая свою дея-

тельность с западными миссиями. Католическая и протестантская миссии в Японии опирались на целые институты, монашеские ордены, ученых, подготовленных специалистов. В Русской церкви миссионерству за рубежом никогда не уделялось такого внимания. Уже в XX веке святитель Николай окончательно убедился, что надежды в развитии

Собор
Воскресения
Христова
в Токио,
известный как
Никорай-до.
Архитектор –
Михаил
Шурупов.
1891 год

Церковный композитор
Яков Тихай

перебирается в Токио, где открывает школу, а затем на ее основе семинарию, катехизаторское училище, училище для причетников и женскую школу. В дальнейшем появилась еще одна школа, в Осаке. Некоторые выпускники Токийской духовной семинарии продолжали богословское образование в Духовных академиях Санкт-Петербурга, Москвы и Киева. Русские миссионерские школы были довольно известны в Японии, многие представители японской знати отдавали туда детей учиться.

В 1880-е годы при миссии учреждается Общество переводчиков. Занималось оно переводом не только религиозной литературы, но и русской классики. Святитель Николай писал, что японцы, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, не могут не полюбить Россию.

Святитель Николай уделял особое внимание музыке, приглашал в Токио учителей пения, которые перекладывали на японский язык русский обиход церковного пения. Церковный композитор Яков Тихай возглавил литургическую музыкальную школу в Токио. «Музыкальная проповедь» была поставлена так хорошо, что и японские музыканты оценили православное певческое искусство, а в Токио хор Воскресенского собора приходили послушать многие европейцы. И по сей день эта уникальная традиция церковного пения в Японии сохраняется. Интересное впечатление получаешь, находясь на православном богослужении в Японии: все распевы, обиход легко узнаваемы, сразу становится понятно, в какой момент что поют, хотя звучат песнопения на японском языке.

Была в миссии своя иконописица – Ирина (Рин) Ямасита. Ее отправили учиться в иконописную школу Новодевичьего монастыря в Петербурге. Курс она прошла, но писала не в каноническом направлении, а в манере Ренессанса. Японцы очень гордятся ее наследием, работы ее сохранились во многих православных храмах.

Архитектура православных храмов служила еще одним средством православной миссии в Японии. Еще при жизни равноапостольного Николая в Японии были построены многие храмы. Воскресенский собор в Токио – «Никорай-до», как называют его японцы, – был предметом особого попечения святителя

православной миссии нужно возлагать на самих японцев, среди которых было уже немало священнослужителей. Также он с самого начала существования миссии доверил проповедь японским катехизаторам. В нашем понимании их правильнее называть миссионерами. Они ездили по разным уголкам страны, проповедовали, проводили службы мирянским чином. Такой подход был очень успешным. Так, Сендай – город, закрытый для иностранцев, уже в начале 1870-х годов стал крупнейшим православным центром. Там на пасхальное праздничное богослужение, совершившееся мирянским чином, собиралось верующих больше, чем в главном стане миссии в Токио.

– Какого рода образовательной деятельностью занималась миссия?

– С самого начала в школах миссии изучали русский язык. Первая школа русского языка была открыта в Хакодате. В 1872 году архимандрит Николай

Рин Ямасита (справа)
и фрагмент
иконы ее
работы (слева).
Иконописица
провела
в Петербурге
два года, была
первой японкой,
обучавшейся
в России

Николая. Много лет он собирал средства на его строительство, затем семь лет строил. Обошелся собор очень дорого, говорили, что за эти деньги можно было в России три таких храма построить. Некоторые японские священнослужители не поддерживали огромные траты на собор, им казалось это излишним. Но святитель Николай настоял на своем. Для создания внутреннего убранства привлекал лучших мастеров из России. Кроме того, для строительства пришлось создать из каменных глыб рукотворный холм, на котором иозвели собор. Сделали это из соображений сейсмической, а также пожарной безопасности: Токио тогда был деревянным и частенько горел.

– Что означает «Никорай-до»?

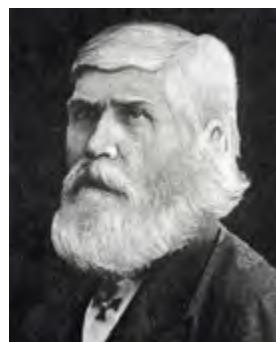
– Дословно «путь Николая» или «учение Николая». Такое название храму дали сами японцы. Изначально вся православная вера ассоциировалась с именем Николай. Кстати, ожидалось, что после освящения собора в 1891 году его посетит наследник престола Николай Александрович – он тогда совершил свое восточное путешествие. Но инцидент в Оцу, когда японский полицейский ударил саблей наследника престола, планы изменил. Цесаревич покинул Японию, не побывав в Токио. Однако делегация японских православных христиан встречалась с цесаревичем в Кобе, стараясь складить полученное им негативное впечатление.

– Можно ли святителя Николая считать первым русским японистом?

– Вполне. Русский консул Осип Гошкевич, который изначально и пригласил святителя в Хакодате, также изучал японский язык, составил небольшой японо-русский словарь. На серьезном же уровне первым из русских изучением Японии занялся равноапостольный Николай. В Хакодате он посещал вечера красноречия – своеобразные риторические турниры, интересовался культурой страны.

Святителю Николаю нравилась искренняя религиозность японцев – пускай языческая. Он описывает «разряженных богомолов», которые после тяжелого трудового дня идут по дороге поклониться идолу. В этом он видел богатую почву для миссионерства. Он хорошо знал буддийские тексты, проводил богословские беседы с бонзами в буддийских храмах.

В путешествиях по стране он живо интересовался природой и бытом японцев. Посещал заводы и фабрики, записывая впечатления от японского способа производства. В российских изданиях он опубликовал много

Осип Гошкевич,
русский консул в Японии
в 1858–1865 годах

Православная
семинария
в Токио, на холме
Суругадай

статьей на темы истории и культуры Страны восходящего солнца. Эти сведения всегда рассматривались им как основа для миссионерства.

– И он же впервые познакомил русских с дзюдо?

– Сейчас много говорят об этом. Полагаю, связь боевых искусств с русским миссионером несколько натянута. Святителя Николая даже наделили титулом небесного покровителя боевых искусств. Многие считают, будто он ввел в Токийской духовной семинарии занятия дзюдо. Но это не подтверждается никакими источниками. Святитель Николай одобрял занятия гимнастикой – это правда. Но в то время такие занятия были введены и в России. Откуда же взялось вышеупомянутое мнение? Один из создателей борьбы самбо, Василий Ощепков, после Русско-японской войны учился в Токийской семинарии, где, видимо, преподавалась гимнастика с элементами дзюдо. После окончания семинарии Ощепков поступил в Институт дзюдо, получил степень инструктора и впоследствии, уже в России, преподавал дзюдо и создал самбо.

– В начале XX века к Японии обратились и российские академические ученые. Как они использовали опыт первого япониста?

– Святитель Николай по мере сил поддерживал ученых, приезжавших в Японию: вел с ними переписку, помогал собирать материал, находить переводчиков. Но и сам святитель не терял исследовательской жилки, сохранил любопытство к сельской Японии. Он писал о пахоте, что «способ держать

Воскресенская
церковь
в Хакодате –
первый
православный
храм Японии.
Сгорел
в 1907 году

Василий
Ощепков
(третий слева
в среднем ряду)
в Институте
дзюдо Кодокан.
Токио. 1911 год

соху и управлять лошадью до того похож на русский, что так и ждешь окрика: «ближе!» или «вылезь!». А японских ямщиков характеризовал как «не таких нахальных» в сравнении с русскими. Слушал пение японских соловьев, отмечая, что «не так хорошо поют, как наши, например, курские».

— Слышишься в этом тоска по родине. Он примирился с тем, что не бывал в России десятилетиями?

— Святитель Николай воспринял миссионерство как дело жизни, понимал, что благополучие миссии зависит от его присутствия. А что такое поездка в Россию? Длилась она не месяц и не два, долгая, сложная дорога. Последний его отъезд на родину, состоявшийся в 1879 году, растянулся на полтора года. Во время Русско-японской войны он был единственным русским подданным, оставшимся в Японии — все остальные вернулись на родину. На время войны он полностью устранился от общественных богослужений, чтобы не молиться на ектене о «властих и воинстве» Японии. В прошлом году мы исследовали и издали переписку святителя Николая времен войны. В письмах он тяжело переживал за поражения Русской армии, за гибель броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре. Погибший тогда адмирал Степан Макаров был его другом — они познакомились еще в Николаевске в 1861 году, отец Николай жил в доме Макаровых. В дальнейшем они

Равноапостольный Николай
(в центре) с преподавателями
и учениками
Духовной семинарии в Токио

Ощепков в своей секции
дзюдо во Владивостоке.
1915 год

состояли в переписке, адмирал активно помогал миссии.

— А как отреагировали японские власти на то, что он остался в Японии во время войны?

— Японское правительство очень ценило святителя Николая как просветителя. К зданиям миссии в Токио была приставлена охрана. В этом была необходимость. Православные

японцы в период войны подвергались со стороны населения дискриминации, избиениям и грабежам. Но это трагическое время принесло духовное и культурное обогащение. В Японии находилось до 80 тысяч русских пленных. Святитель Николай создал «Общество духовного утешения военнопленных». В лагерях для пленных устраивались богослужения — проводили службы и помогали православные японцы. Для них это был уникальный опыт соприкосновения с русским благочестием: японцы видели, как русские ведут себя на службе, что вкладывают в религиозные действия. В память об умерших военнопленных на местах их заточения было построено несколько храмов, воздвигнуты памятники. В этой деятельности приняли участие православные японцы.

Общество добилось разрешения для пленных получать денежные переводы из России, обменивать их на иены. Офицеры получали книги и газеты на русском языке, могли жить не в лагере, а по соседству снимать дом. Для безграмотных солдат проводились учебные занятия.

Доставка всего необходимого была организована через Русскую церковь в США. Тогда там в качестве правящего архиерея служил митрополит Тихон — будущий патриарх. Во многом благодаря деятельности святителя Николая плен для русских стал не столь тяжелым — после освобождения офицеры в своих мемуарах высказывали много добрых слов в адрес японцев.

— Какие архивы святителя Николая сохранились в России и Японии, изданием каких трудов вы занимаетесь?

— Наиболее известны дневники святителя Николая. В Японии долгое время считали, что они сгорели во время землетрясения и пожара 1923 года. В 1980-е годы о том, что дневники хранятся в советских архивах, узнал профессор Университета Хоккайдо Кэнносэ Накамура. В 1994 году в сотрудничестве с другими японскими русистами он издал часть дневников на русском языке. В России наиболее полное собрание дневников вышло в 2004 году, составителем издания выступил все тот же Кэнносэ Накамура.

В нашей семинарии впервые заинтересовались святителем Николаем в 1999 году, когда к нам приезжали представители Японской церкви. Затем известный исследователь трудов Николая Японского Николай Владимирович Садовский провел в семинарии несколько встреч. Он же предложил мне посмотреть материалы по святителю Николаю в Российском государственном историческом архиве в Петербурге. Меня поразил объем еще неизвестных рукописей: прежде всего это были переписка и отчеты. Я стал приезжать в архив снова и снова – на неделю брал отпуск, сидел переписывал рукописи. Затем мы привлекли к работе наших студентов. Так появилась идея издания полного собрания трудов равноапостольного Николая. Всего запланировано десять томов, сейчас изданы четыре. Все это строго научные издания с подстрочником, словарями, комментариями японистов. В ближайших томах будут опубликованы дневники. Там еще много материалов, не введенных в научный оборот. Например, поездки святителя Николая на Южные Курилы, где жили православные айны. Нам также предстоит перевести на русский язык проповеди святителя Николая и материалы соборов Японской церкви.

– Вы несколько раз посещали Японию. Какое наследство оставил святитель Николай японцам?

– Главное наследство – это православные японцы. Сейчас их, правда, значительно меньше, чем было в начале XX века. Перед смертью святителя Николая в 1912 году в Японии насчитывалось 32 тысячи православных христиан. С 1970 года Японская церковь получила автономию, но тем не менее в ней всегда были русские священники. Сейчас нет ни одного, хотя до недавнего времени служили двое русских. Существует подворье Московской патриархии в Метуро – там вместе с японскими клириками служит русский священник Николай Кацубан. В ведении подворья находится небольшая женская обитель, которая не имеет официального статуса монастыря. Официально был открыт мужской монастырь в Адзиго, но его сразу же закрыли. Вмешалась политика: напряженные отношения между Россией и Японией по вопросу Южных Курил.

Священник
К. Судзуки с русскими узниками
в лагере в Мацуяме. 1905 год

– А японцы-нехристиане знают о равноапостольном Николае?

– В целом японцы мало что знают о русской миссии. Но дорогу к собору Никорай-до в Токио подскажет всякий. Что весьма полезно: сейчас храм окружен небоскребами, издали не увидишь. Собор в прекрасном состоянии, правда, несколько отличается от того, что воздвиг святитель Николай. Во время землетрясения 1923 года храм сильно пострадал, и его пришлось построить заново. Работает и семинария, хотя набор происходит не каждый год.

Русского языка не знают ни клирики, ни прихожане. Впрочем, в Токио удивительным образом

Пленные казаки
и офицеры
в лагере
в Фукуоке.
1905 год

Праздник
Пасхи в храме
Никорай-до.
В центре
архиепископ
Николай
и его преемник
по кафедре
епископ Сергий
(Тихомиров).
1909 год

Игумен Иоанн уверен, что дальнейшее изучение наследия святителя Николая откроет новые грани деятельности миссии в Японии

в самых трудных ситуациях встречаются русско-говорящие японцы. Едем, к примеру, группой на трамвае, названия остановок – только иероглифами. Задаю попутчикам риторический вопрос: как бы нам выйти на нужной остановке? Рядом со мной японец отвечает по-русски: я подскажу.

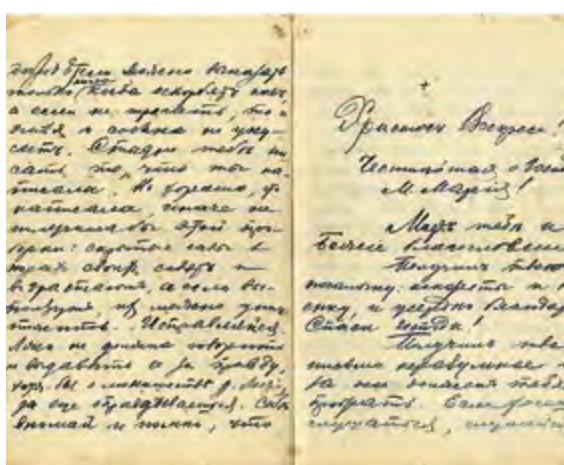
– Японцы наверняка привнесли в православие свой национальный колорит...

– Перед входом в храм все снимают обувь, надевают тапочки, на полу часто лежат циновки – все как в японском доме. Женщины – в кимоно. На службу приходят только в воскресенье. Японцы – трудоголики. Если какой-то праздник выпадает

на будний день, то его переносят на воскресенье. Существуют ограничения, связанные с языческими верованиями. Так, христиане не могут работать на производстве саке. Изначально это рисовое вино – культовый напиток, и до сих пор при его изготовлении совершаются религиозные обряды. В синтоистских храмах саке используется в обрядах. Сам видел однажды, как в храме хранителя риса – бога Инари – жрица подала адептам для культового приобщения саке. Но это касается только религиозного аспекта – в гостях христианам запросто предлагают саке. И они пьют – по апостолу Павлу, «без всякого исследования».

– Работа по изданию трудов святителя Николая еще не закончена, а все-таки, что лично вам дало изучение его наследия?

– Более всего меня впечатлила та сила духа, с какой святитель Николай брался за, казалось бы, непосильные труды. Вот где чувствуется Благодать Святого Духа. И когда читаешь рукописи, этот настрой тебе передается. ●

Пасхальное письмо равноапостольного Николая монахине Марии

Николай Японский и его ближайший помощник поэт Павел Накай

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ВИЗИТ ПЕТРА I ВО ФРАНЦИЮ ЗАВЕРШИЛСЯ ПОДПИСАНИЕМ 15 АВГУСТА 1717 ГОДА АМСТЕРДАМСКОГО ДОГОВОРА. ЭТО БЫЛ ТРЕХСТОРОННИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ПРУССИЕЙ. ОН УСТАНАВЛИВАЛ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПАРИЖЕМ И МОСКОВЬЮ, А ТАКЖЕ ОБЯЗЫВАЛ ФРАНЦИЮ ВЫСТУПИТЬ ПОСРЕДНИКОМ В ПРИМИРЕНИИ РОССИИ И ШВЕЦИИ И ПРЕКРАТИТЬ ВЫПЛАЧИВАТЬ СУБСИДИИ КАРЛУ XII. ВСКОРЕ, ПРАВДА, ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ФРАНЦИЯ НЕ СОБИРАЕТСЯ РАДИ РОССИИ ЖЕРТВОВАТЬ СВОИМИ ОТНОШЕНИЯМИ С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ТУРЦИЕЙ, ОДНАКО НАЧАЛО БУДУЩЕМУ ФРАНКО-РУССКОМУ СОЮЗУ БЫЛО ПОЛОЖЕНО. УДАЛОСЬ ДОБЫТЬСЯ ГЛАВНОГО: РОССИЯ СТАЛА РАВНОПРАВНЫМ УЧАСТНИКОМ СЛОЖНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИГРЫ.

ВИЗИТ В ПАРИЖ ДАЛ ТОЛЧОК и другим направлениям франко-русских отношений. В одном из них русский государь очень хотел преуспеть! После знакомства с малолетним Людовиком XV царь задумал устроить его брак со своей дочерью Елизаветой Петровной. Но здесь русский монарх столкнулся с непреодолимыми трудностями: список потенциальных невест малолетнего короля был обширен и насчитывал почти четыре десятка имён. Вокруг каждой кандидатуры разворачивались нешуточные дворцовые комбинации. Сложнейшую брачную паутину плел, например, герцог Филипп Орлеанский. По его замыслу, серия франко-испанских династических браков должна была восстановить союзнические отношения между Парижем и Мадридом, нарушенные войной Четверного союза (Великобритания, Франция,

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №8 за 2021 год.

Л. Каравак. Портрет Елизаветы Петровны в юности

Священная Римская империя, Нидерланды) против Испании в 1718–1720 годах. В невесты королю он присмотрел инфанту Марианну-Викторию, старшую dochь короля Филиппа V и его второй супруги, Изабеллы (Елизаветы) Фарнезе. Одновременно он расчитывал выдать замуж одну из своих шести дочерей, Луизу-Елизавету Орлеанскую, мадемузель де Монпансье. Ее избранником был намечен инфант Луис, принц Астурецкий, старший сын Филиппа V от первого брака, с Марией-Луизой Савойской (брак этот состоялся 20 января 1722 года). В январе 1724 года после отречения отца Луис под именем Луиса I взошел на престол, но спустя несколько месяцев скончался от оспы). Другая dochь регента, Филиппина-Елизавета Орлеанская, мадемузель де Божоле, должна была выйти замуж за младшего сына Филиппа V и Изабеллы Фарнезе, дона Карлоса, будущего короля Испании Карлоса III. Но этот брак расстроился, и Филиппина-Елизавета в 1728-м вернулась из Мадрида на родину.

БРАЧНЫЕ ИГРЫ

План регента начал осуществляться, когда в марте 1721 года 3-летняя Марианна-Виктория прибыла в Париж, а мадемузель де Монпансье отправилась в Мадрид. Приехавшая «королева-инфант» очаровала всех придворных, кроме главного участника событий. Капризному и насмешливому Людовику идея не по-

Портрет Петра I, гравированный А.А. Афанасьевым

нравилась: явившись с любимой кошкой на заседание Королевского совета и узнав о планах помолвки с испанской кузиной, он все заседание тихо утикал слезы. Теперь же, когда невеста прибыла, король держался от нее подальше. Она же появлялась на всех официальных приемах рядом с ним и семенила за хмурым женихом. Недовольство короля заметил российский посланник в Париже князь Борис Куракин, донесший об этом в Петербург. Как только Петр получил известие о том, что переговоры о браке короля с испанской инфантой расстроились, он дал указания князю Куракину перейти к решительным действиям: «Ты пишешь... что король не хочет жениться на гишинской; того ради зело б мы желали, чтоб сей жених нам зятем был, в чем гораздо прошу все возможные способы к

А.-С. Бель. Людовик XV с Марианной-Викторией Испанской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тому употребить и твой труд по крайней возможности...»

Однако возможности Куракина были ограничены. После смерти герцога Филиппа Орлеанского в декабре 1723 года браком короля занялся первый министр королевства, герцог Бурбонский Луи IV Анри де Конде. Он отставал интересы дома Конде и протежировал своей родной сестре, Генриэтте-Луизе де Бурбон, мадемузель де Вермандуа. Среди других невест Людовика XV наибольшими шансами обладали принцесса Каролина-Шарлотта Гессен-Рейнфельс-Ротенбургская, дочь герцога Леопольда Лотарингского Анна-Шарлотта и, наконец, Мария Лещинская, дочь изгнанного польского короля Станислава Лещинского, противника Петра I. Она и опередила конкуренток: при помощи фаворитки герцога Бурбонского маркизы де При Мария Лещинская в августе 1725 года стала супругой короля Людовика XV.

Однако победа польки не поставила точку в поисках французских женихов для цесаревны Елизаветы, «девушка столь же любезной, сколько и красивой». В поле зрения русской дипломатии уже давно находился следующий по старшинству претендент на французский престол – сын регента Филиппа Орлеанского Луи де Бурбон, герцог Шартрский. Свои интересы преследовала, разумеется, и французская сторона, рассчитывавшая с помощью этого «не совсем приличного» для герцога брака заручиться поддержкой могущественного тестя и заполучить для своего ставленника польскую корону. Осторожное прощупывание началось еще в 1722 году. В одном из донесений императору российский посланник в Париже князь Василий Долгорукий сообщал о разговоре с первым министром Франции, кардиналом Гийомом Диуба: «Кардинал, взяв меня за руку, сказал, что он любит меня как родного брата и для того откроет мне последний важный секрет: дук регент может учинить супружество между среднею дщерию вашею и сыном своим дуком Шартром, и потом вы соизволите

помощи к возведению дука Шартра на польский престол; дук регент презрел дочь цезаря и дочь короля португальского и намерен обязаться свойством с вами».

В зависимости от хода переговоров рассматривалась и возможная «рокировка» невест: вместо Елизаветы герцог Шартрский вступал бы в брак со старшей дочерью Петра, Анной. В записке от 10 января 1722 года, представленной версальскому двору российским послом в Париже бароном фон Шлейницием, предполагалось, что в случае заключения брачного союза августейшая невеста объянялась бы тогда наследницей российского престола и получала в качестве приданого территории Ливонии. Если принцесса умирала бездетной, земли эти возвращались под власть российской короны. Особые оговорки касались возможности герцога Шартрского занять французский трон – в таком случае в брачном договоре оговаривали бы специальные условия, при которых «российская монархия оставалась навсегда независимой от монархии французской». Последнее обстоятельство, а также возможность объявления Анны Петровны наследницей российского престола превратили бы супругов в «помеху» друг другу, что в конечном счете и заставило Париж и Петербург отказаться от этого брака.

Петр, не расположенный в интересах французской дипломатии «таскать каштаны из огня», хода делу не дал, но в 1724 году вернулся к обсуждению матrimониального вопроса. Очередным претендентом на руку Елизаветы оказался «Мсье Принц» – герцог Бурбонский Луи IV Анри де Конде, следующий после герцога Шартрского принц крови. Сын принца Луи III де Конде и одной из незаконнорожденных дочерей Людовика XIV и мадам де Монтеспан, Луизы-Франсуазы де Бурбон, герцог Бурбонский был ранее женат на Мари-Анне де Бурбон-Конти, дочери знаменитого полководца Франсуа Луи де Бурбона, Великого Конти. Но в 1720-м овдовел и присматривал себе подходящую партию. Узнав о предложении герцога Бурбонского, Петр I начал прики-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жан-Батист Ван
Лоо. Мария-
Катерина-
София-Фелиция
Лещинская,
королева
Франции,
супруга короля
Людовика XV

дывать варианты: у него еще телились надежды на удачное завершение переговоров о браке Елизаветы и Людовика XV, однако сбрасывать со счетов нового претендента на руку дочери в его намерения не входило. Посчитав, что два жениха лучше, чем один, император направил послание князю Куракину и посоветовал послу рассматривать герцога «на опи- ску взяти или иной отлагательной способ употребить ласковым образом». Однако «ласковые» методы российской дипломатии успеха не достигли: переговоры о женитьбе герцога и цесаревны Елизаветы Петровны постепенно сошли на нет. Будущая российская императрица так и не вышла замуж, а ее несостоявшийся французский жених остановил выбор на гессенской принцессе Каролине-Шарлотте.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет
князя Бориса
Ивановича
Куракина
(1676–1727).
Гравюра резцом.
После 1717 года

ПЕРВЫЕ ФРАНЦУЗЫ

Новации во франко-русских отношениях отразились еще в одном вопросе. Приезд Петра в Париж открыл дорогу в Россию французским мастерам, художникам, военным и инженерам. Разумеется, французы на российских просторах появлялись и раньше. Одним из них был вельможа и храбрец, генерал-инженер Жозеф Гаспар Ламбер де Герен. Подлинный авантюрист, Ламбер ранее подвизался на польской службе и прибыл в Россию в 1701 году. Человек горячего нрава, он сразу заявил о себе, заколов на дуэли возле Нюхченской пристани в Карелии голландского капитана Питера фон Памбура. Царь вник в дело и, узнав, что виновником ссоры был Памбурх, простили дуэлянта. С тех пор Ламбер был рядом с Петром: вместе с царем француз осаждал Ниеншанц, выбирал место для будущего Петербурга и начертал проект первой «земляной фортеции» – дерево-земляной Петропавловской крепости на Заячьем острове. В 1703 году он получил от Петра орден Святого Андрея Первозванного, но спустя два года под Гродно неожиданно перешел на службу к королю Польши Августу II, потом обретался в Копенгагене. В 1707-м он объявился в Париже, представившись «8-й особой с велможи Московии и бутто бы был он однем управителем всех осад в службе его царского величества» и рассчитывая стать резидентом французского короля в Московии. Неудача заставила Ламбера уехать в Берлин. Здесь его настигли российские власти: по требованию Петра прусский король приказал схватить «изменника». Его арестовали и с парадного кафана сорвали «рыцарский орден». Однако хитрец сумел бежать из под ареста и укрылся в Константинополе. В 1715 году он вновь заявил о себе, написав царю повинную, в которой просил вернуть его на русскую службу. Петр же приказал вычеркнуть отовсюду его имя и впредь не упоминать. Кстати, во время

своих скитаний Ламбер иногда менял шпагу на перо. Результатом его литературных занятий стала книга «Князь Кушимен, Татарская история, и Дом Альвар дель Соль, Неаполитанская история» (1710). Действующие в ней Великий Хан и Князь Кушимен были узнаваемы с первого взгляда: это царь Петр Алексеевич и светлейший князь Меншиков, скрытый анаграммой «Кушимен».

Другой француз, вице-адмирал Франсуа Гийом де Вильбоа, с 1698 года навсегда связал себя с Россией. Этот бравый бretонский моряк не отходил от государя: как царский денщик, он участвовал во всех военных походах Северной войны и не раз выполнял важнейшие поручения Петра. Входил он и в состав

доверенной «кумпании» царя – Всесущего собора. На свадьбе царя с Екатериной выступал шафером, а Петр offered ему честь, став крёстным его дочери. Вильбоа прославился в 1719 году, блокировав на 18-пушечной шняве «Наталия» в Данциге стоявшие в гавани 100 британских и нидерландских купеческих судов и запретив им вывозить в Швецию грузы с зерном. Подошедшая с моря шведская эскадра перекрыла Вильбоа выход, однако француз не сдался и пригрозил в случае нападения «стоять здесь до последнего человека», а затем затопить на Висле суда с камнями. Он прозимовал в Данциге и только весной 1720-го ушел, оставив по себе недобрую память у поляков и шведов.

16 мая 1717 года
Петр I поднялся
на галерею
собора Нотр-Дам
«для смотрения
великой
духовной
церемонии» –
праздника Тела
Господня

НЕСЧАСТНЫЙ АРХИТЕКТОР

Однако все это были отдельные эпизоды. Начиная же с 1717 года франко-руssские культурные контакты оживились. Еще в 1715-м царь дал согласие принять на русскую службу прославленного архитектора Жан-Батиста Леблона. Летом 1716 года в курортном Пирмонте Леблон, уже ехавший в Петербург, был представлен лечившемуся на здешних водах Петру. Мастер очаровал царя и получил звание генерал-архитектора, то есть главного архитектора Петербурга. В российскую столицу Леблон отправился с сопроводительным письмом к князю Меншикову, в котором Петр писал: «Сей мастер есть из лучших в свете и прямою диковинкою есть, как я в краткое время мог его разсмотреть. К тому же не лениф, и добрые гуморы (от франц. bonne humeur – хороший нрав) есть человек, также кредит великий имеет в мастеровых во Франции. Кого надобно через него достать можем. И того ради объяви всем архитектам, чтоб все дела, которые внофы начинать будут, чтоб без его потписи на чертежах не строили, также и старое, что мочно, еще исправить».

Знал бы новоиспеченный генерал, чем обернется для него приезд в Петербург. Честный, не-

И.-М. Бернигер.
Гравированный
портрет Жозефа
Гаспара Ламбера
де Герена. 1711 год

ПРЕДОСТАВЛЕННОМ ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

зависимый, высокомерный и педантичный Леблон работал днем и ночью не покладая рук и жаловался царю, что «имеет дел больше, нежели можно снести». На его плечи лег титанический труд: Петергофский дворец и парк с Монплезиром, дворец адмирала Федора Апраксина, Летний сад, мост в Нарве и, конечно, генеральный план всего города с центром на Васильевском острове. По замыслу француза, Санкт-Петербург должен был стать идеальным городом-храмом, раскинувшимся по берегам величавой Невы, которая, словно гигантская водная площадь, рассекает столицу. Набережные он мыслил застроить десятками каменных зданий, вокруг города возвести мощные стены с башнями в окружении бастионов. Центр столицы Леблон расположил на Васильевском острове, прорезанном каналами, как того хотел царь. Здесь предполагалось разбить три величественные площади по типу парижских: Королевской, Вандомской и Дофина. Одна, с памятником Петру посередине, смотрела на морской простор, ее обрамляли государственные учреждения: Сенат, коллегии, ратуша. Государев дворец планировался на

В воскресенье 5 мая 1717 года Петр I посетил Дом инвалидов, где «обретаетца болных и старых отставных салдат и унтер-офицеров около 4000 человек»

Летний дворец Петра I. Гравюра А.Ф. Зубова. 1716 год

второй площади, от него во все стороны расходились главные улицы, где селились бы важные сановники, вокруг дворца Меншикова – храмы наук и искусств. Город прорезали прямые улицы, перекрестки и площади украшали фонтаны и статуи. Больницы, богадельни, бойни, свалки, кладбища, места казней и жилища для «подлого люда» были вынесены за городскую черту. Плану Леблона не суждено было осуществиться. Едва приехал в Петербург, самоуверенный Леблон навлек на себя недовольство здешних архитекторов, Трезини и Растрелли, а главное – всесильного генерал-губернатора князя Меншикова. Перед

отъездом за границу Петр оставил Меншикову указания прокопать Васильевский остров каналами, но не задал их точной ширины, полагая, однако, что она должна позволять свободно разойтись двум баркам. Теперь, вернувшись в Петербург, царь вместе с Леблоном отправился в шлюпке осматривать сделанное. Обойдя остров и сверив произведенные работы, он стал мрачнее тучи. Каналы оказались мельче, встречным баркам в них было не разойтись. Леблон покал плечами: «Все срить, государь, сломать, строить вновь и другие вырыть каналы». Государь хмуро произнес: «И я думаю тож». Царь призвал Меншикова, тряс его нещадно, как нашкодившего щенка, тыкал головой в планы: «Ты безграмотный, ни счета, ни меры не знаешь. Черт тебя побери и с островом! Все испортил! Вытолкав прочь князя, Петр отошел: «Я виноват сам, да поздно; сие дело не Меншикова; он – не строитель, а разоритель городов». Меншиков не забыл унижения, все нашептывал царю на француза, мечтая отомстить Леблону. Удобный случай представился во время создания Петергофского парка. Леблон распорядился

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

остричь кроны деревьев, чтобы открыть вид на зверинец. Меншиков тут же послал к царю гонца с донесением на самоуправство архитектора, ведь рубят любимые деревья государя, сомлично им посаженные. Разъяренный Петр помчался в Петергоф, увидел рабочих, рубящих ветви, закричал страшно. Увидев улыбающегося Леблона, хватил его тростью и матерно обругал. Такого обращения несчастный француз не перенес, слег с сердечным приступом. Петр же остыл, походил по парку, нашел, что деревья после стрижки стали лучше. Тогда он послал извинения Леблону, но француз от унижения не оправился и в феврале 1719 года умер. Коварного же Данилыча государь за ложный донос отдал по первое число, да только светлейшему проныре все было нипочем.

Что в этой истории, поведанной картографом и гравером Якобом Штелином, правда, а что – нет, мы, по-видимому, так и не узнаем. Похоронили Леблона на Немецком кладбище возле храма Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне. Жене архитектора, урожденной Марии Левек, была назначена пенсия. По распоряжению Петра были выкуплены принадлежавшие Леблону книги и рукописи. Весной 1721 года «Леблонша» подала в Коллегию иностранных дел челобитную о выдаче ей паспорта для возвращения во Францию и была отпущена «во отчество свое».

Леблон оказался одной из первых ласточек, приглашенных из Франции в Россию. Следом за архитектором его талантливые соотечественники во множестве устремились в Россию. Они везли заказанные во Франции портреты, ткани, gobelены, мебель, картины, вазы, скульптуры и ювелирные украшения. Назовем самых известных: «резной мастер» Никола Пино, художник Луи Каравак, фонтанные мастера-механики братья Жирар и Поль-Жозеф Суalem, «каменный мастер» Антуан Кардасье. Замыслы русского царя сулили им невиданные возможности.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РЕЙМССКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

22 июня 1717 года, на обратном пути в Россию, Петр заехал в Реймс – старинный город апостола франков святого Ремигия, в главном соборе которого начиная с Хлодвига французские короли получали помазание на царство. Городской совет столицы Шампани организовал «московитскому государю» торжественный прием: палили пушки, Парижские ворота были украшены царским гербом, встречал почетного гостя караул стрелков-аркебузиров. Царь пренебреж церемониями, решив сосредоточиться на главных туристических объектах. Вместо посещения дворца То – резиденции реймсских архиепископов, где его ожидал архиепископ Реймсский, первый пэр королевства Франсуа де Майи, – Петр направился в монастырь Святого Ремигия. Архиепископу пришлось менять планы: он в спешке добрался до обители и успел подать руку царю, когда тот выходил из кареты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.-Д. Мартен.
Людовик XV
с эскортом после
коронации
26 октября
1722 года

Священнослужители торжественно ввели царя в храм, показали картины Тициана, Тинторетто и, главное – священный сосуд с миром для причащения королей во время коронации. Они рассказали Петру, как во время крещения Хлодвига 25 декабря 498 года народу в собор набилось столько, что служитель, несший елей для миропомазания, не смог прорваться сквозь толпу. Тогда Ремигий увидел белую голубку, слетающую с небес и несущую в клюве сосуд с маслом. С тех пор при коронации монарха эту «драгоценную жидкость» добавляли в миро для очередной коронации, подчеркивая преемственность французских королей-чудотворцев от основателя первой королевской династии. В этом ритуале символически подчеркивалась божественная природа монархии – ведь во время помазания на короля снисходил Дух Господень и он приобретал свойства некоего жреца – личности неприкосновенной, любое сопротивление которой воспринималось как святотатство.

Выпив пива и отдохнув в монастырском саду, Петр пожелал, чтобы его отвели к усыпальнице святого Ремигия. Ему хотелось осмотреть хранившуюся здесь Святую Стеклянницу – реликварий с золотым голубем, в котором хранились священный сосуд, наполненный темно-коричневой жидкостью, и золотая игла для отделения священного бальзама. Оглядев реликвию, царь перекрестился, а затем, к ужасу смотрителей, попросил извлечь священный сосуд, чтобы его изучить. Ссылаясь на необходимость поиска ключей, монахи затянули дело. Петр махнул рукой и отправился смотреть еще одно чудо Реймса – знаменитую «качающуюся башню» бенедиктинского аббатства Сен-Никез, варварски снесенного во времена революции. Один из колоколов ее, весом более тонны, вызывал вибрацию всего сооружения. По узкой винтовой лестнице царь поднялся в небольшую башенку к знаменитому колоколу и, закрыв глаза, казалось бы, погрузился в глубо-

кую медитацию: «Можно было подумать, что он уснул. Но, похоже, он закрыл глаза только затем, чтобы, сосредоточив все внимание, самостоятельно убедиться в движении башни, о которой его предупредили. Затем он продиктовал своему секретарю то, что думал об отношении между движениями колокола и башни».

После царь вернулся в монастырь Святого Ремигия, где смог наконец прикоснуться к священному сосуду, после чего осмотрел многие из уникальных реликвий в церкви. Увидеть их сегодня невозможно: во времена революции храм подвергся разорению, революционеры 1793 года не пощадили ни Святую Стеклянницу, ни гробницу Хлодвига, ни уникальные мозаичные полы, ни мозаику на хорах.

Петр между тем продолжал экскурсию по городу. Наскоро побывав в архиепископском дворце, он направился в Реймсский собор. Здесь ему показали старинную рукопись в позолоченном окладе, украшенном драгоценными камнями – так называемое Реймское Евангелие, на котором, по преданию, вступавшие на престол французские короли приносили клятву. Пергаментная рукопись, как объяснили священники, написана никому не ведомыми письменами. Петр взял Евангелие в руки и начал читать вслух потрясенным клирикам. Книга была написана по-церковнославянски и, по бытовавшей тогда легенде, попала во Францию как часть приданого Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого: в 1051 году ее выдали замуж за французского короля Генриха I (см.: «Русский мир.ru» №3 и 4 за 2021 год, статья «Анна Русская – королева франков». – Прим. ред.).

Как часто случается, политическая конъюнктура диктовала правила игры: предание о древних связях Франции и России оказалось крайне востребованным на фоне разворачивавшегося в конце XIX века франко-русского военно-политического союза. Республиканская Франция, жив-

Реймское
Евангелие

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д. Квальо.
Реймсский
собор.
1827 год

шая воспоминаниями о немецком разгроме 1870 года, видела в императорской России свою «спасительницу», позволившую ей выйти из дипломатической изоляции и начать восстанавливать военную мощь. Реймское Евангелие идеально вписывалось в идеологический сценарий тех лет, превратившись в убедительное доказательство глубины франко-русских исторических корней. Идею воспользоваться ситуацией подхватил министр народного просвещения Франции, историк и профессор Сорбонны Альфред Никола Рамбо. В сентябре 1896-го манускрипт продемонстрировали императо-

ру Николаю II при посещении им церкви Сент-Шапель на острове Сите. В 1901 году рукопись вновь послужила делу франко-русского союза: ее показали императрице Александре Федоровне во время визита в Реймс.

Рукопись, которую видел Петр, сегодня хранится в Реймской библиотеке Карнеги. Состоит она из двух разнородных рукописных фрагментов, сшитых в единый сборник. Первая часть манускрипта – отрывок богослужебного Евангелия, писана кириллицей и предположительно может быть датирована XI–XII веками. Второй рукописный фрагмент относится к XIV веку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Во время визита Петра I в Париж в Лувре для царя были отведены роскошные покой Анны Австрийской

Он представляет собой сборник праздничных чтений по католическому ритуалу и написан глаголицей на старом чешском языке. Надо полагать, что никакого отношения к Ярославу Мудрому эта часть Реймсского Евангелия не имеет, а вот первая часть гипотетически могла быть связана с приездом княжны Анны Ярославны во Францию.

Истоки происхождения таинственного манускрипта теряются в Богемии времен императора Священной Римской империи Карла IV, пожертвовавшего рукопись с обоями фрагментами Эмаусскому монастырю ордена бенедиктинцев, основанному им в 1347 году в Праге. Непонятно, каким образом богослужебная книга времен Анны Ярославны попала из Франции в Прагу и почему ее объединили в единый сборник с текстом католических служб. Обратно же из Праги во Францию рукопись попала накануне Пасхи, в апреле 1574 года: в дар капиттулу Реймсского собора ее преподнес кардинал Лотарингский и архиепископ Реймсский Шарль де Гиз – известный библиофил и собиратель редкостей. Каким путем почтенный прелат ее приобрел – также неизвестно, версии на этот счет су-

ществуют разные. По одной из них, манускрипт был преподнесен ему неким безвестным францисканским миссионером. По другой – получен от константинопольского патриарха. Полагали также, что кардинал Лотарингский привез славянскую рукопись из Рима после аудиенции у папы римского Павла III. Что же касается свидетельств, подтверждающих использование Реймсского Евангелия во время коронации французских монархов до второй половины XVI века, то они также до нас не дошли, что, впрочем, вполне объяснимо, если рукопись попала в Реймс только в 1574-м. Поэтому первым из французских королей, кто мог бы принести на ней клятвы, был король Генрих III Валуа: его коронация прошла в Реймсском соборе 13 февраля 1575 года.

Неубедительно выглядит и предание о чтении Петром первой части манускрипта. В Реймсском соборе он провел немного времени, спешил, торопясь к вечеру добраться до Ретеля, и потому довольно бегло оглядел и церковную утварь, и «Славянский молитвенник».

Далее дорога царского поезда вела в Шарлевиль. Отсюда на

речных барках Петр по Мёзу прошелевал до города Живе с крепостью Шарлемон – последний пункт на пути августейшего путешественника: «Тут стреляли ис пушек, и от того места канвой французской повернулся, для того что от Шарлемон встретили и пошли за его величеством цесарские солдаты». Впереди были Динан, Льеж и Спа.

Посещение Французского королевства Петром I закончилось, обе страны начали искать дружбы друг друга. Вдохновителем этого дипломатического поворота был царь Петр Алексеевич, преобразователь, не приемлющий стереотипы и умевший принимать парадоксальные решения. В который уже раз «дерзкий московит» пересматривал правила игры и доказывал, что там, где, казалось бы, «миссия невыполнима», успех вполне достижим. И сотни раз был прав великий Оноре де Бальзак, за горами мишурь, окружавшей образ государя Петра, разглядевший главное: «Чтобы пробуждать к жизни новые народы или создавать новые идеи, могучий мозг таких людей должен обладать одновременно животворной щедростью, подобно материинской груди, и мощью самого бога».

ТАРА INCOGNITA

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОТЕЛКИНА
И СЕРГЕЯ ТАТАУРОВА

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

После гибели Ермака московское правительство направило в Сибирь новый отряд казаков, под командой воевод Ивана Мясного и Василия Сукина, основавших здесь в 1586 году первый русский город – Тюмень. На следующий год отряд письменного головы Данилы Чулкова ставит город на Иртыше – Тобольск. Потом строятся еще два города: Пелым и Березов.

Первые русские поселения постоянно подвергались нападениям – в конце XVI века в Сибири было неспокойно. Потомок Чингисхана сибирский хан Кучум оказался противником весьма упорным. К лету 1590 года он восстановил власть над значительной территорией Сибирского ханства, взяв под контроль степи от Тобола до Оби. Своих бывших подданных, признавших власть русского царя, Кучум

ТАРА БЫЛА ОСНОВАНА В 1594 ГОДУ – СПУСТЯ ВСЕГО ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ЕРМАКОМ СТОЛИЦЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА КАШЛЫКА. ОНА СТРОИЛАСЬ КАК ФОРПОСТ НА ТЕРРИТОРИИ ВРАЖДЕБНОГО ХАНСТВА. И КОЧЕВНИКИ НЕ ЕДИНОЖДЫ ПЫТАЛИСЬ ПРЕДАТЬ ЕЕ ОГНЮ И СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ.

« В

НЕЗАПУ ЖЕ погани при идоша даже до стен градских во оруженном одеянии светящиеся. Гражане ж едва успела затворити врата, ини же пленени быша и отведени во станы их. Погани же таковая глаголаху гражданам: «Раззорите град и очистите место: мы хощем кочевати зде, се земля наша есть; аще ли не очистите, утре пришед всячески град сей, яко птицу, руками своими возмем и пуста его положим». Так в старинной «Повести о горо-

дах Таре и Тюмени» описываются события осени 1634 года, которая вполне могла стать для Тары последней. Но крепость выстояла. Сегодня Тара – утопающий в цветах тихий пасторальный городок за 300 километров от ближайшей железнодорожной станции. Над живописными деревянными кварталами возвышается колокольня Спасского собора – по ней до сих пор можно сориентироваться из любой точки Тары. В городке с 28-тысячным населением царит удивительная тишина. Тара заслужила отдых...

Спасский собор – первое каменное сооружение на территории Омской области

не стеснялся грабить и убивать. В 1590 году он устроил опустошительный набег на две татарские волости, которые находились в верховьях Иртыша.

Русские ответили большим походом тобольского воеводы Владимира Кольцова-Мосальского летом следующего года. Причем в отряде Кольцова-Мосальского было много татар, которые хотели посчитаться с ханом-разбойником. Отряд настиг Кучума у Ишима и разбил его. В плен попали сын хана Абдул-Хайр и две жены, которые были отправлены в Москву. Сам Кучум сумел скрыться в Барабинской степи. И продолжил тревожить татар, перешедших на русскую службу, избегая прямых столкновений с русскими войсками. Необходимость строительства укрепления, максимально приближенного к границам Сибирского ханства, становилась все более очевидной. В 1592

году тобольские казаки провели разведку среднего течения Иртыша до устья Тары. А через два года царь Федор Иоаннович поручил князю Андрею Елецкому: «...итти городставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было вперед прибыльяе, чтоб пашню завести, и Кучуму царя итеснить, и соль устроить».

Панорама Тары

Гравюра с изображением Тарского города – иллюстрация к книге голландского картографа Николааса Витсена «Северная и восточная Тартария»

ПОСРЕДИ ВРАЖЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Цели миссии Елецкого были масштабными. Прежде всего – решить наконец вопрос с Кучумом и присоединить к России обширные территории, оставшиеся под властью хана. Кроме того, новая крепость должна была стать базой для отправки экспедиций на Ямышевские озера за солью, бывшей тогда стратегическим ресурсом. И, разумеется, Таре предстояло обеспечить защиту южных границ.

По логике вещей, руководить предприятием государственной важности должен был человек с богатым боевым опытом. У Елецкого таковой имелся в избытке. Елецкие вели свой род от князя Федора Елецкого, участника битвы на Куликовом поле. Андрей родился в семье наместника приграничного города Рыльска князя Василия Елецкого, рос в «прифронтовой обстановке». Военную службу начал командиром дружины на южной оборон-

нительной линии, был головой в полку левой руки в походе из Корелы в Ливонию, два года спустя участвовал в Ливонском походе, служил вторым воеводой в Чернигове и воеводой в родном Рыльске. Человек приграничья, человек войны...

О сложности миссии, возложенной на князя Елецкого, свидетельствует исключительно подробный царский наказ – детальная инструкция, в которой прописаны буквально все моменты. Елецкому надлежало сообщить в Москву, когда его отряд выступит из Тобольска, а после основания города прислать в столицу его чертежи. Русскому экспедиционному корпусу предписывалось ни на мгновение не терять бдительности: «А идучи из Тобольского, воеводе князю Ондрею с товарыщи про Кучума царя и про нагайских людей проведывать, где ныне Кучном царь кочует, и сторожи наперед себя конные посыпать, чтоб Кучном царь, собрався с нагайскими людьми, пришел над воеводами и над хлебными запасами безвесно порухи некоторой не учинил. А конным людем по тому ж итти бережно...»

Отряд для выполнения государева поручения начал формироваться в Москве и Казани. В Сибири он пополнился тюменскими и тобольскими казаками, а также местными татарами. С отрядом шли мастера-плотники – построить крепость нужно было в кратчайшие сроки. Весной 1594 года из Тобольска выступили 1540 человек.

В «инструкции» оговаривались все подробности предстоящего строительства. «А пришед на Тару реку, присмотреть под город место, где пригоже быти новому городу, туто и место очистить и город поставить. А делать город и лес возить всею ратью, всеми людьми и конными и пешими, и зделать бы город во всех стенах, и в башнях и в городи...». Но крепость в итоге построили на берегу другой реки – Аркарки. Участок в устье реки Тары «не поглянулся князю Елецкому по низости и неудоб-

О построенной Андреем Елецким крепости сегодня напоминает лишь современный новодел

ству». От первоначальной идеи осталось только имя, которое и было дано городу. Деревянный город-крепостьозвели за пару месяцев – работы начали летом, а завершили осенью. Вокруг Тары леса хватало, но нужно было торопиться, чтобы противник не смог помешать строительству. Елецкий заложил крепость на мысу, ограниченном с двух сторон оврагами, то есть ров копать уже не было нужно. Доступ к крепости затрудняли изрезанные оврагами участки иртышской поймы, речки Аркарка и Овражек и два болота. Естественных преград не было только с юго-западной стороны. Город состоял из крепости и острога. Первое описание Тары, сделанное в 1624 году тобольским стрелецким головой Василием Тырковым, повествует, что крепость была обнесена стеной, состоящей из 116 городней (деревянных срубов, заполненных землей) и пяти башен. Была соружена также одна передвижная восьмигранная башня-раскат (раскат, также роскат – платфор-

ма для размещения артиллерии в виде пристройки к крепостной башне или отдельного башнеподобного строения. – Прим. авт.). В стене было двое «водяных» ворот, обращенных к Иртышу и Аркарке. Острог защищал высокий тын. Здесь было шесть башен: четыре с проезжими воротами и две глухие. В крепости и посадах было 263 двора. Обстоятельства не позволили построить Тару в тех размерах, которые предполагались царским наказом: «город на 300, а острог от 300 до 500 квадратных саженей». Летопись отмечает, что «сие определение точно не исполнилось... построен малой город на 42 сажнях квадратных, а острог был в длину двухсот, а в ширину 150 сажень. Внутри острога надлежало быть обывательским дворам. Но оное место было тесновато и многие по нужде за острогом построились». Тара была населена стрельцами, казаками, рейтарами и другого звания людьми из Москвы, Новгорода, Казани и прочих, в основном северо-русских, земель.

Берег реки Аркарки – именно в этих местах разворачивались драматические события, увековеченные в «Повести о городах Таре и Тюмени»

Были среди них и военнопленные, которых в Сибири объединяли по так называемому «литовскому списку»: поляки, литовцы, немцы, шведы...

По «Счетному списку» 1625 года видно, что город был вооружен лучше стольного Тобольска. Тара располагала следующим «нарядом»: «В городе на роскате писцаль полуторная медная 1, а к ней 280 ядер железных... в городе же по башням 10 писцалей затинных (то есть крепостных, предназначенных для стрельбы «из-за тына» гаковниц. – Прим. авт.) <...> В остроге же на Пятницкой новой башне и на Борисоглебских воротах писцаль скорострельная... 2 писцали 9-ядерные медные... В остроге же на Чатской башне писцаль скорострельная... В остроге по башням 4 волконейки железные». Волконейками на Руси называли фальконеты. Один из них, кстати, можно увидеть в Тарском краеведческом музее.

Гарнизону Тарской крепости было поручено «береженье на крепко от Кучума царя держа-

ти». При этом московские власти рассматривали и возможность переговоров с ханом. В том же наказе Елецкому поручалось сообщить хану, «что государь Кучума царя хочет держать под своею царскою рукою, и сына к нему Облагайра и людей [его], вперед пожаловав своим царским жалованьем, отпустит». Но Кучума такие перспективы явно не вдохновляли...

Завершив постройку Тары, Андрей Елецкий трижды посыпал русско-татарские отряды на поиски Кучума. Первый поход, под командой Григория Ясыря, в свое время служившего с Ермаком, был сравнительно недальней разведкой боем. С небольшим отрядом казак поднялся по Оми, выше устья которой – в «Черном городке» на левом берегу Иртыша – стоял Кучум. И выяснил, что хан, потеряв тарское Прииртышье, создает новые укрепленные городки. Потому через некоторое время отряд в 276 человек под командой письменного головы Бориса Доможирова под-

нялся по Иртышу до «Черного городка», захватил его и обрастил в бегство Кучума, не потеряв ни одного человека. А ранней весной Борис Доможиров возглавил крупный отряд, в 483 человека, который дошел до Барбинской степи, но из-за оттепели повернул обратно.

В 1595 году князя Андрея вызвали в Москву. В Таре его сменил родной брат – Федор Елецкий, получивший царский наказ: «Кучума воевать, а себя от него увереть». Он привел пополнение из казаков и стрельцов. Вскоре отряд тарских казаков совершил поход против городка Тунус, куда Кучум перенес свою ставку, но, как сообщает летопись, «Кучуму с немногими татарами и с женами и с детьми своими удалось утеча на калмыцкий рубеж, между озер в крепкие места и ту живище скрытно пакостяше русским и ясачны зельне».

Московское правительство снова попыталось вступить в мирные переговоры с Кучумом и его сторонниками. Через тарских татар в степь была послана грамо-

та царя Федора: «Государь Кучума-царя хочет держать под своею рукою, а сына его Аблайтирима и людей его вперед пожаловать своим царским жалованием». Но гордый Кучум вновь отверг царское предложение.

Поставленная перед Тарой задача «Кучума-царя истеснить» была выполнена только в августе 1598 года, когда отряд нового тарского воеводы, Андрея Воеикова, за 16 дней прошел 700 верст по степям и болотам, обнаружил и атаковал укрепленный ханский стан у места впадения речки Ирмень в Обь. В этом бою погибли многие соратники Кучума, а сам хан бежал в степь. На русской территории с набегами он более уже не появлялся.

Победители отпилили в Москву: «А про Кучума... языки многие скзывают, что... в судне утек за Объ-реку». Точно неизвестно, когда и где он погиб. Многие историки считают достоверным сообщение, приписываемое одному из сыновей Кучума, что «бухарцы отца... заманив к калмыкам, обманом убили».

Но и после этой победы еще целый век на Тарской земле не было мира. В конце XVI столетия в пределы Южной Сибири вторглись племена калмыков, с которыми заключили союз жаждавшие реванша сыновья и внуки Кучума. Они женились на дочерях тайшней (вождей калмыцких племен) и так получали в свое распоряжение калмыцких воинов.

В 1618 году сын Кучума Ишим вместе с двумя тайшами устроил набег на Тарский уезд. В ответ из Тобольска был совершен поход под руководством Алексея

Вельяминова-Воронцова. «В источнике, содержащем рассказ об этом походе, Вельяминов назван стряпчим, но это название не следует понимать в современном смысле – ходатая по делам. Жильцы, стряпчие, стольники, окольничий были должности или чины, их постепенно достигали дворяне, которые имели заслуги и которым сопутствовало счастье», – поясняет автор «Истории Сибири» Федор Миллер. Царевича Ишими и его союзников-тайшей «повоевали и многих колмацких людей побили и жон их и детей взяли, и верблюды и

Исторический
центр Тары

Самсоновский
мост, открытый
в год 410-летия
Тары

лошади поймали многие, и на Тару тот полон и лошади и верблюды привели». В Тобольск было отправлено 17 верблюдов, а в Тару – 58.

Ясачные люди регулярно писали тарским воеводам (из-за особой важности пограничного города в Тару назначали двух воевод. – Прим. авт.) чебоктные, в которых сообщалось о набегах на Тарский уезд и причиненном калмыками ущербе: «и ясачных людей побили, а иных в полон поймали и с лошадьми и с животами... кочевые места, зверинные промыслы отняли...» Тарские воеводы докладывали в Москву: «Многие калмыцкие люди пришли к Тарскому городу. Под Барабинским острожком был бой с утра до вечера». «А на Таре служивых людей мало. Иные посланы в проезжие станицы и на отъезжие караулы, а иные посланы для бережения в нижние и верхние волости по городкам». А тобольские воеводы, в свою очередь, сообщали: «А наряду, государь, в Тобольску мало, пославши нам холопам твоим на Тару нечего...»

РЕШАЮЩЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Осенью 1634 года калмыки решили покончить с русской крепостью на южной границе. Степнякам было известно «о граде Таре, яко уже точию един град стоит, а окрестныя уезды до основания разрушены и живущих в нем мало», то есть при неблагоприятном развитии событий ждать подмоги защитникам Тары неоткуда.

Когда 12 сентября калмыки подступили к Таре, их никто не ждал. Ведь перед этим, как повествует «История Сибири» Миллера, в Тюмень пришел татарин, который сообщил, что на царевичей Аблая и Давлеткирея (внуков Кучума) напала Казахская орда и, соответственно, им теперь не до набегов на русские земли. Степняки разорили и сожгли почти все русские и татарские деревни вокруг города и ушли в степь с богатой добычей. А через месяц явились снова и взяли крепость в осаду. Но воевода князь Федор Самойлов подготовился к этому визиту: после

Птицы над тихим городом с бурным прошлым

сентябрьских событий он незамедлительно запросил военную помощь из Тобольска.

Археологические исследования, которые с 2007 года проводит в историческом центре Тары омский археолог Сергей Татауров, позволили выяснить подробности событий той горячей осени. Раскопав часть города, примыкавшую к крепостной стене, археологи установили, что примерно в 1629–1636 годах в городе был пожар. А найденная в печи в сторешей избе корчага, полная репы, подсказала, что пожар произошел осенью. На пепелище также нашли пули и наконечники стрел. Значит, в сентябре калмыкам удалось поджечь острожную часть города. Укрепления сгорели, но степняки на штурм не пошли – им хватило награбленного в деревнях.

Через месяц, зная, что стены сильно повреждены, кочевники вернулись с большими силами. Разграбив окрестные деревни, калмыки пошли на штурм со стороны речки Аркарки – там у подножия крепостной стены археологи собрали более сотни пуль. Штурму предшествовал обстрел защитников из луков – об этом свидетельствуют найденные во множестве удлиненные плоские наконечники стрел. Обрыв под 8 метров нападавшие не сочли серьезной помехой – ведь с этой стороны путь им преграждала только одна стена, к тому же поврежденная недавним пожаром. Степнякам даже удалось преодолеть первую линию укреплений – археологи нашли на небольшом участке острога между Тобольской острожной и Княжьей крепостной башнями множество пуль. Но здесь они получили достойный отпор и отошли на ручей Ржавец (приток Аркарки) – недалеко от крепости. Защитники Тары тут же перехватили инициативу, устроив вылазку: у ручья археологи тоже нашли пули. Кочевники отступили на 10 верст и поставили лагерь в устье реки Ибейки. Но это не уберегло калмыков от визита тарских служилых людей, нагрянувших в лагерь перед рассветом.

Анонимный автор «Повести о го-
родах Таре и Тюмени» описывает
ночную вылазку очень подробно,
возможно, он даже был ее участ-
ником: «Прошедже стражей их,
достигоша до речки преж речен-
ной Ибейки, иде же стояша поган-
ых вои без опасения – бе же их
яко травы селныя множество –
овии спаху, овии воставаху, овии
огни возгнешацу на варение яди.
Слышацу ж они топот конский,
но мнеша, яко из их коней, плен-
ники же связани быша яко злодеи...
Тогда забрехал пес изше-
дый из града, погании же сами
мнеша, яко от сел есть пришел
пес. Тогда христианский вои,
яко изучении соколы удариша-
ся на многия жаровлины стада,
возопша велиим гласом: «Дерзай-
те, не бойтесь, Бог с нами!»

Внезапное нападение оказалось успешным. Многие калмыки по-
гибли или утонули в реке, те же, кому посчастливилось уцелеть, «со срамом поидаша во свояси». Победители освободили русских и татарских пленников, захвати-
ли три сотни лошадей и возвра-
тились в крепость.

Описывая защиту города, исто-
рик Миллер отмечает: «Кроме за-
слуг тарских воевод князя Федо-
ра Самойлова сына Вельского и Неупокоя Андреева сына Кокош-
кина в этом деле следует отме-
тить отличную храбрость татар-
ского головы Воина Дементьева,
головы конных казаков Назара
Жадобского, литовского ротми-
стра Андрея Кропотова, прояв-
ленную ими при защите города
и при последовавшем затем пре-
следовании врагов».

А ведь ровно «в та ж времена в Томском граде, в новомъ Качин-
ском остроге и на Красномъ Яру и в Кузнецкомъ остроге мно-
зи християнстии людие падоша
острием меча поганныхъ»...

В последующие годы набеги кал-
мыков и других кочевников про-
должались, но напряженность постепенно ослабевала. Послед-
ний серьезный поход Кучумови-
ча к стенам Тары состоялся в 1667
году, когда «Кучук царевич со
своими с воровскими с воински-
ми людьми з башкиры» вторгся в
Тарский уезд и подошел к городу.

ГОРОД ТАРА

К концу XVII века в степях ста-
ло спокойней: здесь появились
другие русские поселения, кото-
рые могли сообща дать достой-
ный отпор любым незваным
гостям. Но настоящую защи-
ту от набегов Тарский уезд по-
лучил только с постройкой си-
бирских укрепленных линий.
Лишь тогда Тара стала превра-
щаться из крепости в обычный
сибирский город. А первые полу-
тора столетия Тара была именно
крепостью, посад здесь появил-
ся только в XVIII веке.

Ни разу не покорившаяся врагу
Тара горела с завидной регуляр-
ностью. Еще в 1629 году воево-
ды Шаховской и Кайсаров писа-
ли, что в церковь Бориса и Глеба
ударила молния, и в результате
пожара вместе с ней сгорело 20
дворов служилых людей и 100
саженей острога. Острог восста-
новили сразу – нападения степ-
няков тогда можно было ждать
в любой момент. Страшный по-
жар 1669 года, как доносил воево-
вода Мещерский, вспыхнул в
ночь на 8 сентября от топившей-

ся бани конного казака Дениса
Вяткина. В результате сгорели го-
род, острог, воеводский двор, ам-
бары с военными и продоволь-
ственными запасами, приказная
изба с архивами... И каждый раз
Тара отстраивалась заново, букваль-
но возрождалась из пепла.
Из Тары и через Тару шли отря-
ды казаков, строивших крепо-
сти и остроги, которые потом
превращались в города. Под Та-
рой в деревне Чекрушево по-
явилась первая в Сибири «госу-
дарева десятинная пашня». Два
столетия Тара снабжала солью
почти всю Сибирь.

В окружавших Тару лесах в изоби-
лии водились пушные звери,
неслучайно на печати Тарской
воеводской канцелярии был
вырезан соболь, а на гербе го-
рода изображен горностай. Изоби-
лие было такое, что в городе
за год продавалось до 300 тысяч
шкурок горностая.

С самого начала своей истории
Тара не только воевала, но и тор-
говала – караваны из Бухары
пришли в Тару сразу же после ее
основания, ведь крепость была

Пороховой
погреб Княжьей
башни

основана на пересечении торговых путей. И уже в 1630 году на тарской ярмарке появилась китайская фарфоровая посуда.

Кстати, в пограничной крепости находили время и на развлечения, подобающие знати: среди найденных в Таре артефактов есть рукавицы для соколиной охоты.

Дерево – материал недолговечный, потому о ключевой русской крепости на южной

границе сегодня напоминает только неплохо сделанный новодел – пристроенная к местному ДК на центральной площади Тары часть крепостной стены с башнями.

Но историческая Тарская крепость не исчезла полностью. В ходе раскопок Сергей Татаруров с коллегами исследовал подвал одной из башен крепости – восьмиугольной Княжьей. Летом 2017 года было начато

изучение второй башни, Тобольской, в острожной части города. Там находился «зеленый», то есть пороховой, погреб.

За годы раскопок на территории Тарской крепости и острога был исследован культурный слой на площади около 1500 квадратных метров, изучено более 20 архитектурных объектов различного назначения. Оказалось, что в Таре деревянные сооружения сохраняются лучше, чем в других сибирских городах. Усадьба тарского воеводы почти не отличалась от усадеб в европейской части России, необычным был только крытый замкнутый двор. Избы строились небольшие – 16–25 квадратных метров, – чем меньше помещение, тем меньше требуется дров для его отопления. Но все это пришлось вновь засыпать землей: на создание музея под открытым небом пока, увы, нет средств. А ведь, по мнению историков, сохранившееся под землей наследие Тары сопоставимо с находками в Великом Новгороде, Старой Ладоге или Мангазее.

Сосуд для вина,
найденный
археологами
в пороховом
погребе

«ИГРА СТАНОВИЛАСЬ ЖИЗНЬЮ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

КАКОВО ЭТО – ЖИТЬ ДВОЙНОЙ ЖИЗНЬЮ? ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРЕСТУПНИК, НЕ ИЗГНАНИК, ВЫНУЖДЕННЫЙ СКРЫВАТЬСЯ, ТО ПЕРСПЕКТИВА ПРОЖИТЬ ИНУЮ СУДЬБУ МОЖЕТ БЫТЬ ВЕСЬМА СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЙ. ТАКУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕГДА ДАВАЛИ ЛЮДЯМ ТЕАТР И ЛИТЕРАТУРА.

ПРИЧЕМ СОЗДАТЕЛИ произведений искусства в этом смысле всегда были, в отличие от публики, в привилегированном положении: все-таки читатели и зрители могут включиться в выдуманную реальность только в определенных рамках. А создатели задают правила игры. И порой увлекаются – так рождается искусство в искусстве, конструируются новые миры, где все построено на системе бесконечных отражений, загадок, масок. Название этой игре – «литературная мистификация». Поле этой игры может не выходить за пределы выдуманной художественной истории, но иногда оно вторгается в саму жизнь. И тогда жизнь, по выражению Максимилиана Волошина, превращается в дionисийскую мистерию. Или, по Владиславу Ходасевичу, «клюквенный сок иногда оказывается настоящей кровью».

АЙ ДА ПУШКИН!

Одним из первых элементов игры в русскую литературу ввел Пушкин. Речь, конечно, о повестях Белкина. И Александр Сергеевич сразу задал высокую планку. Смысл его мистификации не сводился к разоблачению читающей публикой настоящего автора. С этим как раз сразу все было

понятно. Первое издание вышло под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». Инициалы А.П. никого из литературного мира не вводили в заблуждение, это стало очевидно по первым же рецензиям. Авторы последующих и вовсе открыто критиковали затею Пушкина.

Вот так, например, в 1834 году начиналась рецензия на второе издание повестей в «Северной пчеле»: «Этим литературным маневром думают возбудить участие и внимание читателя, но едва ли достигают своей цели. Настоящий автор всегда почти бывает известен: <...> К чему же мистификация, тайна, предисловие! <...> Был ли на свете Белкин, нет ли, нам все равно; а важны для нас его повести, к которым А.С. Пушкин руку приложил». И действительно, для чего мистификация? Ведь зачем-то она была нужна. Только ли для того, чтобы возбудить внимание читателя?

Да и внимание к чему? И зачем так много масок? Ведь и Белкин ими пользуется, постоянно ссылаясь на других рассказчиков: то на титуларного советника А.Г.Н., то на подполковника И.Л.П. Может, таким приемом писатель хотел добиться эффекта документальности? Дескать, все это реальные житейские исто-

рии, отсюда и сюжеты такие незатейливые, и язык непримечательный. Но тогда почему так много противоречий? Зачем, например, в «Выстреле» подчеркивается, что рассказчик лишен общения с соседями и приезжими, которые могли бы рассказать о дальнейшей судьбе героя, но при этом автор пишет: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсанти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами»? Финал явно выдуман простодушным Белкиным, да еще и в надоевшей всем романтической традиции. К тому времени это ведь уже литературное клише: герой так сложен, так тонок, что места себе в этом мире не находит и гибнет, гонимый тоскою, на чужой непонятной войне.

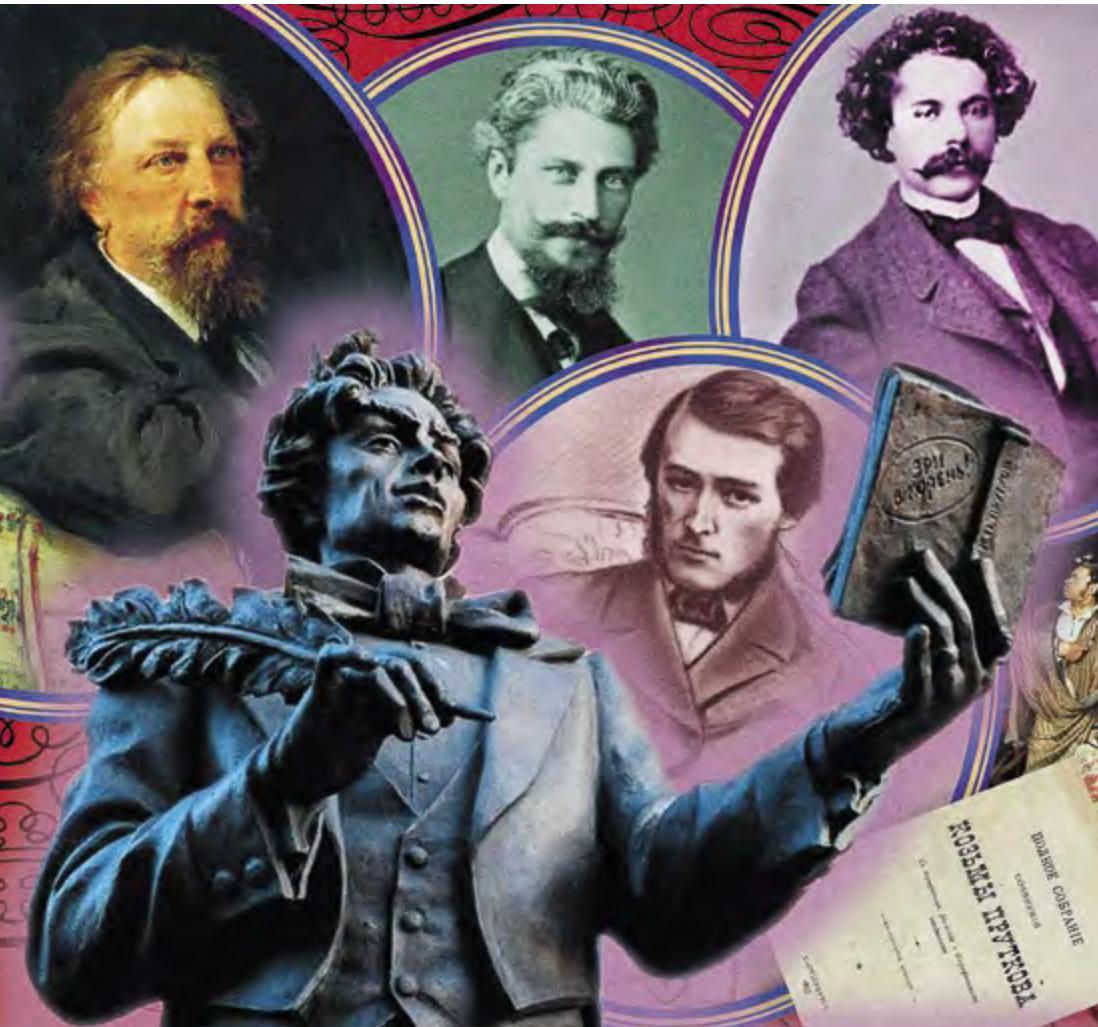
Пушкин шутит и приглашает повеселиться читателей. Но понимают его, кажется, только в узком кругу. Баратынский, прочтя повести, «ржет и бьется», Кюхельбекер смеется над ними, даже находясь в тюрьме. Смеется и записывает в дневнике: «Желал бы я, чтоб об этом узнал когда-нибудь мой товарищ; ему верно приятно было бы слышать, что произведения его игривого воображения иногда рассеивают хандру его несчастного друга».

Вот как! «Произведения игривого воображения». Сегодня было бы не лишним напомнить об этом некоторым очень серьезным школьным учителям, которые даже в «Метели» и «Барышне-крестьянке» не находят ничего, кроме нравоучения. Бедный Пушкин, кажется, его бесхитростный Белкин стал для читателя тем же самым, что и Максим Максимыч Лермонтова для Николая I.

ЗРИ В КОРЕНЬ

Да что там Белкин, так случилось и с Козьмой Прutковым! Это ведь тоже история о том, как еще одна блистательная мистификация вышла за пределы игры и озорства.

Козьма Петрович Прutков родился 11 апреля 1803 года в деревне Тентелевой в семье поме-

В декабре 1850 года Прутков передает через молодых людей в Дирекцию Императорских театров комедию «Фантазия». Опираясь, как бы пьеса не навредила службе, он еще не подписывает ее своим именем. И не напрасно. Сатирику не оценили. Николай I вышел из зала, не дождавшись окончания премьеры. На следующий же день комедия была изъята из репертуара. Но не таков Козьма Прутков, чтобы смириться с неудачей и притеснением цензоров, он намерен и дальше обличать царящие в обществе нравы. В 1851 году в «Современнике» печатаются (без указания авторства) басни «Незабудки и запятки», «Цапля и беговые дрожки», «Кондуктор и тарантул». Басни встречают с большим одобрением, и вот Козьма Петрович выходит из тени.

Новая яркая звезда вспыхнула на литературном небосклоне России. Стихотворения, басни, комедии, трактаты, афоризмы. О Пруткове писали Аполлон Григорьев, Добролюбов, Достоевский, Чернышевский. А после объявленной в 1863 году смерти писателя появилось множество не просто подражателей, но откровенных подделок под Пруткова. Очень быстро Прутков из казенного, но, в общем, невинного литератора, с важностью произносящего банальности, превратился в настоящего гения. Его «общие места» стали крылатыми выражениями. Очень скоро цитировать его стали не с иронией, а с назидательностью.

В 1883 году создатели Пруткова решили закончить игру. Ими оказались вышеупомянутые посредники чиновника-сочинителя – граф Алексей Толстой, его двоюродные братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужники, а также Александр Аммосов и Петр Ершов. Уже после саморазоблачения они наконец выпустили «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова с портретом, fac-simile и биографическими сведениями». Тираж раскупили за неделю.

Удивительно, но даже сегодня многие не хотят видеть в исто-

щике Петра Федотыча. Отец будущего писателя тоже немногого увлекался искусствами, написал оперетту «Черепослов» и комедию «Амбиция», творчество его удостоилось одобрения Державина, Хераскова, Шишкова, а Сумароков и вовсе писал на его славные труды эпиграммы. Более того, и дед Пруткова «владел не хуже слогом, чем Юлий Оттович фон Додт». Учился Козьма прилежно и аккуратно, в 1820 году «ради красивого мундира» поступил на службу в гусарский полк. В 1823 году оставил службу, увидев сон-предзнаменование, и устроился в Пробирную палатку по Министерству финансов. Дослужился до действительно статского советника и стал директором, награжден орденом Святого Станислава.

Однажды Козьма Петрович собрался в Париж, но, дабы путешествие не вышло слишком

накладным, он решил найти попутчика, с которым можно было бы разделить траты, о чем и дал объявление в газете. И вот как-то ночью к нему пришли четверо господ, двое в придворных мундирах. Козьма Петрович выбежал им навстречу прямо в халате и колпаке. Один из гостей представился графом Толстым, трое – братьями Жемчужниковыми. Молодые люди сказали, что прочли объявление и пришли сказать... что в Париж с Прутковым они не поедут. Неслыянная дерзость! Можно ли было так поступить с почтенным Козьмой Петровичем? Конечно, нет. И вот уже вечером хулиганы явились с извинениями. Растроганный чиновник их простил и в знак примирения почитал им свои стихи. Гости пришли в неописуемый восторг и убедили литератора явить свой необычайный талант миру.

рии с Козьмой Прutковым тонкую игру и шутку. Мистификация порой объясняется чуть ли не необходимостью: якобы было сложное время, «мрачное семилетие», буйство цензуры, талантливая молодежь не имела возможности выразить себя, кроме как в иносказаниях. Молодежь меж тем оставила об этом розыгрыше воспоминания. «Мы – я и Алексей Константинович Толстой – были тогда молоды и непристойно проказливы. Жили вместе и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости в стихах. Потом решили собрать и издать эти глупости, приписав их нашему камердинеру Кузьме Пруткову», – рассказывал Алексей Жемчужников Ивану Бунину.

Да и о проказах компаний осталось немало ярких рассказов. Молодые люди привязывали на Невском проспекте куски ветчины к шнуркам звонков, а ночью эти куски срывали бездомные собаки и будили жителей. Алексей Жемчужников издевался (сейчас бы сказали – троллил) над министром финансов, встречая его каждое утро в одно и то же время в одном и том же месте. Известна и дерзкая шутка Александра Жемчужникова: как-то ночью, переодевшись в мундир флигель-адъютанта, он объехал всех ведущих столичных архитекторов с приказанием «наутро явиться во дворец ввиду того, что провалился Исаакиевский собор».

«Я САМ – ТВОРЕЦ И САМ – СВОЕ ТВОРЕНЬЕ»

По-настоящему жанр литературной мистификации расцвел в эпоху Серебряного века, в среде символистов. Это все еще была игра, но она существенно усложнилась, стала не только интеллектуальной, но и философской. Вячеслав Иванов провозгласил идею активного мифтворчества под лозунгом «От реального к реальнейшему», Андрей Белый продолжил инициативу и заговорил уже и о творчестве жизни.

«Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной, – вспоминал Владислав Ходасе-

вич. – <...> Написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех. Таким образом, и действительность, и литература создавались как бы общими, порой враждующими, но и во вражде соединенными силами всех попавших в эту необычайную жизнь, в это «символическое измерение». То был, кажется, подлинный случай коллективного творчества. <...> непрестанное стремление перестраивать мысль, жизнь, отношения, самый даже обиход свой по императиву очередного «переживания» влекло символистов к непрестанному актерству перед самими собой – к разыгрыванию собственной жизни как бы на театре жгучих импровизаций. Значи, что играют, – но игра становилась жизнью».

Ходасевич, к слову, и сам стал и свидетелем, и участником одной из мистификаций. Заварил эту

кашу его приятель, московский поэт и писатель Муни (Самуил Киссин). Будучи человеком замечательных способностей, огромных знаний и необычайной интуиции, Муни все же не умел ни работать, ни жить. Сам себя поэт ощущал лишь «тенью от дыма», отчего безутешно страдал. В одном из его рассказов герой по фамилии Большаков, живущий бесполково и криво, решает вдруг «дровоплотиться» в спокойного и благополучного Переяславцева. Так и писатель однажды признался Ходасевичу, что мечтал бы жить не жизнью бедного студента и несчастного поэта, а превратиться в какую-нибудь семипудовую купчиху. Перевоплотился он, однако, в некоего Александра Беклемишева и продолжил писать. Под новым именем он стал рассыпать стихи и рассказы в разные журналы, но их не печатали даже в тех изданиях, где со скрипом удава-

лось напечататься Муни. Только член редколлегии «Русской мысли», критик Айхенвальд, взял несколько стихотворений в журнал и предложил сотрудничество. Двойное существование оказалось невыносимым и скоро со всем измучило мистификатора: Беклемишев «убивал» Муни точно так же, как Переяславцев убивал Большакова.

Ходасевич решил помочь товарищу положить этому конец. Но своеобразным способом – тоже с помощью мистификации. Клин клином, как говорится. Владислав Фелицианович написал и напечатал в одной из газет несколько стихотворений под именем Елизаветы Макшеевой. Стихи посвящались Беклемишеву и, по сути, являлись насмешливым разоблачением его тайны. Беклемишев исчез, Муни – «вернулся в себя». Такая вот история. Впрочем, не самая удивительная.

«ГДЕ ХЕРУВИМ, СВОЕ МНЕ ДАВШИЙ ИМЯ?»

Самая громкая история в начале XX века приключилась, конечно, с Черубиной де Габриак. Случай с ней – это мистификация в кубе. Как выглядит история для обычного человека? Жила-была девушка, скромная учительница Елизавета Дмитриева. В Коктебеле она познакомилась с поэтом Максимилианом Волошиным. Учительница сама сочиняла (а кто не сочинял?) и показала свои опыты новому знакомому. Волошин нашел стихи не просто талантливыми – необыкновенными. А там, где необыкновенное – там всегда какое-нибудь роковое противоречие, там непременно драма. Насколько девушка была талантлива, настолько же невзрачной представлялась ее биография, да и сама она – неказистая и хромая. И вот Волошин, как писала Марина Цветаева, «понял, что школьная учительница такая-то и ее стихи – кони, плащи, шпаги – не совпадают и не совпадут никогда. Что боги, давшие ей ее сущность, дали ей, этой сущности, обратное – внешность <...>. Разрыв, которого она не может не сознавать и от которого она

не может не страдать, как непрерывно страдали: Джордж Элиот, Шарлотта Бронте, Жюли де Леспинасс, Мери Вебб и другие, и другие, и другие некрасивые любимицы богов».

Если пересказать коротко и не столь возвыщенно, Волошин придумал своей протеже легенду: и вот в 1909 году учительница Дмитриева превратилась в красивую и богатую чужестранку – то ли испанку с французской фамилией, то ли француженку с испанским именем. Имя... Безусловно, оно – символ. Черубина, писала Цветаева, равно Херувима. Причем важны не только ассоциации с небом – это-то сама собой разумеющееся: поэт-херувим – проводник божественного искусства (по словам же Волошина, долго искали женское имя, начинающееся на букву «Ч», пока Дмитриева не вспомнила о геройне одного из произведений Брета Гарта, носившей имя Черубина. – Прим. ред.). Было и земное: нужно было объяснить отсутствие поэтессы в свете. Ну что ж, Черубина – девушка, выросшая в строгой католической семье, где рифмоплетство, конечно, не поощряется, а следовательно, девушке нужно быть осторожной, и потому ее никто нигде никогда не увидит, и пусть не пытаются выследить, а не то беда. Прекрасная легенда. Неудивительно, что вскоре в Черубину влюбилась вся редакция журнала «Аполлон», куда девушка присыпала свои стихи.

Разумеется, закончилось все трагично. Нашли, выследили. Вот как заканчивает эту печальную сказку Марина Цветаева: «Оклинули и окликомброссили с башни ее собственного Черубининого замка – на мостовую прежнего быта, о которую разбилась вдребезги. <...> Это был конец Черубины. Больше она не писала».

В действительности все было немного не так. В очерке «Живое о живом», написанном вскоре после смерти Волошина, историю Черубины де Габриак Марина Ивановна излагала, основываясь на воспоминаниях исключительно Максимилиана Алексан-

дровича. А он не то чтобы хотел ввести в заблуждение сестру по перу, скорее, сам искренне верил в сконструированную им реальность. Он вполне был последователем идеи мифотворчества, о чем не раз писал. Например, в статье «Театр и сновидение» он разбирает типологию детских игр и к третьему типу относит «тип творческого преображения мира». «Тот, кто сохраняет среди реальностей дневной обыденной жизни неиссякающую способность их преображения в таинствах игры, кто непрестанно оплодотворяет жизнь токами ночного, вселенски-творческого сознания, тот, кто длит свой детский период игр, – тот становится художником», – заключал поэт. Кстати, Цветаевой Волошин тоже предлагал творчески преобразить мир. «Марина! Ты сама себе вредишь избытком, – убеждал он. – В тебе материал десяти поэтов и сплошь – замечательных!.. А ты не хочешь (вкрадчиво) все свои стихи о России, например, напечатать от лица какого-нибудь его, ну хоть Петухова? <...> Брюсов напишет статью. Яблоновский напишет статью. А я напишу предисловие. <...> Тебя – Брюсов, например, – будет колоть стихами Петухова: «Вот, если бы г-жа Цветаева, вместо того чтобы воспевать собственные зеленые глаза, обратилась к родимым зеленым полям, как г. Петухов, которому тоже семнадцать лет...» Петухов станет твоей bête poire, Марина, тебя им замучат, Марина, и ты никогда – понимаешь? никогда! – уже не сможешь написать ничего о России под своим именем, о России будет писать только Петухов, – Марина! ты под конец возненавидишь Петухова!» Марина Ивановна, как ни соблазнял ее Волошин, не поддалась. Но вернемся к Черубине де Габриак, точнее, к Елизавете Дмитриевой и к фактам ее реальной биографии.

Во-первых, она не была некрасивой. Мужские сердца она покоряла без каких-либо мистификаций. Ведь и сам Волошин влюбился в нее реальную – тот образ, что он нарисовал в своей

голове, трогать не будем. А до того ее несколько раз звал замуж Николай Гумилев. И с обоими у Елизаветы Дмитриевны ничего не сложилось, поскольку у нее уже был жених.

Во-вторых, едва ли она не могла издать свои стихотворения, не прибегая к литературным маскам. Ни знакомство с Гумилевым, ни встреча с Волошиным не стали случайными в жизни Елизаветы Дмитриевой, она была вовлечена в литературный мир Петербурга, посещала собрания на «Башне» Вячеслава Иванова, приятельствовала со многими сотрудниками «Аполлона». Да, возможно, издатель журнала Маковский ее начинания и не особо жаловал, но многочисленные литературные знакомства могли помочь это сопротивление преодолеть. Миф о том, как несложно было пробиться в мир искусства, развенчивает и Анна Ахматова: «И откуда этот образ скромной учительницы – Дмитриева побывала уже в Париже, блистала в Коктебеле, дружила с Марго (Маргарита Васильевна Сабашникова – жена Волошина. – Прим. ред.), занималась провансальской поэзией, а потом стала теософской богородицей».

В-третьих, Черубина де Габриак не исчезла совсем после разоблачения. Да, Елизавета Дмитриева действительно нелегко пережила эту историю. Раздвоение очень скоро стало мучительным, это прорывалось и в ее лирику («Вижу девушки бледной лицо, – // Как мое, но иное, – и то же...»). Да, ее тяготила игра в кошки-мышки с Маковским – по иронии судьбы, именно он влюбился в загадочную испанку сильнее всех. Тяготило и то, какое участие в этой игре принимал Волошин: а он одновременно поддерживал несчастного издателя, давая ему советы, как растопить сердце Черубины, и редактировал ее любовные письма к нему. И, конечно, подкосила Дмитриеву дуэль Волошина и Гумилева.

Многие считают, что дуэль – это и есть трагическая развязка мистификации. Но они совпали

лишь хронологически. Ничего не мешало произойти этой дуэли раньше или позже. Причиной столкновения явилась ревность Гумилева к сопернику: Николай Степанович прилюдно рассказал о связи Максимилиана с Дмитриевой, та, спасая репутацию, от всего открылась, а Волошину ничего не оставалось, как защитить честь своей подопечной (секундант Волошина Алексей Толстой писал позже о Гумилеве: «Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, – в произнесении им некоторых неосторожных слов – было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения...» – Прим. ред.). К счастью, в результате дуэли никто не пострадал. По крайней мере, физически. Морально, конечно, тяжело было всем. И больше всего Дмитриевой. Настолько, что она решила не писать больше стихов, исчезнуть вовсе. Но прошло время, и в печати снова стали появляться стихи за подпись Черубины де Габриак.

Позже, впрочем, Черубина сошла со сцены, уступив место Елизавете Васильевной (фамилия Дмитриевой после замужества). Васильева готовила переводы, писала пьесы, новые стихотворения. Случилась в ее жизни и еще одна маленькая мистификация. В 1927 году, будучи в ссылке в Ташкенте, Васильева готовит цикл семистиший «Домик под грушевым деревом» и подписывает его псевдонимом Ли Сян Цзы. Эта игра стала последней в жизни Елизаветы Васильевой – в 1928 году ее жизнь оборвала болезнь.

ЛОВУШКА ДЛЯ ПОЧТЕННОГО КРИТИКА

Слишком многие предпочли действительной жизни игру в жизнь, выдумывание судьбы. Кто-то играл с бесконечными псевдонимами, как Брюсов, издававший книги своих стихов под видом коллективных сборников. Кто-то экспериментировал с образом, как Есенин, выдававший себя за простака и

являвшийся в литературные салоны в валенках («Какие на вас интересные гетры!» – подмечала желчная Зинаида Гиппиус). Кто-то продолжал розыгрыши, начатые предшественниками – как Лев Никулин, придумавший поэтессу Анжелику Сафьяннову, внучатую племянницу Кузьмы Пруткова. Веселое было время. И, конечно, традиция загадывать литературные ребусы не прервалась.

В эмиграции главным русским мистификатором стал Владимир Набоков. Почти всю его прозу населяют карикатурные образы, прототипами которых являются реальные литераторы, недруги писателя. Больше всего доставалось Георгию Адамовичу и Георгию Иванову. Их Набоков высмеивал не только от своего имени, но и прячась за литературными масками. Иванов, например, в 1931 году был помянут недобрый словом в стихотворении «Ночное путешествие», которое Набоков выдал за перевод поэмы The Night Journey несуществующего поэта Vivian Calmbrood. Адамович же попался в еще более хитрую ловушку. Критик нелестно отзывался о творчестве Набокова, печатавшегося тогда под псевдонимом Сирин. И Владимир Владимирович решил проверить, будет ли Адамович так же суров к его поэзии, если скрыть авторство. В 1939 году в «Современных записках» выходит стихотворение «Поэты», подписанное неким Василием Шишковым. И что же? Адамович восторженно высказывает о новом талантливом поэте: «...кто это, Василий Шишков? Откуда он? Вполне возможно, что через год-два его имя будут знать все, кому дорога русская поэзия». Набоков не пожелал оставить вопросы критика без ответов и вскоре опубликовал «мемуарный» очерк, в котором поведал о своих встречах с Шишковым, этим «русским Рембо», после чего, конечно, уже всем, в том числе и Адамовичу, стало ясно, кто был настоящим автором «прекрасного стихотворения».

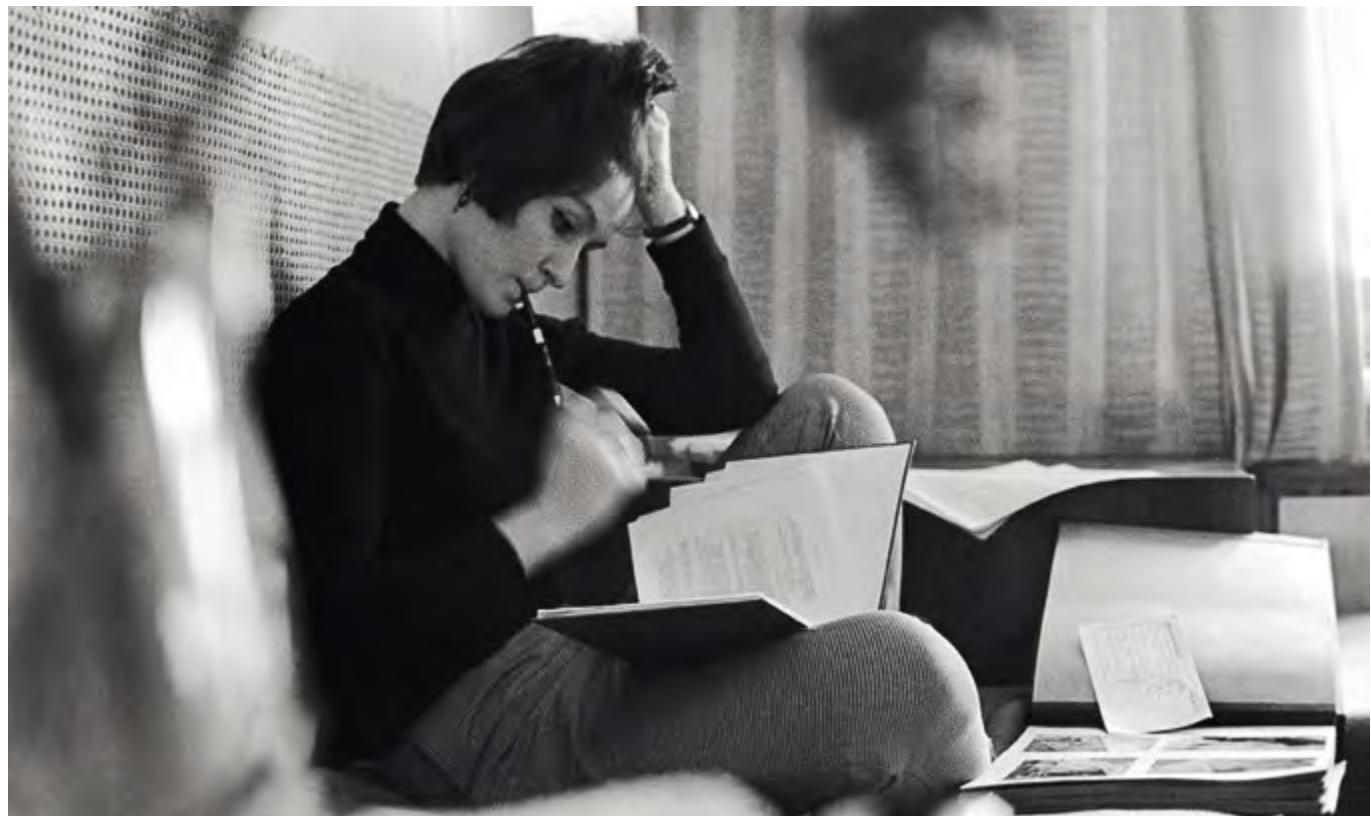
Петров и Михаил Булгаков вместе работали в редакции «Гудка», общались и могли договориться устроить литературный розыгрыш. Дело и не в том, что Валентин Катаев, иронизируя, называл Ильфа и своего брата Петрова «литературными неграми» (история о том, что он подсказал идею и сюжет романа, запечатлена в автобиографической повести «Алмазный мой венец»). Дело даже не в схожести стилистики. Дело в самой фигуре Булгакова. Он действительно часто прибегал к мистификациям, к литературным шарадам, но не в том смысле, в каком мистификацию понимал Волошин, а в том, как ее представлял Пушкин. Если с чем Булгаков и играл, то с образами рассказчиков в своей прозе, художественными приемами, запутывающими читателя.

Амлински, утверждая, что «12 стульев» написал Булгаков, ссылается на лингвистический анализ, на сходство ритма и синтаксиса, и, если честно, сопоставление приводимых исследовательницей фрагментов из романа Ильфа и Петрова и «Мастера и Маргариты» ни в чем не убеждает – с таким же успехом Булгакову можно приписать и «Мертвые души». По-настоящему убедить могли бы реальные свидетельства: воспоминания, письма. Да и в том случае речь бы шла тогда не о мистификации, а о подлоге. Все-таки Ильф и Петров – не Белкин, не Черубина, не Шишков, а реальные люди.

В этом плане споры о «12 стульях» напоминают споры о «Тихом Доне». Тут та же самая логическая ошибка. И кроется она в самой постановке проблемы. Кто бы ни оказался гипотетически прав в споре – речь не может идти о мистификации. Речь может идти об ошибке, о подлоге, о мерах безопасности, но уж точно не об интеллектуальной игре. Смысл мистификации всегда в самой мистификации: в игре, в головоломке, в эксперименте, в шутке. Рано или поздно игра должна быть закончена. Рано или поздно головоломка должна быть разгадана. ●

Озорство Набокова распространялось не только на врагов и проявлялось не только в литературе. Однажды жертвой розыгрыша стал и высоко чтимый Набоковым Иван Бунин. 1 апреля 1937 года писатель-мистификатор, ссылаясь на бунинских друзей, Бориса и Веру Зайцевых, пустил слух, будто «ночью, покамест Бунин кутил, его квартиру ограбили». Уже наутро к рассерженным Буниным прибыли жадные до подробностей репортеры. Неудивительно, что после всего этого, когда литературоведы в конце XX века столкнулись с проблемой авторства «Романа с кокаином», опубликованного в 1934 году в Париже в «Иллюстрированной жизни» под псевдонимом М. Агеев, некоторые тут же приписали это произведение Набокову. В 1990-е в киосках «Союзпечати» эту книжку так и продавали: «Неизвестный роман Владимира

Набокова». И это притом, что в 1930-е годы никакой тайны в русском зарубежье вокруг этого романа не было: как минимум лица, причастные к публикации, и их ближайшее окружение знали, что автором является Марк Леви – это подтверждается перепиской писателя с издателем Николаем Оцупом и свидетельствами поэтессы Лидии Червинской. «Роман с кокаином» не единственный случай, когда мистификацию увидели там, где ее не было. Точно так же случилось со знаменитой диалогией Ильфа и Петрова. Уже в наши дни вышла книга Ирины Амлинской «12 стульев от Михаила Булгакова». И многим версия о том, что на самом деле историю о приключениях Остапа Бендера сочинил автор «Мастера и Маргариты», кажется правдоподобной. Дыма без огня не бывает. Но дело не в том, что Илья Ильф, Евгений

ЕВГЕНИЙ КАССИН/TASS

ЧИСТЫЙ ЧЕЛОВЕК

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

СНЯВ ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ПОЛНОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМА, ЛАРИСА ШЕПИТЬКО ВОШЛА В КОГОРТУ ВЫДАЮЩИХСЯ МАСТЕРОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО. ЖИЗНЬ ЕЕ БЫЛА СЛИШКОМ КОРОТКОЙ – ТОЛЬКО 41 ГОД, – НО ЦЕЛЬНОЙ И ГЛУБОКО ОСМЫСЛЕННОЙ. КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЖИЗНЬ САМА ПО СЕБЕ КИНЕМАТОГРАФИЧНА: НАЧАЛАСЬ КАК СКАЗКА, ПРОШЛА КАК ДРАМА, А ЗАКОНЧИЛАСЬ ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЙ ТРАГЕДИЕЙ...

« Я ПРИХОДИЛА к следующему фильму с новым в себе, проживала картинную жизнь, как свою собственную, обращалась к такому материали, в котором бы сумела передать свои взгляды на жизнь, на смысл жизни», – сказала Лариса Шепитко в одном из интервью.

Сквозная тема ее фильмов – предательство. Оно внимательно изучается режиссером, но никогда не оправдывается и не прощается. В каждом выбранном стиле она сталкивает слабого и сильного, показывает правду обоих, сравнивает их. Главным становится выбор, который делает человек: упасть или подняться?

НАЧАЛО

Лариса Шепитко родом из маленького городка Артёмовска в Донецкой области. Она появилась на свет 6 января 1938 года в семье школьных учителей. Ее отец, Ефим Шепитко, ушел из семьи, оставив жену с тремя детьми. Лара была старшей.

В послевоенные годы семья переехала во Львов, где Лариса в 1954-м окончила школу. В следующем году в городе снимали фильм «Овод» с Олегом Стриженовым в главной роли. Лариса наблюдала за съемками и поняла, что кино – ее призвание. Она решила поступать во ВГИК. Провожая ее, мама сказала: «Хорошо, поезжай, посмотри Москву. Но как только пропадешься, если у тебя вообще документы примут, сразу возвращайся, долго не задерживайся». «Поступали бы лучше на актерский, а не режиссерский!» – заметили в приемной комиссии ВГИКа, оценив внешность 16-летней девушки с длинной косой. Но она ответила: «Это рабская профессия, это не для меня». И поступила на курс Александра Петровича

Лариса
Шепитко.
Декабрь
1967 года

Н. ГНЕСЮК/РИА НОВОСТИ

Довженко, фильмы которого входят в золотой фонд мирового кино.

Первые слова, которые первокурсники услышали от Довженко, были не слишком обнадеживающими: «Я не думаю, что все из вас станут режиссерами, но в любом случае я постараюсь сделать все, чтобы вы стали интеллигентными, образованными людьми». Он относился к преподаванию как к священнодействию, жаль, что длилось оно лишь полтора года — мастер неожиданно ушел из жизни. Его осиротевший курс взял режиссер Михаил Чиаурели. Но для Ларисы даже недолгое общение с Довженко определило очень многое: «Он был во всем талантлив, и самое главное, он был Гражданином с большой буквы. Это был великий человек». В начале 1970-х на вечере, посвященном любимому мастеру, она стояла на сцене. Дома кино с большим яблоком в руке — символом яблоневого сада, который посадил Довженко на киностудии «Мосфильм»...

Во время учебы Лариса жила в общежитии в одной комнате с Людмилой Гурченко, которая однажды взяла ее с собой на съемочную площадку «Карнавальной ночи» — посидеть за столиком в массовке. Шепитько попала в кадр — эффектная, жизнерадостная. Позже она снялась в эпизодах еще в нескольких фильмах, в том числе и у мужа, Элема Климова, в «Агонии». Но серьезно она к такой работе не относилась.

Семья кинорежиссеров —
Лариса и Элем.
И дома все
мысли о работе...

ЛАРИСА И ЭЛЕМ

Климов появился в ее жизни, когда она монтировала на Студии имени Горького свой дебютный фильм. Лариса тогда вернулась из долгой экспедиции в Казахстан, где работала в тяжелейших условиях — изнуряющая жара и голая безводная степь. В съемочной группе началась эпидемия инфекционной желтухи, заболела и Лариса. Но, отказавшись уехать на лечение в Москву, она продолжала работать: Шепитько приносили на съемки из инфекционного барака на носилках.

Фильм по повести Чингиза Айтматова «Верблюжий глаз» рассказывал о поднятии целины: юный идеалист, комсомолец Кемель прибыл в бригаду и готов к трудовым свершениям. Однако выполнение плана не входит в задачи негласного лидера Абакира, который саботирует работу, чтобы начальство не ждало от бригады никаких подвигов. Кемель восстает против этого, взывает к чувству долга, но запуганные озабоченным на советскую власть Абакиром люди остаются пассивны. Поединок должен был закончиться трагедией: герой обречен, и осадок от картины тяжелый — беспросветность...

Монтаж фильма шел на Студии имени Горького, времени на его сдачу оставалось мало, и Лариса ежедневно работала до 2–3 часов ночи. Из-за психологического и физического переутомления она несколько раз теряла сознание. Помочь с монтажом вызвался студент ВГИКа Элем Климов. Лариса рассказывала Элему о трудных съемках, советовалась с ним. Она долго не могла найти для фильма название, его придумал Элем — «Зной». И получил за идею 10 рублей. «Зной» принес Шепитько фестивальные призы и важный урок: каждый фильм требует жертв, так что к выбору материала следует относиться ответственно.

В 1963 году Лариса Шепитько и Элем Климов поженились, их брак продлился пятнадцать лет. Они считались одной из самых красивых и счастливых

ФОТОХРОНИКА ТАСС

На съемках
кинофильма
«Зной».
Киргизия.
1962 год

пар советского кинематографа. «Раньше они жили на улице Шевченко, рядом с Метромостом, а родители Элема – на Кутузовском, рядом с нынешним Театром Фоменко, – рассказывает работавший с Климовым выдающийся звукорежиссер Борис Венгеровский, входивший в число близких друзей кинематографической четы. – И Элем, если не было съемок, ездил к маме и привозил банки, кастрюли с едой. Лариса и не скрывала, что не умела готовить, но зато умела самое главное – делать кино!»

Шепитко много читала, знала несколько языков, одевалась со вкусом, умела слушать собеседника и рассказывать курьезные случаи, от которых все падали со смеху, любила танцевать и петь. Конечно, Элем и Лариса обсуждали свою работу. «Она и он все видели по-своему, у них бывали разногласия, в том числе и по актерам. Лариса – человек совершенно бескомпромиссный, все говорила в лицо, – вспоминает Венгеровский. – Многим это не нравилось, ее считали слишком резкой. Нет. Она была честным и чистым человеком. Добивалась того, чего хотела. Могла сидеть в Госкино сутками, в приемной у министра – только для того, чтобы он все-таки прочитал сценарий. Когда мы с Элемом заканчивали «Агонию», она пришла к нам на перезапись, и сразу стало не очень удобно, потому что она не могла не высказать то, что ей не нравится. А когда два человека с диаметрально противоположными взглядами на материал обсуждают в студии работу – тяжело. Я сказал: «Элем, кто-нибудь один должен стоять за спиной, это невозможно».

Одно омрачало этот союз: их творческие синусоиды драматически не совпадали. Пик успеха жены приходился на провалы мужа, которые он страшно переживал: пил, уходил из дома, она искала его повсюду. В итоге он возвращался, потому что не мог без нее. При этом Климов не ревновал жену к успеху, не завидовал ей, напротив, гордился Ларисой.

ФОТОХРОНИКА ТАСС

На аэродроме – съемочная площадка картины «Крылья». Лето 1965 года

Мексиканская актриса Соня Амелис (справа) беседует с режиссерами Сергеем Герасимовым и Ларисой Шепитко. Неделя мексиканского кино. Сентябрь–октябрь 1972 года

ВЗЛЕТ

Новая картина Шепитко, «Крылья» (1966), вышла на экран через три года после «Зноя». Режиссер «Молодой гвардии» и «Тихого Дона» маститый Сергей Герасимов заметил по поводу этого фильма: «Там Лариса как бы поставила точку отсчета в масштабе содержания, взыскательности в композиции, в работе с камерой и актером. Это был серьезный, впечатляющий кинематограф, за которым угадывалась перспектива замыслов, жаждность к труду и постижение секретов жизни и искусства». Героиня – военная летчица Надежда Петрухина (Майя Булгакова). После войны она ста-

ла директором ремесленного училища и депутатом горсовета. Ее портрет находится в местном музее. Однако человек она черствый, закрытый, не умеющий ладить с людьми и не желающий приспособливаться. Вывод очевиден: Петрухина не подходит для работы с людьми. Но для городского начальства ее авторитет настолько значим, что даже скандал из-за побега подростка, поссорившегося с Петрухиной, не стал основанием для ее отставки. Эта киноистория ставила болезненные вопросы. В первую очередь проблему «отцов и детей»: тех, кто отстоял страну, и тех, кто не способен это оценить. В каждой семье еще жила боль, оставленная войной, но герои и участники этой войны – уже обычные члены общества, их подвиги и защита Родины воспринимаются как должное. Шепитко не согласна с тем, как следующее за ней поколение, не знавшее голода, бомбардировок и казней, не понимает цену жертвы своих отцов и матерей. Еще одна проблема – сложность адаптации к обычной жизни людей, прошедших войну. В советском кино и раньше ставился этот вопрос: Григорий Чухрай

ГАЛИНА КИМ/РИА НОВОСТИ

снял «Чистое небо» с Евгением Урбанским, Сергей Бондарчук – «Судьбу человека». Но в этих фильмах герои говорят зрителю о своих переживаниях, а Петрухина все держит в себе, ей в мирное время все непонятно. Ее ничто не радует, не вдохновляет, а потому она не любит, не дышит. И некуда ей бежать от тягостной неприкаянности, не к чему стремиться, даже высказаться не получается. И только небо наполняет ее жизненной силой, только за штурвалом самолета Надежда оживает. Она откывается спускаться на землю. Катастрофы в фильме нет, но есть щемящее понимание выбора героини – ее мужественного конца. Когда Шепитько в интервью спросили об открытом finale: чем же закончится этот полет? – она ответила: «Неважно. Главное – героиня все-таки совершила поступок – вернулась сама к себе, в небо, к тому, ради чего была рождена».

Это черно-белое кино о засыпающей пустоте постгеройского бытия, о добровольной гибели истинных героев, не изменяющих себе, безусловно, расходилось с принципами соцреализма. Но, как ни странно, автора миновали партийные «проработки», фильм не положили на полку. О Шепитько заговорили, она ездила на фестивали и получала призы. В 1967-м Шепитько предложили сделать короткометражку на антирелигиозную тему по рассказу Андрея Платонова «Родина электричества». Она сняла черно-белое кино: 1921 год, жара, сельский крестный ход – моление о дожде. Приехавший из города студент объясняет старухе: «Бабушка, бога нет, и дождя не будет!» Из мотоциклетного движка и самоварной трубы он мастерит водокачку. Немного поработав, она заглохла – и тогда пошел дождь... Съемки шли в деревне Сероглазка Астраханской области, группа маленькая, всего несколько актеров, в фильме в

ЕВГЕНИЙ КАССИН/ЛАСС

основном снимались местные сельчане. Шепитько гордилась этим фильмом, получился «певертыш»: никакого атеизма в нем не было. Но случилось то, к чему она не была готова: картину запретили, все плёнки смыли. Страшный удар для автора. Она так и не узнала, что одну копию спас оператор Павел Лебешев, и в 1987 году фильм восстановили.

После этого Шепитько сняла фильм в неожиданном для себя жанре телемюзикла – новогоднее ревю 1969 года «В тридцатом часу ночи» с Вициным, Гердтом, Басовым, Мишулиным, Папановым. Но запрет на показ повторился! «Обидно было, что какой-то запал был растрочен, не нашел выхода. А тут еще поджидало меня новое испытание: мне исполнилось тридцать лет, – призналась она. – Тридцать лет – пик жизни. С высоты этого пика отчетливо понимаешь ценность или пустоту прожитого, верность или ошибочность избранного тобой пути. Состоялся ли ты как личность?»

Ее военное детство прошло на разбомбленных улицах Донбасса...
Во дворе своего дома. Москва.
1967 год

ПОИСК ОТВЕТОВ

Тот же вопрос Шепитько задает своим сверстникам в картине «Ты и я» (1971). Молодые нейрохирурги Петр и Саша стремятся к материальному благополучию и, не задумываясь, готовы разменять ради него свой талант. Но со временем их, как доктора Фауста, гнетет продажа своей души.

Шепитько снимала «Ты и я» в цвете – разве может благополучие быть черно-белым? Сценарий фильма она писала вместе с Геннадием Шпаликовым в форме «идеального дневника»: события реальные и воображаемые Петром переплетаются между собой, показывая две очень разные истории. Герой стоит перед выбором: тупик конформизма или нравственное служение людям? Переоценка ценностей приводит его к пониманию предназначения, своего места в жизни.

На главную роль, Петра, пробовались Юрий Соломин, Георгий Тараторкин, Владимир Высоцкий, а сыграл ее в итоге неизвестный Леонид Дьячков: Шепитько не хотела, чтобы шлейф прошлых ролей отвлекал зрителя от процесса самопознания героя. На роль Саши Шепитько пригласила Юрия Визбора. Причем еще до завершения сценария.

Авторы предполагали назвать фильм «Пробуждение». «Человек, изменивший себе, своему делу, совершает преступление по отношению и к обществу, и к самому себе, – писала Шепитько. – За него приходится тяжко расплачиваться. Речь идет о гармонии существования, о потере этой гармонии, о ее возвращении». На «Мосфильме» редакторы неоднократно сокращали сценарий, утвержденный вариант был настолько выхолощен, что идея потеряла остроту. Но осталась история любовного треугольника: Петр, Саша и Катя, на роль которой Шепитько пригласила Беллу Ахмадулину. В своем эссе «Когда все были вместе» Визбор описывает одну из репетиций дома у Ларисы: «Белла, подогнув под себя ноги,

устроилась на диване, и полоса солнечного света из кухонного окна пересекала длинную книжечку сценария, который она держала в руках. Она называла меня Сашей, читая вслух свои места в диалогах. Лариса, не отрываясь, атаковала Ахмадулину своими огромными глазами и, существую в те годы мода на экстрасенсов, – наверняка посторонний наблюдатель счел бы, что присутствует на сеансе передачи мыслей на расстояние. <...> когда сцена была сыграна и снята, Лариса с криком «Стоп, камера!» бросилась целовать Беллу. За день до начала съемок картины Лариса без звонка приехала ко мне и в дверях сказала: «Беллы у нас нет» (худсовет не утвердил Ахмадулину на роль. – Прим. ред.). Не знаю, с этого ли дня надо отсчитывать несчастья, выпавшие на долю нашей картины и ее режиссера, <...> На поиски актрисы оставался ровно один вечер. Как ни странно, актриса появилась на моей кухне через десять минут. Она была моей соседкой и в тот вечер, к счастью, была дома. Она пришла в накинутом на плечи черном пончо, села в угол, зябко кутаясь в свое покрывало, и за то короткое время, пока Лариса расхаживала по кухне и произносила перед ней пламенную и печальную речь, ей предстояло решить, стоило ли ей ввязываться в такую сложную ситуацию. <...> Честное слово, в тот вечер ей требовалось немало мужества и веры, чтобы тихо сказать: «Хорошо, я попробую, Лариса». Этой актрисой была Алла Сергеевна Демидова. Съемки шли тяжело, однажды Ларису после смены увезли на скорой. На монтаже снова пришлось резать материал, даже Михаил Ромм посоветовал сократить фильм. Позже Лариса пожалела, что послушалась мэтра: это «изуродовало картину сразу и окончательно». Она решила больше никогда не следовать чужому мнению и доверять себе. Смонтировав фильм, она из-за проблем с сердцем полетела в Сочи, в санаторий.

ЕВГЕНИЙ КАССИН/ТАСС

В храме.
1967 год

А затем приступила к новому проекту – «Белорусский вокзал». И тут – новый удар. Комиссия отвергла предложенный ею жесткий взгляд на жизнь ветеранов после войны. От чужих концепций она отказалась, и сценарий у нее забрали... В 1972 году в конкурсе молодого кино Венецианского фестиваля фильм «Ты и я» получил Серебряный приз. В нашей стране он вышел... через десять лет.

ЕВГЕНИЙ КАССИН/ТАСС

Лариса часто демонстрировала одежду на показах Вячеслава Зайцева.
1967 год

ПЕРЕД ЛИЦОМ ОПАСНОСТИ

В 1973-м Лариса и Элем узнали, что станут родителями. Но случилось несчастье: Шепитко упала, получила травму позвоночника и сотрясение мозга. Ей пришлось провести семь месяцев в больнице, врачи предупреждали, что нужно выбирать между жизнью и жизнью ребенка. Лариса выбрала ребенка. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, она ушла в чтение: ей в руки попала повесть Василя Быкова «Сотников». Ларису взволновали созвучные ее душе вопросы: физический конец и духовное бессмертие человека, выбор между жизнью и совестью, цена спасения... Она не могла не снять фильм по этой повести! И это спасло ее: появилась цель, ради которой надо было выжить. «Тайна была великая – никто же не знал, что она беременна, никто, – вспоминает Венгеровский. – А мы были в очень хороших отношениях. Месяце на четвертом она от всех спряталась, и, если я спрашивал о Ларисе у Элема, он говорил, что она на даче. А потом пришел очень счастливый и сказал: «Я папа!» У Ларисы и Элема родился сын Антон.

Четыре года Лариса готовилась к съемкам нового фильма. Его название снова придумал Элем – «Восхождение».

Для фильма Шепитко нужны были новые лица. Ассистентка получила задание найти для главной роли, Сотникова, типаж Иисуса Христа. И такого актера нашли в Свердловском ТЮЗе – им оказался 25-летний Борис Плотников. Из 21 кандидата на роль второго героя, Рыбака, режиссер выбрала Владимира Гостюхина, шесть лет работавшего в Театре Советской армии мебельщиком-реквизитором с актерским дипломом. Он, соответственно, подбирался как Иуда. Коллaborационист-следователь Портнов должен был воплотить антагониста – это искуситель, призывающий отречься, предать, упасть... На эту роль

утвердили Анатолия Солоницына, который семь лет назад дебютировал у Тарковского в роли иконописца Андрея Рублева.

Съемки начались в январе 1976 года. Окрестности Мурома стали площадкой, на которой восстанавливали события зимы 1942-го: оккупированная немцами Белоруссия, два партизана — кадровый военный Рыбак и бывший учитель Сотников — идут в село на поиски продовольствия для отряда. На обратном пути встречают немцев. Раненый Сотников пытается покончить с собой, но Рыбак выносит его на себе, и они прячутся в доме матери троих детей Демчихи (Людмила Полякова). Полицаи их находят и увозят в тюрьму вместе с Демчихой. Полицай-следователь Портнов, однокашник Сотникова по пединституту, допрашивает его, но тот, несмотря на пытки, молчит. А Рыбак рассказывает все: зачем они пришли в село, где находятся партизаны. Ночью в подвале Сотников смирился с мыслью о смерти, а Рыбак хочет спастись: можно сотрудничать, а потом сбежать. Утром пленных выводят на казнь. Рыбак на коленях вымаливает пощаду, согласившись стать полицаем. Стоя на эшафоте, Сотников видит в толпе подростка в буденовке без звезды, едва сдерживающего слезы. Они смотрят друг на друга до последней секунды... Рыбак выбывает из-под ног Сотникова полено. Позже, постигая свой грех, он дважды пытается повеситься, а потом воет во дворе от безысходности. Задуманный им побег такой ценой недостижим: предав другого, он предал себя, а от себя не убежишь...

Быков назвал Шепитько «Достоевским в юбке» и признался, что если бы они встретились раньше, то «Сотникова» он написал бы по-другому. Плотников говорил о «встрече с живым гением». Гостюхин вспоминал о ее способности донести мысль до актеров как о гипнозе, под которым они мог-

ФОТОХОРНИКА ТАСС

ли совершать «чудо перевоплощения», а съемочный процесс как «смерть в каждом кадре». Фильм снимали на натуре, стоял сорокаградусный мороз. «На съемках эпизода казни заболел оператор, Лариса заболела, лежала в номере гостиницы и все время рвась на съемки, — рассказывает Венгеровский. — Тогда приехал Элем с Пашей Лебешевым, чтобы не останавливалась работа группы. Как только ей стало чуть лучше, она тут же вернулась на площадку». Сценарист и критик Даль Орлов много позже узнал от Плотникова, что «на съемках ему закапывали в глаза уротро-

Лариса
Шепитько
на премьере
фильма
«Восхождение».
Москва,
кинотеатр
«Зарядье»

Фотосессия.
Кинорежиссер
Лариса
Шепитько

пин, чтобы на экране получился тот самый ошеломляющий взгляд на эшафоте. Полноценное зрение вернулось только через полгода». И еще: «он лежал на земле, а волосы ему поливали и вмораживали в лед...» В группе мало кто знал, что травма позвоночника причинила Ларисе такую боль, что после смен Гостюхин не разнес ее от машины в гостиничный номер на руках.

Цензуре фильм не понравился: из партизанской повести сделали «религиозную притчу с мистическим оттенком». Режиссер ответила, что история о том, как один человек предает другого, стара как мир, «Иуда и Христос были во все времена, и раз эта легенда вошла в людей, значит, она жива в каждом человеке»...

«Ничего «кровавого», связанного с прохождением на экран фильма «Восхождение», не припоминается, — пишет в воспоминаниях Даль Орлов. — Наверняка были какие-то редакционные пожелания, но сути они изменить не могли, да и не было такой задачи. Сегодня узнаю из мемуаров, что, оказывается, первый секретарь Белорусской компартии Машеров был на самом деле «спасителем» готового фильма, что он даже плакал на просмотре. Может быть, и плакал. Но от кого спасал? Госкино отправило «Восхождение» на Берлинский кинофестиваль, и фильм получил главный приз». В 1977 году в Западном Берлине «Восхождение» стало первым советским фильмом, удостоенным Гран-при «Золотой медведь», а также приза за лучшую режиссуру и премии Международного католического киноцентра. Затем последовал прокат картины в 40 странах на всех континентах. Лариса ездила с картиной и «видела реакцию зала в разных аудиториях. Фильм воспринимался очень лично... На просмотрах было много эмигрантов. Я уходила с мокрыми плечами, потому что они устраивали массовые рыдания».

ФОТОХОРНИКА ТАСС

ПРОЖИТЬ ДО КОНЦА

Новый, 1978 год Лариса и Элем встречали с друзьями в ресторане Дома кино, и она сообщила о приглашении в Голливуд: «Павильон стерильный, как операционная, все вовремя, на месте, ничего не приходится напоминать, работа как часы, от минуты до минуты... Да разве можно работать в таких условиях? Нет, я рождена для нашей студии, с ее вечным содомом». Она нашла новую тему – повесть «Прощание с Матерью» Валентина Распутина «о неумирающей, бессмертной духовности русского человека <...> о богатстве и широте народа, о силе русского характера» – то, что можно снимать после «Восхождения», ведь идти надо только вверх. Повесть Распутина – реальная история с берега Ангары о строительстве Братской ГЭС, из-за которой деревня должна быть затоплена, а жители переселены...

Незадолго до начала съемок Лариса с Валей Хованской, работавшей на ее картинах вторым режиссером, была в Болгарии. Подруги отправились к Ванге, которая сообщила Ларисе о скорой смерти. Тогда Шепитько взяла с Хованской клятву: если она умрет, подруга позаботится об Антоне. В Москву Лариса вернулась надломленной и все рассказала мужу. Распутин не хотел экранизации повести, но Лариса его переубедила. В начале июня 1979-го Шепитько с группой выехала в Осташков на Селигер. Накануне она дала последнее интервью: «Это будет фильм не о прощании с прошлым, потому что я не хочу с ним прощаться. Это будет фильм о сохранении этого прошлого как духовной потребности, как части нашей сегодняшней и будущей жизни. Наивно предполагать, что без прошлого можно говорить о гармоничной жизни любого поколения». «Лариса успела снять для «Матери» только несколько плафонов, в том числе «древо жизни», – пишет Даль Орлов. – Оно появляется в начале картины и в ее конце. В финале оно долж-

ФОТОХРОНИКА ТАСС

Съемки картины «Восхождение». Л. Шепитько, оператор В. Чухнов и актер Б. Плотников. Окрестности города Мурома. Зима 1976 года

но было сгореть. Режиссер и сожгла это гигантское дерево. Потом все говорили, что напрасно – плохая примета. Сын комментирует: «Удивительно, как мама не обратила на это внимания. Она верила в предзнаменования и вообще жила интуицией. Все знавшие маму считали ее мистической женщиной». Правда, перед сожжением она просила у многовекового дерева прощение.

В конце июня Лариса с оператором и художником на день приехала в Москву посмотреть

отснятый материал. Она «попрощалась с друзьями, со знакомыми, а со мной – нет, – вспоминал Климов. – Я, наверное, был единственный, с кем она не попрощалась». Конечно, не нарочно, просто они договорились о встрече через пару дней, когда он с сыном приедет к ней на Селигер. Лариса с коллегами вернулась в Осташков. Договорившись с рассветом поехать на выбор натуры, все пошли ужинать в ресторан. Она много шутила, танцевала. Пришло время выезжать на натуре.

Н. ГНЕСЮКРИДА НОВОСТИ

Лариса никогда не забывала, что она – «девочка из народа», и легко находила общий язык с простыми людьми

Н. ГНЕСОК/РИА НОВОСТИ

Ей необязательно было ехать вместе с оператором Владимиром Чухновым, художником Юрием Фоменко и их ассистентами, она в последний момент села в их машину. «И они выехали. Шофер заснул. Милиционер видел, как мчалась по панробле «Волга», в которой все спали, он хотел ее остановить, но не успел. «И, – рассказывал шофер грузовика, – я увидел, как на меня мчится «Волга». Я свернулся к обочине, потом я практически встал. Больше мне некуда было...». Грузовик был с прицепом, груженным кирпичами, «Волга» врезалась в прицеп, и эти кирпичи накрыли общую могилу. Характер Шепитко – и в ее фильмах, и в ее гибели», – пишет в книге «Бегущая строка памяти» Алла Демидова. 2 июля 1979 года на 187-м километре Ленинградского шоссе у поселка Редкино – в надписи над автобусной остановкой первые буквы названия заржавели, осталось только «...КИНО» – дымились раскуроченные груды железа... В то же утро Элем Климов проснулся из-за кошмара: в автокатастрофе погибла его жена.

Он ходил по комнате из угла в угол, курил, думал позвонить в гостиницу, чтобы услышать голос Ларисы. В соседней комнате спал сын. Оглушительно зазвонил телефон, Элем оцепенел – слишком рано для рабочего звонка. Медленно подошел к телефону. Наконец он поднял трубку...

«Некоторое время от сына мы правду скрывали. Но он все время спрашивал про маму. Я говорил, что мама больна, что она в провинции, что ее нельзя сюда перевезти. В результате в детском саду кто-то в гру-

ФОТОХРОНИКА ТАСС

Лариса и Элем во дворе своего дома. Москва. Начало 1970-х годов

бой форме все рассказал. <...> С ним случилась истерика...» – позже рассказывал Элем Климов в интервью.

В своем «Дневнике» Юрий Нагибин записал, что на похоронах Климов произнес: «Это мне Гришка Распутин мстит. Не надо было его трогать». Речь о фильме «Агония»: Климов закончил его в 1975 году, но к прокату его не допустили, а в 1978-м отдали режиссеру на доработку.

«Элем позвонил дня через три после трагедии: «Мне придется заканчивать «Матерью». Поедем?» А я уже согласился работать на другой картине, с заграничной поездкой – это всегда воспринималось как подарок, – вспоминает Борис Венгеровский. – Конечно, я не мог отказать Элему, и началась эта эпопея с «Матерью». Я считаю, что у Ларисы это был бы другой фильм: разные художники и разные люди. Но Элем справился более чем достойно, хотя было невероятно тяжело. Жесткости Элему хватало, но я думаю, что Лариса сделала бы фильм жестче и еще страшнее. Когда ее не стало, у Элема возникла идея сделать короткометражный фильм «Лариса». Мы поехали в Белоруссию, взяли интервью у Василия Быкова, что-то досняли в Москве. А потом я вспомнил: когда хоронили Александра Петровича Довженко, панихида была в ЦДЛ. Я говорю Элему: «Там же снимали, и где-то запись есть». Ассистент поехал в Красногорский архив, нашел материал, и он вошел в фильм: стоят кучкой первокурсники – мальчики и девочки... Но годы идут, и, к сожалению, постепенно кинематографистов забывают – и Ларису забывают, и Элема...».

«После «Крыльев» Шепитко стала классиком, – считает киновед Кирилл Разлогов. – Ее кино нельзя назвать «женским», но нельзя назвать и «мужским», оно – особенное, чисто авторское, только ее почерком созданное. Она несла в себе высокую трагическую ноту, и благодаря ее картинам по-новому раскрылся драматизм в нашем киноискусстве».

«МЕЛЬКАЮТ ВЕТРЕНЫЕ МОДЫ...»

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОСТЮМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ИСКУССТВА? НА ЭТОТ ВОПРОС, ВЫЗЫВАЮЩИЙ, КАК ПРАВИЛО, БУРНУЮ ПОЛЕМИКУ ИСТОРИКОВ, ИСКУССТВОВЕДОВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОСТЮМА И МОДЫ, ВОТ УЖЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ДАЕТ УТВЕРДИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ ПЕРВЫЙ В РОССИИ МУЗЕЙ КОСТЮМА. ОН РАЗМЕСТИЛСЯ В СЕМИ ЗАЛАХ СЕВЕРНОГО ПОЛУЦИРКУЛЬНОГО ФЛИГЕЛЯ ПАВЛОВСКОГО ДВОРЦА, РАСПОЛОЖЕННОГО НА БЕРЕГУ РЕКИ СЛАВЯНКИ В ПРИГОРОДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

В

2008 ГОДУ, КОГДА МУЗЕЙ КОСТЮМА открылся для посетителей, подобного учреждения еще не было в России. «Это не музей моды, а именно костюма, потому что в нашей коллекции нет такого количества экспонатов, чтобы полноценно проследить развитие моды», – говорит кандидат искусствоведения, хранитель фонда тканей и костюма Государственного музея-заповедника «Павловск» Наталья Михайловна Вершинина. – Но есть много вещей уникальных, памятных. В основном это подлинные вещи представителей российского императорского дома. Они достаточно точно датированы и распределены в хронологическом порядке». Всего в коллекции музея около 160 предметов. Вроде бы не так много, ведь учету подлежат костюмы не целиком, а отдель-

Северный флигель
Павловского дворца,
в котором расположен
Музей костюма

но каждый предмет: юбка, лиф, мундир, штаны и даже каждая перчатка и туфля в паре. Однако «мал золотник, да дорог». В утонченных интерьерах Павловского дворца собраны уникальные вещи. Когда-то они принадлежали государыне Екатерине II, первым владельцам этих мест – императору Павлу I и его супруге Марии Федоровне, их детям – будущим российским самодержцам Александру I и Николаю I, а также тем, чья судьба так или иначе была связана с этой пленяющей неповторимым очарованием царской загородной резиденцией. История великолепного дворцово-паркового ансамбля началась в 1777 году, когда Екатерина II подарила 362 десятины земли в 5 верстах к югу от Царского Села своему сыну Павлу и невестке Марии Федоровне. Поводом послужило рождение в их семье первенца – будущего царя Александра I. С того момента местность, получившая название «село Павловское», а позднее – «город Павловск», стала любимым местом летних «каникул» супружеской четы. Прославленные зодчие и художники – Чарльз Камерон, Винченцо Бренна, Джакомо Кваренги, Пьетро Гонзаго – каждый в свое время создавали гармоничный облик дворца и парка.

«ТОБОЙ БЫЛ ТАК УКРАШЕН СВЕТ!»

Павловск был любимым детищем сначала великой княгини, затем императрицы Марии Федоровны. С самого начала и до последних дней своей жизни она принимала деятельное участие в обустройстве дворцово-паркового ансамбля. Даже во время европейского Гран-тура, который великолукская чета совершила под именем графа и графини Северных, Мария Федоровна писала: «Свой домашний уголок, колоннада, храм в Павловском доставляют мне удовольствия более, нежели все красоты Италии». Так что совсем неслучайно многое в Музее костюма связано именно с ней.

Портрет
принцессы
Софии-Доротеи
Вюртембергской
в возрасте
12 лет –
будущей
императрицы
Марии
Федоровны.
Портрет работы
неизвестного
художника

Мария Федоровна всегда внимательно следила за модными тенденциями. Она, пожалуй, сильно удивилась бы, когда б узнала, что в России моду первой трети XIX века потомки прозвали «модной пушкинской поры», а не модой времени ее императорского величества, чей внешний вид служил примером для подданных. Кто-то может возразить, что в пушкинскую эпоху вдовствующая императрица была немолодой. Однако «даже когда седьмой десяток лет жизни Марии Федоровны подходил к концу, она могла произвести более яркое впечатление, чем еще не достигшая тридцатилетия супруга ее сына, императора Николая I, Александра Федоровна», – говорит Наталья Михайловна. Мария Федоровна застала правление четырех монархов: своей свекрови – Екатерины Великой, своего супруга – Павла I и двух своих сыновей – Александра и Николая Павловичей. За эти годы сменялись, конечно, и моды, которым она неуклонно следовала. Как тут не вспомнить строки из великого романа Александра Сергеевича: «...мелькают годы – // И с ними вслед одна другой // Мелькают ветреные моды // Разнообразной чередой». Великий поэт довольно хорошо разбирался в нюансах не только модного, но и «старомодного»

костюма, упоминая далее, что в XVIII веке «Ламуш и фижмы были в моде». «Ламуш», или «ля муш», то есть «мушка» – искусственная родинка из тафты, которую кокетливые дамы эпохи рококо приклеивали на лицо. Кто знает, быть может, и немецкая принцесса София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, прежде чем стать российской великой княгиней Марией Федоровной, на заре своей юности была неравнодушна к этому «авантажному изъяну» на лице. Свидетельств тому нет. Справедливости ради нужно сказать, что немецких принцесс отличали благонравие и скромность. А переход в статус великой княгини уже по пропусту не допускал применения столь фривольных орудий женского кокетства. Тем более что Мария Федоровна, по словам княгини Ливен, «любила свой сан и умела поддерживать свое достоинство».

Что же касается моды на платья с фижмами, то есть с каркасом из китового уса, который придавал пышную форму юбкам, то, как замечает Наталья Михайловна, «в соответствии с модой эпохи рококо Марии Федоровне довелось носить юбки на фижмах. По контрасту с плотно затянутым корсетом лифом они создавали эффект осиной талии». Подобные платья шили из шелковых тканей нежных оттенков, обильно украшали кружевом, лентами, бантиками, искусственными цветами, ориентируясь на стиль французского двора времен Марии-Антуанетты и ее «министра моды» Розы Бертен. В Музее костюма представлено более скромное, но очень изысканное утреннее платье великой княгини 1784 года с подлинными фижмами, которые, как говорит Наталья Михайловна, «крайне редко встречаются в собраниях музеев и в частных коллекциях». Такие туалеты Мария Федоровна носила в пору своей молодости, самого расцвета красоты. О том, что она была хороша собой, свидетельствовали многие современни-

Утреннее платье с фижмами великой княгини Марии Федоровны, по легенде, выполнено в мастерской французского «министра моды» Розы Бертен

Фрагмент бального платья императрицы Марии Федоровны из атласа и муара. 1824 год

ки. Одним из самых убедительных будет, пожалуй, описание, данное ее знаменитой свекровью. Императрица Екатерина II так отзывалась о будущей невестке: «...она... стройна, как нимфа, цвет лица – смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете; высокий рост с соразмерною полнотою, и легкость поступи». А вот что писала о ней подруга детства баронессы Оберкирх: «...хороша как Божий день; ...созданная для картины». Именно такой она предстает на многочисленных портретах 1770-х годов. В Музее костюма некоторые из них соседствуют с ее нарядами тех лет.

ПЛАТЬЯ ИМПЕРАТРИЦЫ

Всего сохранилось 15 костюмов, принадлежавших Марии Федоровне. 9 из них находятся в Павловске. Это довольно много, если вспомнить, что после ее знаменитых предшественниц осталось в лучшем случае по паре экземпляров. «Собранные вместе платья императрицы дают представление едва ли не обо всех типах костюма того времени – парадном, домашнем, вояжном, визитном, бальном, орденском, а также о смене модных стилей и направлений в период 1780–1820-х годов», – говорит хранитель. Эти наряды являются собой как бы генеральную линию всей музейной экспозиции.

Помимо утреннего платья с фижмами к XVIII веку относится также уникальный наряд великой княгини – платье начальницы ордена Святой Екатерины. Это единственный сохранившийся образец женской орденской одежды в отечественных музеях. Обладательницей высшей в Российской империи награды для дам, учрежденной Петром I в 1714 году, Мария Федоровна стала, еще будучи Софией-Доротеей Вюртембергской – во время свадебного говора в Берлине, когда было объявлено, что ее мужем

Платье начальницы ордена Святой Екатерины императрицы Марии Федоровны – единственное в России

станет наследник русского престола. Несмотря на свое специальное назначение, платье – яркий образец рафинированной моды эпохи рококо. Оно состоит из глубоко декольтированного лифа, юбки с широкими фижмами и невероятной окружности подола, более 4 метров, а также почти двухметрового шлейфа. Характерные для моды того времени кружевные рукава «а-ля пагода» были реконструированы в ходе реставрации. Согласно орденскому статуту, платье пошито из серебряного глазета в сочетании с зеленым бархатом и золотой отдел-

кой. К сожалению, до наших дней костюм дошел в неполном составе. Нет «епанчи зеленой бархатной с горностаями», «шляпы зеленой бархатной с полукружием алмазным», орденской ленты, банта с девизом «За любовь и Отечество», знака и звезды ордена. Для того чтобы дать посетителям представление о законченном виде наряда, сотрудники музея нашли изящный выход из ситуации. Недостающие предметы, за исключением мантии, кропотливо воссоздали студенты Российского института театрального искусства (ГИТИС), регулярно приезжающие в музей на заня-

тия. «Такая реконструкция на пользу дела», – считает Наталья Михайловна.

Представление о характерных изменениях в дамской моде первых десятилетий XIX века дает темно-малиновое визитное платье императрицы. После победного окончания войны с Наполеоном в 1814 году началось всеобщее увлечение военной тематикой в разных видах декоративно-прикладного искусства. Исключением не стал и женский костюм. Как писал Александр Грибоедов в «Горе от ума»: «И в женах, дочерях – к мундиру та же страсть!» Платье Марии Федоровны, как и других модных дам, обзавелось подобием эполет на рукавах-«фонариках», с гусарского ментика на его лиф перешли бранденбуры – застежка из двойных петель и пуговиц, сделанных из шнура или позумента, длинные рукава расширились книзу, слегка прикрывая кисть, как на военном мундире. В этом наряде императрица «изволила присутствовать на смотре Польских войск в Варшаве в 1818 году», будучи в гостях у своего сына цесаревича Константина Павловича, наместника царства Польского в те годы.

Фрагмент придворного платья императрицы Марии Федоровны с объемной золотой вышивкой

Мундир офицерский
лейб-гвардии Московского полка
императора Александра I
(1817–1825)

Дамская шляпа
из соломки.
Начало XX века

ДРАГОЦЕННЫЕ МЕМОРИИ

По сути, именно Мария Федоровна положила начало коллекции Музея костюма в Павловске еще в далеком 1826 году. В это время по распоряжению вступившего на престол годом ранее императора Николая I проводилась ревизия и перераспределение мемориальных костюмов почивших августейших родственников. «Императрица отобрала часть из них для себя в качестве памятных, и некоторые предметы по ее указанию были отправлены на хранение в Гатчину и Павловск», – рассказывает хранитель музея.

Однако еще задолго до этого Мария Федоровна уже многие годы бережно хранила одежду обожаемого супруга-императора, убитого в результате заговора придворных 12 марта 1801 года. Более того, по словам Натальи Михайловны, «особенно дорогую для нее одежду покойного супруга, которая была на нем в последний день жизни, и его постель из Опочивальни в Михайловском замке Мария Федоровна всегда брала с собой при переезде из одной резиденции в другую». Из записок гра-

фини Эдлинг известно, что во время пребывания в Павловском дворце Мария Федоровна раскладывала эти вещи в соседней с ее кабинетом комнате, через которую, к ужасу графини, «постоянно проходили не только члены императорской семьи, но все придворные и обыватели дворца».

После еще одной трагической потери в жизни «матери династии», как часто именуют Марию Федоровну, родившую четырех сыновей и шесть дочерей, личный «мемориаль-

ный музей» императрицы пополнили предметы, «имевшие значение драгоценных реликвий для его хозяйки». Это были личные вещи ее первенца – императора Александра I, скончавшегося 19 ноября 1825 года в Таганроге. «В Павловске хранились как святыня вещи, ему принадлежавшие», – писал русский историк Михаил Семевский, упоминая, что в библиотеке дворца находился «стеклянный ларец, поставленный на аналой черного дерева. В нем

Французский
веер «Катание
на лодке».
Середина
XIX века

сохраняется подвенечный кафтан Великого Князя Александра Павловича... белого гла- зета с серебряным шитьем по борту, по обшлагам рукавов и лацканам карманов».

В XIX веке в результате разно-образных перемещений мемо-риальных предметов между дворцами, а в XX веке – между музеями, постепенно склады-валось уникальное собрание, ставшее основой Музея костюма в Павловске. Свадебный шлафрк Александр I, детские мундиры Александра и Нико-лайя Павловичей, уникальное «русское» придворное детское платье с почти трехметровым шлейфом 8-летней великой княжны Екатерины Павловны, редкое платье княгини Лович – морганатической жены наслед-ника престола Константина Павловича, в разное время пополнили коллекцию. Сегодня в музее можно увидеть также на-ряды антагонисток в модных предпочтениях – императриц Марии Федоровны (Дагмар) и Александры Федоровны – су-пруг Александра III и Нико-лайя II. А еще – расписные веера, изящные туфельки, роскош-ные шляпы, кружевные зонти-ки и многое другое. Собрание музея продолжает расти, одна-ко его история – это история не только приобретений, но и пе-чальных утрат.

«ДАВНО ОПОЧИЛИ В МУЗЕЕ ТЕ ШЛЯПЫ И БАШМАЧКИ»

Во время Великой Отечествен-ной войны Павловский дворец серьезно пострадал от пожара, устроенного при отступлении немецкими захватчиками, а 70 ты-сяч деревьев великолепного пар-ка были вырублены ими под корень. До этих страшных собы-тий сотрудникам музея удалось эвакуировать или спрятать в Пав-ловске самые ценные экспона-ты. «От дома того – ни щепки, // Та вырублена аллея, // Давно опочи-ли в музее // Те шляпы и башмач-ки», – писала Анна Ахматова осе-нью 1940 года. В стихотворении

Ж.-Б. Лампи.
Портрет
Екатерины II.
Около 1793 года

Мундирное
платье
императрицы
Екатерины II
по форме
Морского флота

поэт вспоминала свою юность, проведенную в этих местах, од-нако эти строки невольно всплы-вают в памяти, когда речь заходит о судьбе дворца-музея в Павлов-ске. Спасти получилось не все... «К сожалению, был безвозврат-но утрачен в годы войны костюм Екатерины II», – рассказывает хра-нитель. Утрата утреннего платья императрицы тем печальней, что это был один из редчайших по-вседневных нарядов государыни, доживших до XX века. На память о нем остались лишь фотографии начала прошлого столетия.

Большинство костюмов импе-ратрицы не пережило даже XIX век. Исключение составляют ли-шь наряды специального назначе-ния. Это ее коронационное и венчальное платья, которые, со-гласно традиции, после церемо-ний были сразу же переданы в Оружейную палату, где и хра-нятся до сих пор. Настоящим чудом сотрудники Музея костюма в Павловске считают сохранение 48 предметов форменной оде-жды Екатерины II, из которых им удалось собрать 13 полных ком-плектов так называемых мун-дирных платьев государыни (см.: «Русский мир. ги» №4 за 2021 год, статья «Свидетели времени». – Прим. ред.). Это самая большая коллекция подобной одежды российских музеев.

«Мундирные платья императри-цы, – поясняет Наталья Михай-ловна, – оставили благодаря по-явившейся в XIX веке среди европе-ской и русской аристо-кратии моде на коллекциониро-вание оружия и обмундирова-ния. Николай I, великие князья Константин и Михаил Павлови-чи после посещения ряда дво-ров европейских родственни-ков стали создавать собственные Арсеналы, куда вошли и полко-ые платья Екатерины II». В на-стоящее время в экспозиции Музея костюма представле-но одно из самых нарядных – пла-тье по форме Морского флота. Оно сшито из белого и зелено-го шелка и отделано шитьем золоченой канителью, мишурой, блестками и фигурными пла-стинками из золоченой фольги.

Остальные наряды императрицы, коих в соответствии с ее статусом было немало, в XIX веке постигла довольно печальная участь. Хотя изначально, как говорится, ничего не предвещало. После кончины Екатерины II в 1796 году император Александр I, которому, по замечанию хранителя музея, «она кофточки вязала, стихи сочиняла, колыбельные пела», трепетно храня память о любимой бабушке, распорядился «хранить в порядке и опрятности» ее гардероб, занимавший пять комнат Зимнего дворца.

Спустя тридцать лет, уже при втором внуке императрицы, Николае I, не имевшем сентиментальных воспоминаний о ней, «после проведенной дворцовыми служителями проверки... предметы гардероба Екатерины были признаны «ветхими» и «негодными к употреблению». Десятки пар шелковых туфель, парчовые корсеты, фижмы, расписные веера, зонты, булавки, другие предметы были уничтожены», — с печалью констатирует Наталья Михайловна.

Нужно отметить, что с Екатериной II и ее гардеробом так или иначе связано немало интересных историй утрат и — гораздо реже — находок. При проверке оставшегося после нее имущества был обнаружен уникальный предмет — Остромирово Евангелие — самая древняя русская рукописная книга. Памятнику древнерусской словесности на тот момент исполнилось 749 лет. Личный секретарь императрицы Яков Александрович Дружинин так вспоминал об этом событии: «При осмотре, произведенном мною, хранящегося в гардеробе покойной государыни Екатерины II платья, нашел я в прошлом 1805 г. сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло. Вероятно, поднесено было Ея Величеству и отдано для хранения в комнаты ее, а потом сдано в гардероб». С 1806 года и поныне Остромирово Евангелие хранится в специальном сейфе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Придворное
платье
императрицы
Марии
Федоровны,
в котором
она была
на последнем
ужине перед
убийством
ее супруга
императора
Павла I

ЗАВЕСА ТАЙНЫ

Если бы платья могли говорить, сколько интересных исторических фактов они могли бы подтвердить, сколько мифов развеять. Но, увы... Они лишь молчаливые свидетели, надежно хранящие секреты. Лишь иногда, волею судеб, завеса тайны слегка приоткрывается. Как случилось с эффектным, асимметричного покрова придворным нарядом из гардеро-

ба Марии Федоровны. Платье из атласа цвета морской волны и бархата песочного цвета с завышенной линией талии и небольшим шлейфом сшито по французской моде последних лет XVIII века — периода Директории, завершившего Французскую революцию.

Как гласит описание, составленная в 1832 году (спустя четыре года после кончины императрицы), это то самое «Платье зеленое атласное, которое Ея Величество имела накануне кончины покойного Императора Павла Петровича 11 марта 1801 года». Именно в этом наряде «нежнейший и вернейший друг» Мария Федоровна во время воскресного ужина в Михайловском замке последний раз в жизни видела своего «дорогого и обожаемого князя». Так называли они друг друга в письмах того времени, когда, по выражению иностранных дипломатов, «в императорской семье царствовало согласие, которое никогда прежде не случалось замечать в столь высокой степени». В наши дни этот наряд занимает центральное место в экспозиции музея.

Секреты кроя отдельных костюмов помогают раскрыть зеркала, размещенные в выставочном пространстве. Встречающийся не столь часто экспозиционный прием дает возможность рассмотреть наряды со спины, где порой находят-

Предметы
сервиза «с позолоченным бортом
и с вензелем «М».
Мануфактура
Дж. Веджвуда.
Англия. 1817 год

Мраморный
портрет
Александры
Иосифовны (?).
Скульптор –
А. Мунро.
1870 год

И.Н. Крамской. Портрет
императора Александра III
и императрицы Марии Федоровны.
1885 год

ся самые интересные конструктивные особенности или декор. Как, к примеру, узкие и длинные откидные рукава на придворном «русском» платье Марии Федоровны, о наличии которых посетителю музея было бы сложно догадаться. Или милая деталь моды 20-х годов XIX века – изящный бант, закрывающий на спинке платья застежку широкого пояса. В оформлении музея тоже есть своя загадка. Внимательный посетитель непременно обратит внимание на обилие васильков, встречающихся в экспозиции в том или ином виде. Это оммаж, с одной стороны, увлечению императрицы Марии Федоровны цветоводством, с другой – ее любви к этим скромным цветам, которые первая хозяйка Павловска ценила не менее, чем роскошные розы. Как-то раз серьезно заболевшему Ивану Андреевичу Крылову она прислала букет васильков вместе с приглашением поправить здоровье в Павловской резиденции. Известный баснописец в благодарность за внимание царственной особы написал басню «Василек», а букетик засушил и сохранил на память.

Васильки можно увидеть даже на тарелках веджвудского сервиса, которым ежедневно пользовалась императрица и который ныне красуется в витрине Музея костюма.

Кстати, название «Музей костюма» совсем не означает, что

Ваза парная
Императорского
фарфорового
завода.
1760-е годы

здесь демонстрируется только одежда. Рядом с нарядными платьями и строгими мундирами размещены портреты или скульптурные изображения тех, кто их носил. В витринах выставлены предметы из стекла, фарфора или бронзы, на которых орнамент может перекликаться с рисунком или вышивкой на ткани нарядов. «Это сделано для того, – говорит Наталья Михайловна, – чтобы был виден общий стилистический язык для разных видов декоративно-прикладного искусства».

...Созданный гением портного костюм может быть таким же произведением искусства, как скульптура или картина. Только вместо мрамора и красок используются сложные сочетания многоцветных тканей, изысканных кружев, утонченных или, напротив, вызывающие роскошных вышивок, нередко наполненных особым символическим смыслом. Костюмы, хранящиеся в Музее костюма ГМЗ «Павловск», привлекают внимание посетителей не только благодаря сложнейшему крою и богатому декору, но также их мемориальной и художественной ценности. ●

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СИБИРЯКИ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДЛЯ ПРИШЕДШИХ В ЗАУРАЛЬЕ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ СИБИРЬ БЫЛА ЧИСТЫМ ЛИСТОМ, НЕИЗВЕДАННЫМ КРАЕМ. НО ВСКОРЕ ЭТА ЗЕМЛЯ СТАЛА НОВЫМ ДОМОМ ДЛЯ РАЗНЫХ НАРОДОВ, МЕСТОМ ВСТРЕЧИ ЕВРОПЫ И АЗИИ.

СЕГОДНЯ ПО СВОЕМУ этническому составу Сибирь является одним из самых ярких и самобытных регионов России. В этом легко убедиться, посетив экспозицию «Этническая панорама Сибири» в Омском историко-краеведческом музее. Фотографии, экспонаты и воссозданные фрагменты традиционных жилищ повествуют о том, как на сибирской земле жили, праздновали и трудились люди.

Границы огромной территории, административным центром которой был Омск, до середины XX века простирались до берегов Карского моря – она занимала большую часть нынешней Западной Сибири. В 1877 году по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Николая Казнакова в Омске был учрежден Западно-Сибирский отдел Император-

ского Русского географического общества. Его задачей было «изучение Западной Сибири и сопредельных с нею областей Средней Азии и Западного Китая». А уже в следующем году при Западно-Сибирском отделе организовали музей. Первые этнографические экспонаты были переданы ему Главным управлением Западной Сибири. Среди них были предметы, экспонировавшиеся в 1867 году на Всемирной выставке в Париже, например казахский мужской свадебный халат. По легенде, он был привезен в Омск султаном Чингизом Валихановым – полковником Русской армии и отцом знаменитого казахского просветителя Чокана Валиханова. Наряд украшают вышитые тамбурным швом цветы и плоды граната – символы плодородия. Раздобыть такие экспона-

ты в то время можно было без особых трудов: еще в начале XX века из Омска можно было увидеть казахские кочевья – «киргизы», как тогда называли казахов, привыкли кочевать на левом берегу Иртыша под защитой русских крепостей. За прочими артефактами приходилось отправляться в длительные экспедиции.

В 1877–1917 годах экспедиции членов Западно-Сибирского отдела РГО охватывали Тибет, Монголию, Китай, Среднюю Азию, низовья и притоки Оби, бассейн реки Таз, устье Нижней Тунгуски. Так что этнографическую коллекцию Омского музея отличает не только азиатский, но и особый северный колорит.

Среди первых поступлений в коллекцию музея были хантыйские рубашки из крапивного полотна. Крапивное ткачество было очень распространено в Западной Сибири. Изделия из крапивы долго не изнашиваются, блестят как шелк, приятные на ощупь, не раздражают кожу. Крапиву сушили и обрабатывали так же, как обрабатывают лен – трепали отдельли кострику от длинных волокон. А ткали крапивный холст на обычных деревянных ткацких станках.

«Скромно одетые»
мансиjsкие идолы

Витрина
с шаманской
атрибутикой

СЕВЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Первый зал экспозиции посвящен коренным народам Севера, Алтая, сибирским татарам.

Витрина с мансиjsкими идолами, привезенными из северной экспедиции будущим директором Омского областного краеведческого музея Андреем Палашенковым, может вызвать недоумение у обычного человека. Ведь чаще всего идолы богато украшались, а эти «одеты» весьма скромно. А все дело в том, что на Севере изделия из меха и кожи ценились не так высоко, как изделия из хлопчатобумажной ткани. Такие ткани закупались для праздничных нарядов – самых лучших и дорогих. Соответственно, одежды из них считались самыми подходящими для идолов.

Общением с духами ведал шаман. Считалось, что духи сами выбирают шамана, отказаться от этого выбора невозможно. Исконные жители Сибири верили, что шаман путешествует в мир духов, сражается со злыми духами, добивается покровительства добрых. Похоже, некоторых духов приходилось убеждать силой: в той же витрине есть шаманская сабля, которая была сакральным оружием.

Главным атрибутом камлания был бубен. На алтайском шаманском бубне закодирована картина мира. Алтайцы, как и северные народы, делили вселенную на три части – небесный мир,

мир людей и подземный мир, – разделенные четкими границами. Вверху бубна изображены птицы и всадник, который путешествует по небосводу – это Солнце, сын верховного бога Неба. В шаманизме было три главных божества – бог Неба, богиня-Мать и владыка подземного мира. Внизу – изображения мертвцев. В середине – мир живых.

Другой бубен в витрине повернут обратной стороной – на ней изображения духов–покровителей шамана. Когда шаман умирал, бубен обязательно ломали, считалось, что иначе душа шамана не сможет уйти в потусторонний мир и пройти перерождение. Каждая деталь одежды шамана также символична. Многочисленные колокольчи-

ки на шаманском костюме – не просто украшение. У алтайских шаманов звон колокольчиков символизировал голоса дочерей бога Неба Ульгения – небесных дев, которые помогают шаману. А еще считалось, что металл отгоняет злых духов.

У народов Сибири элементы шаманского культа сохранились даже после принятия ислама, так же как культ предков и вера в духов – хозяев явлений природы, жилищ или покровителей семьи. Кстати, в витрине с шаманской атрибутикой можно увидеть совершенно неожиданный предмет – шар-поплавок для гидрографических наблюдений. Ханты посчитали невиданную прежде вещь священной и использовали поплавок в своих обрядах.

Здание
Омского
историко-
краеведческого
музея

СЕКРЕТЫ ЧУМА

В том же зале установлен чум – традиционное жилище кочевых народов Севера: ненцев, ханты, манси, эвенков и энцев. Конусообразная форма делает его устойчивым, сильные ветра и метели ему ни почем. Чум легко разобрать и собрать на новом месте. Его основа – 20–40 шестов, которые делают из ошкуренных стволов елей: их сушат несколько месяцев, пока не испарится вся влага. В тайге шесты не возят с собой, а оставляют на том месте, куда семья возвращается из года в год. Летом чум покрывают берестой или мешковиной, вход занавешивают грубой тканью. Зимой используют шкуры лосей, оленей, изюбров, сшитые в полотнище. В центре чума располагается печь. Внутри чум застелен циновками и мягкими оленьими шкурами. У основания шестов складывают шубы и другую одежду. Шкаф для хранения вещей заменяет специальная нарта.

Чум делится на женскую и мужскую половину. Женская – от входа до центра чума, включая очаг. У этой традиции вполне рациональная основа: хлопотча по хозяйству, женщина постоянно передвигается, поэтому, находясь ближе к выходу, она меньше беспокоит других обитателей чума. На своей половине женщина хранит сумки с вещами, которые иногда заменяют подушки. Если в семье есть маленький ребенок, люлька висит также на женской половине.

Место за очагом – мужская половина. Здесь хранятся мужская обувь, инструменты, охотничье принадлежности, а также ящик со священными предметами. В этом расположении мужской половины также заложен практический смысл. Мужчина проводит основную часть времени вне жилища, занимаясь хозяйственными делами или промыслом. В чум он заходит лишь для отдыха и приема пищи. Только зимой мужчины в чуме проводят больше времени: из-

Древнейшее
жилище – чум

готавливают мелкие домашние предметы, плетут арканы, мастерят ножи.

Постель находится на середине чума, и даже ночью женщина спит на своей половине, а мужчина – на своей. Из мебели в чуме есть только стол на низких ножках, который устанавливается во время еды в центре между очагом и постелью. Размер стола зависит от количества членов семьи.

Чум никогда не запирается. Если в чуме никого нет, к входу приставляется шест.

Мукуэ –
эвенкийская
мужская зимняя
одежда

«ПТИЧЬЯ АРФА» И КЛЫК МЕДВЕДЯ

Рядом с чумом – широкие охотничьи лыжи для ходьбы по глубокому снегу и нарты. Делались они без единого гвоздя. Нарты были мужские и женские. Женские длиннее – на них вместе с матерью ехали дети. На грузовых перевозили семейный скарб.

Выставленная в музее эвенкийская мужская зимняя одежда из оленьей шкуры, мукуэ, была сшита еще в конце XIX века. А традиционную ненецкую женскую одежду закупили специально для экспозиции. «На Севере, несмотря на наличие современных материалов, до сих пор шьют традиционную одежду – наиболее теплую и подходящую для климата», – поясняет ведущий научный сотрудник музея, хранитель фонда этнографии и тканей Оксана Дербуш. Такая одежда украшается традиционным орнаментом. Его узор строго геометричен и состоит из прямоугольников, зигзагов, углов, ромбов. Ненцы трактуют эти рисунки как воспроизведение северной природы. Об этом говорят названия узоров: «оленевые рога», «заячий уши», «сосковая шишка».

Обязательная деталь мужского костюма – пояс с ножами. «Мальчик получал свой нож в 3–4 года и начинал учиться работать с деревом. Дерево и кость считались

Татарский женский праздничный костюм

мужскими материалами, – поясняет Оксана Николаевна. – Мальчик сам делал свой первый лук. Чтобы перейти в статус взрослого человека, юноша обязательно должен был сходить на охоту на медведя. После удачной охоты он подвешивал на пояс медвежий клык. Чем больше клыков, тем более уважаемый был человек. У некоторых из них была целая связка». Но, пожалуй, самое необычное в этой экспозиции – «птичья арфа». Национальный струнный инструмент народа манси в виде плавной треугольной рамы, на которую натянуты струны, носит название «тор-сапль-юх». В дословном переводе – «журавлина шея деревянная». Иногда его также называют «хотол», то есть «лебедь». Передняя часть корпуса манси-

ской арфы загибается вверх и переходит в шейку. На конце шейки обычно вырезают птичью голову – инструмент действительно напоминает птицу. Играли на арфах только мужчины.

КУПЦЫ И КУЗНЕЦЫ

Костюмы и украшения, представленные в соседних витринах, повествуют и о других коренных жителях Сибири. Сибирские татары – это народ, в XVI веке создавший первое в Сибири государство. Правда, просуществовало оно недолго: до прихода из Бухары хана Кучума, которого потом разобьет Ермак. Сибирские татары активно торговали с Востоком, потому в их нарядах встречаются узорные ткани из Ирана и Персии.

Пояс ненца-охотника

И очень много серебряных украшений.

В начале XX века многие татары изменили традиционный образ жизни – перебрались в города, стали купцами. Кстати, знаменитые купцы из города Тары Айттыкины финансировали строительство первой в Сибири каменной мечети. А в 1871 году городской староста Айттыкин настоял, чтобы в городе установили телеграф, объясняя это тем, что местные купцы ведут международную торговлю.

У шорцев (малочисленного тюркского народа, живущего в юго-восточной части Западной Сибири) вышивка на одежде довольно лаконична. Она лишь фон для множества ювелирных украшений. Праздничный девичий головной убор тошток можно с полным правом назвать образцом декоративно-прикладного искусства. Подвески изготовлены очень тонко, а ведь их столько, что не сосчитать.

У северных шорцев было хорошо развито кузнецкое дело, а также добыча и плавка железной руды, поэтому русские называли их «кузнецкими татарами». Однако с включением территории в состав Российской империи заниматься традиционным железным ремеслом шорцам было запрещено царским указом: продажа оружия была одним из основных источников государственного дохода.

Калфак –
татарский
женский
головной убор
и каптырма –
застежка
на женский
камзол

СТАРОЖИЛЫ

Еще один зал экспозиции посвящен народам, заселившим территорию Сибири после ее присоединения к Российской империи.

Первыми переселенцами были служилые люди и охотники-промысловики. Одни отправлялись за Камень (так в те времена называли Урал) по царскому указу – для охраны крепостей и сбора ясака. Другие шли добывать «мягкое золото» – сибирские леса изобиловали пушным зверем. И ставили на лесных тропах ловушки-самострелы, одну из которых можно увидеть в экспозиции.

В Сибири добыча пушнины была одним из важнейших промыслов. Местное население не платило никаких налогов, кроме дани, которая взималась пушниной. Удачливый охотник-промысловик за один сезон мог заработать себе на подворье – поставить избу, купить лошадь...

Вдоль больших рек – Енисея, Иртыша, Оби, Тобола – возникали крупные остроги: Тюмень, Тобольск, Тара, Томск, Новокузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Иркутск, Нерчинск. К концу XVII века по численности русское население уже преобладало над коренным и по переписи 1710 года составило около 310 тысяч человек. Селились в основном в северных районах Западной Сибири. Южное направление долгие годы было беспокойным из-за набегов кочевников – джунгар, казахов, сибирских татар... Там землепашцы стали селиться только в третьей четверти XVIII века – после постройки крепостей и укрепленных линий от Урала до Алтая.

До начала XIX века крестьяне часто переселялись в Сибирь за счет государства. Они получали денежную ссуду, инвентарь, скот, освобождение от налогов на некоторое время. Первыми переселенцами стали в основном выходцы с севера европейской части России – из Архангельской губернии, Поморья.

Подворье сибирских крестьян

Они приспосабливались к новым суровым условиям и формировали особую группу населения – сибирских старожилов.

Традиционная русская изба с печкой, красный угол, узорные полотенца... В углу – трепало, гребень, прядлка и ткацкий станок. А над колыбелькой как оберег подвешена тряпичная куколка, одновременно являвшаяся погремушкой. «Все ритуальные действия имели определенный рациональный смысл, за ритуалом всегда стоит твердая бытовая логика», – поясняет Оксана Дербуш.

В Сибири крестьяне были достаточно зажиточными, потому они в основном шили одежду из купленных тканей. Из домотканного полотна делали лишь рубашки – и мужские,

и женские. Причем на женской рубашке верхнюю часть рукава могли украсить дорогой купленной тканью.

Самым распространенным в Сибири женским головным убором была характерная для северных русских губерний шамшутра – украшенная вышивкой полотняная шапочка с твердым очельем. Поверх нее повязывали платок или шаль с кистями – получался весьма эффектный головной убор, напоминающий тюрбан.

На печке лежит коврик из лоскутков. Он демонстрирует особое отношение крестьян к ткани – она никогда не уничтожалась полностью, использовалась до последнего. Из старой одежды делали половики, покрывала, одеяла.

Если заглянуть в окно...

СТАРЫЕ БРЯДЦЫ

Среди переселенцев было много старообрядцев. Часто они оставляли родные края не по своей воле. К примеру, алтайские старообрядцы-«поляки» были потомками русских старообрядцев, обосновавшихся на территории Речи Посполитой, откуда их насильно переселили в Сибирь. Старообрядческие деревни на Алтае стали родиной сибирского пчеловодства, которое они вели сначала упрощенным способом, а потом перешли к современным рамочным («рамщиктым») ульям. Алтайские старообрядцы-«поляки» жили замкнуто, не смешиваясь с представителями других сибирских этносов. Вели хозяйство, но и о красоте не забывали. Поражает цветовым великолепием гайтан – бисерная лента для нательного креста. А вот роскошная женская рубаха – вся в вышивках узорах. Сколько времени понадобилось мастерице, чтобы создать такое чудо, даже предположить сложно... Это рубаха из этнографической коллекции, которую писатель и этнограф Александр Новоселов собрал на Алтае в 1913 году и передал в музей.

Любопытно, что в Сибири дольше всего сохранялось обилие орнаментов на одежде, в Российской империи в XIX веке орнамент уже становился достаточно ла-

коничным. Исследователи объясняют это так: в Сибири были большие семьи, соответственно, возможностей для девушки заниматься рукоделием было больше. В Омском музее хранится одна из самых известных в России коллекций предметов алтайских старообрядцев – аналогичные экспонаты есть еще в нескольких музеях Казахстана, на Алтае и в Российском этнографическом музее.

В избе
сибирских
старожилов

Наряды
и украшения
алтайских
старообрядцев-
«поляков»

ДЕТИ СТЕПЕЙ

«Казахи появляются на территории Сибири примерно одновременно с русскими, только они приходят с другой стороны – в поисках новых пастищ для скота. Большое значение в истории казахского народа имело добровольное вхождение в состав Российской империи, когда казахи Младшего и Среднего жузов получили право кочевать под защитой русских крепостей. Центром этой укрепленной линии была Омская крепость, на территории нынешней Омской области находились зимние кочевья казахов Среднего жуза», – объясняет Оксана Дербуш.

Установленная в зале юрта – современного производства, но она сделана в соответствии с древними традициями. Украшающий кочевое жилище орнамент, внутренняя планировка – женская половина и мужская, стол, за которым принимают гостей, сидя на подушках... Видно, что у этого жилища южных кочевников много общего с северным чумом. «Считается, что чум – это прародитель юрты, – говорит Оксана Дербуш. – Конструкция юрты фактически является усовершенствованной конструкцией чума».

Кумыс для казахов больше, чем просто напиток. Это важный элемент казахской культуры. Он появился у кочевников Средней Азии и Монголии более 5 тысяч лет назад. В древности его приносили в жертву тюркскому божеству неба – Тенгри. Кумысом лечили больных. Любому гостю, какой бы веры он ни был, подносили чашу с кумысом. Поэтому кожаный подойник для кобыльего молока неслучайно снабжен носиком: казахи считали, что ни одна капля молока не должна пролиться на землю. Вся утварь, которая использовалась для изготовления кумыса, богато украшалась. Молоко сквашивали и взбивали в сосуде из шкуры лошади – саба. Затем разливали в большие чаши – тегене, сделанные в форме вымени кобылицы. И уже в юрте специальны-

Сумка для добычи –
казахи часто охотились
с ловчими птицами

ми ковшами – ожau – разливали кумыс и подносили гостям. На праздниках казахи устраивали скачки – байга, в которых участвовали не только мужчины, но и девушки. Обычай требовал, чтобы батыр, претендующий на руку и сердце девушки, догнал невесту на скакуне. Для этого на праздниках затевалась игра «Кызкуу». Девушка и юноша верхом на лошадях выходили на поле. По сигналу девушка, стегнув коня, вырывалась вперед, а парень пытался догнать ее и поцеловать. Если это не удавалось, то ухажеру приходилось спасаться бегством: девушка, догнав незадачливого кавалера, начинала стегать его плеткой.

Пожилые люди предпочитали играть в настольные игры и слушать музыку. Особенно популярной была игра «тогузкумалак». На первый взгляд все просто: нужно разложить шарики так, чтобы занять больше ячеек доски. Но эта простота – кажущаяся, неслучайно «тогузкумалак» называли «кочевыми шахматами».

На праздниках устраивали и состязания акынов, певших под аккомпанемент домбры. Песни их были полной импровизацией. А вот у еще одного музыкального инструмента, представленного в экспозиции, предназначение иное. Кобыз –

Интерьер юрты

древнейший предок скрипки, способный передавать звуки ветра, шелест листвы, голоса птиц и животных, – занимает особое место в культуре казахов. Кобыз был инструментом баксы – казахского лекаря. Считалось, что, играя на кобызе, баксы может отгонять злых духов, болезни и даже смерть.

Особая роль у казахов отводилась украшениям. Их было очень много, особенно в женском наряде. Перстни и кольца носили обычно по три-четыре штуки, это были повседневные украшения – считалось, что иначе приготовленная женщиной пища будет нечистой. Казашки и серьги носили постоянно. Большие и сложные праздничные серьги крепили к волосам, чтобы не разорвать мочку уха.

Особенно много украшений было у молодых девушек. Они украшали косы лентами-шашбау, унизанными серебряными монетами, и шолпы – подвесками из серебряных блях, скрепленных колечками и цепочками. Шолпы помогали девочке формировать правильную осанку – она старалась, чтобы ее походка была легкой, воздушной. Только тогда украшения издавали мелодичный звон. А главным элементом девичьих нагрудных украшений были серебренные бляхи или монеты, скрепленные между собой цепочками или кольцами. В XIX веке казахские ювелиры стали активно использовать русские серебряные монеты – с них стирали отчеканенное изображение и наносили свой узор.

Украшенный
тиснением
кожаный
подойник
для кобыльего
молока

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Среди первых переселенцев были выходцы с Украины и из Белоруссии, но их было немного. И только после строительства Транссиба в Сибирь хлынул поток переселенцев из южных губерний.

У белорусов и украинцев цветовая гамма традиционных костюмов одна – красно-белая, а вот орнаменты очень отличаются. У белорусов – архаичный геометрический, у украинцев – богатый растительный орнамент. У украинцев орнамент вышитый, у белорусов – тканый, хотя вышивка, конечно, тоже использовалась.

Украинцами было создано около ста различных техник вышивки, в каждом регионе были свои особенности. В Чернигов-

ской области была распространена вышивка, выполненная очень мелкими стежками. В полтавской вышивке преобладали одноцветные, чаще белые орнаменты. Для Харьковской области характерна многоцветная вышивка крестиком, полукрестиком с эффектом рельефности. Есть в экспозиции и подворье, которое иллюстрирует занятия сибирских крестьян. Переселенцы превращали в пашни земли, прежде не знавшие плуга, и всячески старались облегчить себе этот нелегкий труд. Вот классические крестьянские орудия: соха, ярмо для упряжки вола, борона – чтобы разбивать крупные комья земли... А вот техническое приспособление – каток с забавным названием «медведь». Он использовался для того, что-

Русские,
украинцы,
белорусы...

бы разбивать комья земли или для молотьбы – выбивать из колосьев зерна. Ведь молотить цепом работа долгая и тяжелая.

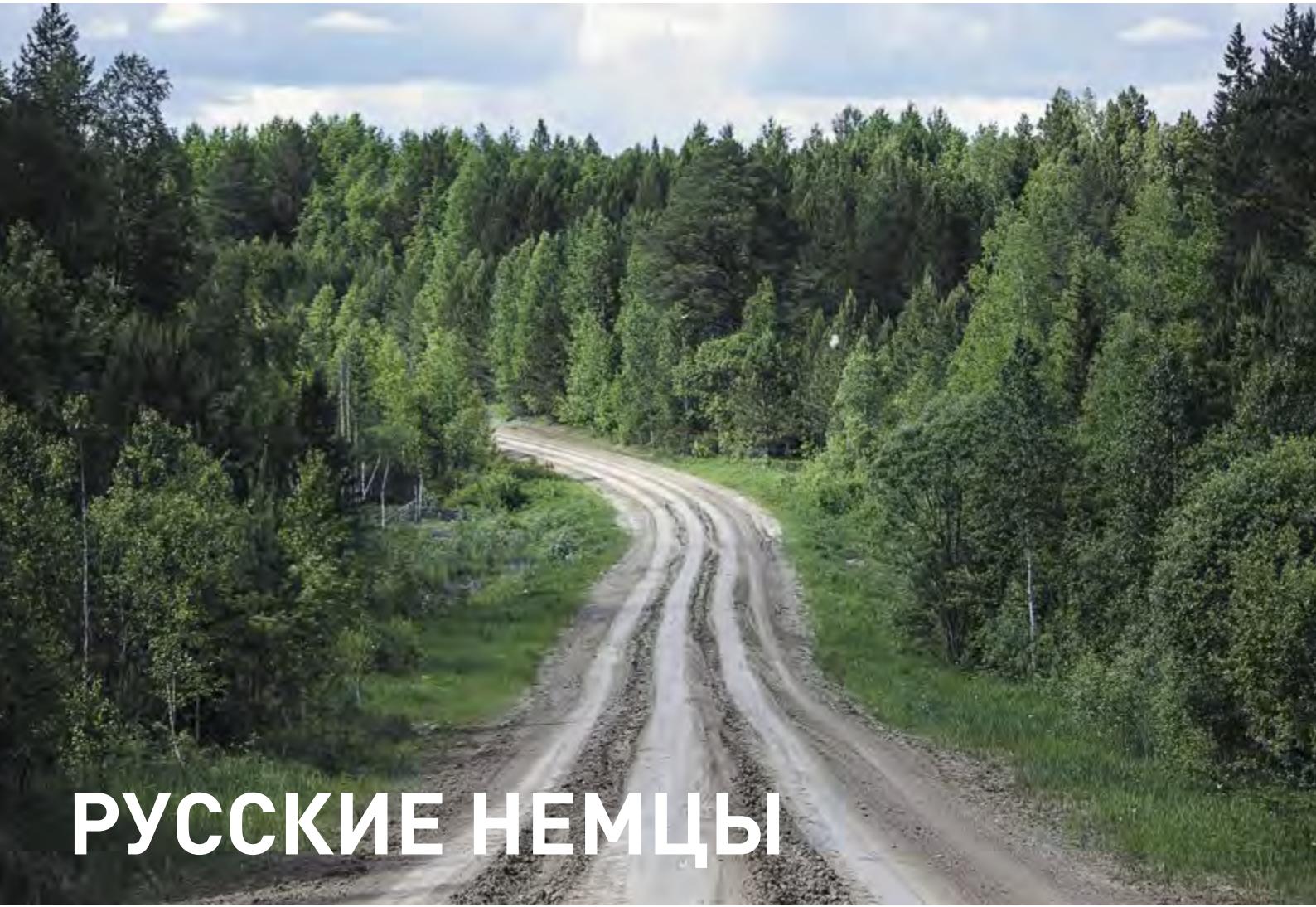
Особенно много технических новшеств было в хозяйстве у немецких переселенцев. У них был и станок для глажки белья, и пресс для изготовления растительного масла американского производства... Активная немецкая колонизация Сибири началась во второй половине XIX века. В XVIII веке Екатерина Великая пригласила в Россию немецких поселенцев. Тогда они селились преимущественно на юге – в Поволжье, на Украине. А когда свободных земель стало не хватать, отправились в Сибирь. За Урал ехали не выходцы из Германии, а переселенцы из колоний в Центральной России. Ехали большими группами. Переселение поддерживалось материнской колонией – семьям выдавались подъемные.

Немецкий интерьер отличала резная деревянная мебель, обилие вышивок и салфеток. В коллекции Омского музея, например, есть шкаф, изготовленный в конце XIX века без единого гвоздя. Жезл с лентами – элемент свадебного обряда. Он назывался «шток». Перед свадьбой дружка-штокман обходил соседей, и тот, кто соглашался посетить грядущее торжество, привязывал на шток ленточку. Так пунктуальные немцы определяли число гостей. Отметим, что немецкая этнографическая коллекция Омского музея одна из крупнейших в России. Старейший предмет в ней – алфавитный указатель к духовной литературе, изданный в Лейпциге в 1711 году. Религия в жизни немцев значила очень многое.

А еще в Сибирь с юга ехали молдаване, с северо-запада – латыши и эстонцы... Обо всех в одной статье не расскажешь. Но главное, представители разных наций всегда жили на сибирской земле как добрые соседи. Именно об этом напоминает экспозиция Омского музея, помогая сегодняшним сибирякам сохранять историческую память. ●

В гостях
у немецких
переселенцев

РУССКИЕ НЕМЦЫ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ГЕННАДИЯ КАРНЕНЕВА

«МЫ – РУССКИЕ НЕМЦЫ. ПРОШЛО МНОГО ЛЕТ, МЫ ВЗЯЛИ МНОГО И ОТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, И ОТ НЕМЕЦКОЙ. ЭТО И НАЗЫВАЕТСЯ – РУССКО-НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА. РУССКИХ НЕМЦЕВ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗДЕСЬ, В СИБИРИ. В АЛТАЙСКОМ КРАЕ 51 ТЫСЯЧА НЕМЦЕВ, У НАС В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ – 50 ТЫСЯЧ. ЗДЕСЬ НЕМЦЫ ДО СИХ ПОР ЖИВУТ КОМПАКТНО, ЗДЕСЬ БЫЛИ ОСНОВАНЫ НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ, В ДЕРЕВНЯХ И СЕЛАХ ГОВОРИЛИ ПО-НЕМЕЦКИ. С ЭТИМ МЫ ВЫРОСЛИ, МЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕМ НЕМЦАМИ. МЫ СЛЕДУЕМ НЕМЕЦКИМ ТРАДИЦИЯМ, У НАС НЕМЕЦКИЙ УКЛАД, БЫТ, КУХНЯ, ЖИЛИЩА, ПРАЗДНИКИ. И САМ ЯЗЫК КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО. МЫ ДО СИХ ПОР СЕБЯ СЧИТАЕМ НЕМЦАМИ. РУССКИМИ НЕМЦАМИ».

С ЗАСЛУЖЕННЫМ УЧИ-
телем России Елизаветой Егоровной Граф мы разговариваем в Русско-немецком доме в Омске. Пять лет назад он обосновался на двух этажах небольшого особнячка в центре города. Каждый день сюда приходят

дети. Ребята учат литературный немецкий язык как иностранный, ведь в их семьях говорят по-русски. Есть тут молодежный и дискуссионный клубы. Есть межвузовский центр, сотрудничающий с тремя институтами в ФРГ. На стенах висят портреты людей, составивших славу Рос-

сии, для перечисления их имен не хватит страницы.

Елизавета Граф возглавляет Русско-немецкий дом, ее стараниями до эпохи коронавируса из Германии приезжали филологи, историки, этнографы. Путешествовали по Омской области. Бывали в деревнях, где

В селе Литковка Омской области даже больше немецкого духа, чем в Азовском немецком национальном районе. Но путь в Литковку из Омска длинный и сложный, последние 60 километров это грунтовая дорога в тайге

Немецкое село с другими деревнями не перепутать. Домики стоят точно по красной линии. И всюду рядом с домом выстроена отдельная летняя кухня – такая традиция

живут потомки немцев, удивлялись укладу.

Елизавета Егоровна окончила немецкое отделение филфака Омского педагогического института, училась у профессора Гуго Гуговича Едига, занималась диалектами. В омских деревнях, как правило, разговаривают на Plattdeutsch – диалектах, распространенных на севере Германии. Чуть реже встречаются баварский и гессенский диалекты.

В советских школах немецкий язык как родной стали преподавать только в 1960-х годах. В Омской области было 28 школ, где по специальным учебникам велись такие занятия. Дети изучали шедевры немецкой литературы, читали в подлиннике «Фауста». Единственное но: те советские учебники были очень политизированы. Это была эпоха Брежнева, СССР дружил с ГДР, но русских немцев – своих сограждан – по-прежнему как будто опасались. Новые учебники по родному немецкому появились в 1990-х, причем в их создании Елизавета Граф принимала активное участие.

ЕКАТЕРИНИНСКИЕ НЕМЦЫ

Немцы приезжали в нашу страну и при Петре I, и раньше. Это были купцы, ученые, лекари, ремесленники. В декабре 1762 года Екатерина Великая издает манифест «О позволении иностранцам селиться в России и о свободном возвращении в свое отчество русских людей, бежавших за границу». В июле 1763-го выходит еще один указ – «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они желают и о дарованных им правах». Отныне иностранцы могли селиться в любой местности. При этом в городах их освобождали от налогов на пять лет, в деревнях – на тридцать лет. Были и другие привлекательные привилегии. Оба манифеста были переведены на разные языки и опубликованы в зарубежных газетах. Российские власти организовали даже устную агитацию, учредив должности комиссаров, которые в разных городах Европы проводили набор и отправку в Россию колонистов. Пригласили всех иностранцев, а поехали в основном немцы. Священная Римская империя

германской нации почти развалилась и клонилась к неминуемому концу. Бесконечные внешние и внутренние войны разоряли население, германские земли были раздроблены, переживали политический и экономический кризис. Екатерина Великая – урожденная София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская – была прекрасно осведомлена об этих проблемах. Например, в своих манифестах она обещала переселенцам освобождение от воинской повинности – и в Россию массово поехали меннониты (меннонитство – одна из протестантских деноминаций, названа по имени основателя – Менно Симонса. – Прим. авт.), являющиеся принципиальными пацифистами.

Особенно много переселенцев осело на Волге. В 1769 году перепись колонистов установила, что в 105 поселениях на этой реке живут 6,5 тысячи немцев. Вторая мощная волна переселения немцев произошла уже внутри страны в конце XIX – начале XX века. На юге и в Поволжье земли уже не хватало, и тогда пришлось ехать в Сибирь и на Алтай.

ОТВОЕВАТЬ ЗЕМЛЮ У ТАЙГИ

В Русско-немецком доме нам рекомендовали поехать в село Литковка Тарского района Омской области: как нам объяснили, она наиболее «характерная», чисто немецкая по своему устройству. Российские журналисты пока не проявляли к ней интереса, а вот немецкие телевизионщики сняли о Литковке целый фильм.

От Омска до Литковки 500 километров. Сначала мы ехали по неплохому шоссе, пообедали в райцентре Тара. Здесь нам с гордостью показали самый северный театр области, названный в честь уроженца этих мест – народного артиста Михаила Ульянова.

После Тары началась грунтовая дорога, которую осенью и зимой размывает дождями. Вокруг – тайга и несметное количества комаров, на которых не действуют никакие средства. Не меньше и белых бабочек, которых я сначала приняла за капустниц. Оказалось, это сибирский шелкопряд, гусеницы которого питаются хвоей.

В Литковке поразили крепко срубленные дома, поставленные вдоль улиц словно по линейке. Нет тут ни сараев-развалюх, ни подгнивших заборов. За деревней – небольшая каменная кирха, построенная в 1990-х, вокруг которой двумя ровными рядами высажены ели. Все названия улиц, все надписи на зданиях администрации, детского сада, школы – на немецком языке. Земледелием здесь заниматься сложно, так что жители сосредоточились на разведении коров мясной породы.

Еще в Омске нам рассказали про легендарного человека – Василия Пуца. Он и председатель СПК «Литковский», и пастор, и фермер. У Василия Гербертовича нет ни минуты свободного времени. В аккуратном коричневом костюме Пуц похож на образцового директора колхоза из советских фильмов 1950-х годов. У него крупные черты лица, высокий лоб, большие, огрубевшие руки крестьянина.

Имя Василия Пуца хорошо известно в Омской области. Василий Гербертович возглавляет кооператив «Литковский», помимо этого у Пуца и свое фермерское хозяйство

За деревней пасется тучное стадо. Именно стараниями Василия Пуца оно не сократилось с советских времен, хотя сегодня в хозяйстве в четыре раза меньше работников.

«Наши предки не меннониты, а лютеране, – рассказывает Василий Гербертович. – Почему они решили именно здесь осваивать земли в начале XX века – неизвестно. Скорее всего, эти 15 гектаров им выделили. Землю они отвоевывали у тайги, это был колossalный труд. Надо было срубить деревья, выкорчевать корни. На следующий год опять корчевать остатки корней. Рубили и корчевали вручную. С собой они привез-

ли семена клевера, в документах об этом упоминается. Земледелия тут нет, почвы – красная глина. Даже современную технику на этих полях применять непросто».

Литковка была основана в 1899 году, долгое время была чисто немецким селом. В 1990-е многие отсюда уехали в Германию. Сейчас в деревне живут 500 человек, 30 семей – немецкие. В отличие от многочисленных деревень средней полосы здесь много детей. Школа работает и летом, как оздоровительный лагерь. Всюду у домов, заборов и магазинов стоят велосипеды – основной вид транспорта в Литковке.

Заслуженный учитель России Елизавета Граф позирует с внуком на фоне школы в Цветнополье, которую она много лет возглавляла. Елизавета Егоровна много сил приложила для составления серии учебников «Немецкий родной язык»

После начала Великой Отечественной русские немцы вынуждены были покинуть родные места. С собой набожные немцы везли молитвенники, напечатанные готическим шрифтом

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В России отношение к русским немцам менялось неоднократно. 4 августа 1914 года, после начала Первой мировой войны, которую в империи называли «германской», разъяренная толпа громила немецкое посольство на Исаакиевской площади Петербурга. С крыши сбили статуи коней и тевтонов и сбросили их в Мойку. Громили немецкие лавки. Петербург переименовали в Петроград, дошло до того, что предлагали запретить слово «бутерброд», заменив его на английское «сэндвич». И это в столице, где почти весь Васильевский остров был немецким, где всюду кирхи, магазинчики с фортисками-васисдасами, Смоленское лютеранское кладбище. В декабре 1914-го закрыли все немецкие газеты и учреждения. Затем немцам запретили покупать недвижимость...

После революции отношение к немцам меняется. В 1923 году образована Автономная ССР Немцев Поволжья. С середины 1930-х отношения с Германией становятся все более прохладными, многие понимают, что война неизбежна. Передвойной отец моего коллеги, ленинградец, впервые получал

паспорт. Он спросил: что написать в графе «национальность» – русский или немец? Ведь он наполовину немец. Умная паспортистка ответила: «Мальчик, пиши «русский».

28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах

Эрна Генриховна Вальтер живет в Литковке, ей 85 лет. Она спецпереселенка, в августе 1941-го вместе с семьей покинувшая родное Поволжье

Поволжья». Одновременно ликвидировали Автономную немецкую республику. Депортация была стремительной. Затем высыпали немцев и из городов европейской части России. Так называемых спецпереселенцев погрузили в теплушки и отправили в Северный Казахстан и Сибирь. Народная артистка Алиса Фрейндлих, немка по отцу, вспоминала, что ее семья уже пережила самые страшные месяцы ленинградской блокады, когда бабушку Шарлотту высыпали в Сибирь. По дороге она умерла... В Литковке живет 85-летняя Эрна Генриховна Вальтер, урожденная Руфф. Ее отец был инженером, в семье было семеро детей, жили они в Саратове. В конце августа 1941-го отца забрали в трудармию, мама Ева Андреевна с детьми вынуждена была отправиться в Омскую область. Немцев расселяли в русские деревни, тщательно следили, чтобы спецпереселенцы не попали в немецкие села. «Как нас высыпали? Что мама успела собрать, то и взяли с собой. Чемодан да детей в охапку, – вспоминает Эрна Генриховна. – Сменили несколько сел – Егоровка, Романовка. Не сразу удалось осесть в Литковке. Мама работала в колхозе. Сушила картошку для фронта – такие небольшие картофельные палочки. Как к нам относились? Так война же, которую немцы начали! Звали фашистами, фрицами. Мы всего натерпелись. Надо было выжить, мы даже траву ели. Мама была рукодельница, вязала. Вышивала по ночам. Иногда удавалось ее рукоделие обменять на еду».

Эрна Генриховна всю жизнь трудилась в колхозе, пережила мужа и детей. Сейчас живет одна. В доме царит порядок, кровати застелены белоснежным бельем с вышивкой ришелье, наволочки взбитых подушек накрахмалены. Как все немцы, Эрна Генриховна аккуратна и трудолюбива, хозяйство ведет сама. На почетном месте в доме – старинная, напечатанная готическим шрифтом Библия. Каждое утро Эрны Генриховны начинается с молитвы.

ИВАН ГИЛЬДЕБРАНДТ

Село Солнцевка (Тигервейде) Исилькульского района находится недалеко от Омска. Оно тоже когда-то было полностью немецким, его в начале XX века основали меннониты. В 1970-х здесь даже удалось воззвести молельный дом – случай беспрецедентный. По вечерам в нем собирается хор и оркестр – гордость всей Омской области. Поговорим о нем.

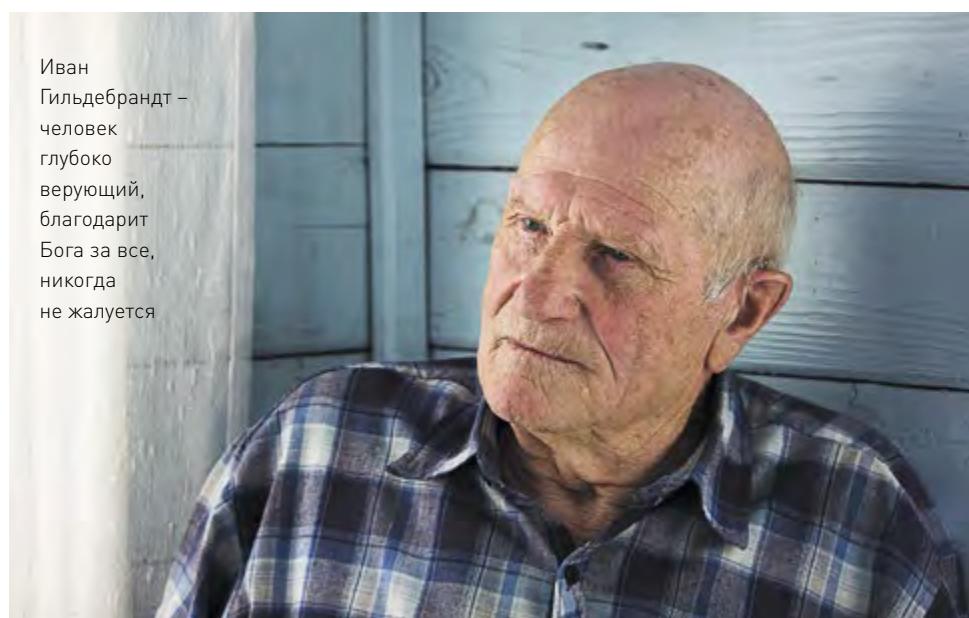
Поют песни религиозного содержания на немецком и русском. В оркестре все музыканты непрофессиональные, но играют очень слаженно, с чувством. Интересно, что среди хористов и музыкантов почти половина – мужчины. Это удивительно: в российских деревнях в ансамблях при Домах культуры обычно сплошь пожилые женщины. Перед репетицией молятся, дирижер Андрей Зименс произносит речь. В тот день, когда мы побывали на репетиции, он говорил о пережитом предками голоде и сакральности хлеба. В село нас привез Гергарт Гильдебрандт. По дороге он разго-

Село Солнцевка – бывшее Тигервейде. Здесь в молельном доме два раза в неделю репетирует местный оркестр

варивал по телефону то с женой, то с кем-то из детей. По-немецки. Это производило впечатление. Гергарт рассказал, что осенью, когда в селе забивают скот, устраивают большой праздник урожая и делают вкусные домашние колбаски. На вопрос, любят ли в селе пиво, он ответил отрицательно.

Наш провожатый предложил нам поговорить с его 80-летним отцом – Иваном Гильдебрандтом. Мы прошли в аккуратную прихожую, где на деревянном диване, выкрашенном голубой краской, сидел высокий пожилой человек с серыми глазами. «От Петропавловска в Казахстане до станции Татарская

Иван Гильдебрандт – человек глубоко верующий, благодарит Бога за все, никогда не жалуется

в Новосибирской области по обе стороны железной дороги идут деревни, и все они были раньше немецкими, – рассказывает Иван Гильдебрандт. – В Омске до революции и губернатор был немец, немцы вообще много хорошего сделали. У деда моего была мельница, и его, когда началось раскулачивание, забрали. Так рабочие ходили просить за него, потому что он был справедливый и честный. Платил

хорошее жалованье, никого не обижал. Звали его Абрам Гильдебрандт. Статус семья врага народа мы хорошо ощутили, когда отца забрали. Мы были без прав, переехали в Солнцевку. Во время войны нас страшно обзывали. И была такая история: сюда привезли эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. Эти дети были сиротами из-за фашистов, но ведь не все немцы были фашистами. Кто тогда разбирался?

Директор Андрей Зименс перед каждой репетицией говорит о Боге. Оркестр исполняет музыку духовную, есть в молельном доме и хор. Поют и на русском, и на немецком

Вот они нас фашистами называли. И разве я могу их осудить? Ни в коем случае. У меня образование всего шесть классов, потом я начал в колхозе работать. Немецких парней тогда почти не брали в Красную армию, брали только в трударамию, стройбат. Лес валить, дороги строить. А после 1955 года немецких парней стали уже брать в Советскую армию на срочную службу. И я попал в авиацию, вот этим я очень гордился. Служил я в Киеве и начальнику части помогал с немецким языком – он собирался в академию поступать. Так он меня даже называл «сынком». Я говорю по-немецки, менталитет у меня немецкий. Но я прочитал Библию на русском и стал по клубам ездить и рассказывать русским о Боге. Если бы я русских не любил, я бы разве стал так делать? Меня воспитали так: ни на кого не имей обиду, мы все ходим под Богом – и русские, и немцы, и верующие, и неверующие».

ОРДНУНГ

В Солнцевке живет семья Кетлер. У Виктора и Мелиты пятеро детей. Виктор имеет свое дело – лесопилку. Добротный дом и, конечно, летняя кухня. Сад, огород, в саду – качели для детей и даже небольшой бассейн под крышей. Чуть поодаль пасутся козы. Старшая дочь, Алена, вышла замуж, остальные дети пока живут с родителями. Чистота в доме невероятная, нигде ни соринки. В гостиной – кадки с роскошными домашними цветами.

У каждого из детей свои обязанности. 14-летний Тимофей ухаживает за козами, Марк, Полина и Илья помогают маме по хозяйству. Завтрак, обед и ужин здесь строго по часам, минута в минуту. Ни Виктор, ни его гости никогда не притрагиваются к алкоголю. Стойкая румяная Мелита готовит традиционное немецкое блюдо – штрули. В большую сковородку кладет нарезанную картошку, лук, мясной фарш, наливает бульон. Сверху – что-то вроде свернутых трубочек из дрожжевого теста. Сорок минут на слабом огне – и сытное крестьянское блюдо готово. Но вообще-то летом Кетлеры предпочитают холодный фруктовый суп – сухофрукты вариют и в охлажденный отвар кладут кляшки из теста. Перед трапезой Виктор произносит молитву.

Предки Виктора – меннониты, перебравшиеся сначала из Пруссии в Кичкас на Украине, затем уже в Сибирь. В этой семье понимаешь, что такое немецкий орднунг: это не просто порядок, это – мировоззрение. «Для меня орднунг – это семья», – говорит Виктор. – Это когда есть и мама, и папа, и дети. Когда есть дом – для меня это орднунг. Когда все на своих местах и все знают свои занятия. Это семейный орднунг. Но может быть орднунг и в основе общества, принципы те же».

РОМАНТИЧЕСКИЕ ДУШИ ПРЕДКОВ

В конце 1980-х, когда стало понятно, что возродить Республику немцев Поволжья не получится, на Алтае и в Омской области решили образовать немецкие национальные районы. В Омской области на референдуме 1991 года за создание Азовского немецкого национального района проголосовало большинство местных жителей. Павел Эвертович Эккерт – строгий человек, мастер спорта, бывший учитель физкультуры, некоторое время был главой села Цветнopolье в Азовском немецком национальном районе. Он, его брат и племянник – фанатичные поклонники русской лапти. Их команда участвует во

Семья Кетлер: Виктор, Мелита, их младшие дети и двоюродный брат Виктора Гергад Гильдебрандт. Глядя на то, как ведут хозяйство и воспитывают детей русские немцы, понимаешь, что такое «орднунг»

всероссийских соревнованиях, занимает первые места.

«Блюменфельд, сейчас это Цветнopolье, – первое поселение, основанное здесь немцами в 1904 году, – рассказывает Павел Эвертович. – Рядом села называются «Розенталь», «Зильберфельд», то есть «Сереброполье». Я всегда говорю: какие романтические души имели наши предки! В Цветнopolье было два колхоза – немецкий и эстонский. Эстонцы сюда попали так же, как немцы: переехали в начале XX века в поисках лучшей жизни. В соседней Александровке одни немцы жили, там стали уже на троюродных сестрах жениться. Это беда немецких поселений. А у нас миграция, смешение кровей – поэтому люди тут в Цветнopolье такие симпатичные. А что касается моих ближайших предков... Мой отец и бабушка были под спецкомендатурой. А оба моих деда во время войны попали в трудармию. Это фактически был ГУЛАГ, оба не вернулись. Поэтому нас с братьями воспитывали бабушки».

ТИХАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

В 1954 году в качестве спецпоселенцев на учете состояли 1 251 803 русских немца. Снятие ограничений для этих людей происходило постепенно. Сначала они коснулись детей «кулаков». Затем – членов КПСС и их семей, после – участников войны и награжденных. Выселенные и депатрированные были формально освобождены, но в родные места вернуться они не могли, в отличие от некоторых других народов СССР, которые получили так называемую территориальную реабилитацию. В 1964-м – в год празднования 200-летия переезда в Россию первых колонистов – российские немцы написали письмо в ЦК КПСС с просьбой восстановить АССР Немцев Поволжья. В итоге было принято решение отменить указ 1941 года и признать трудовые заслуги немцев. Однако вернуться в Поволжье никому не удалось.

Виктор Лихтенвальд живет в Александровке. В 1990-е он уехал в Германию, но потом вернулся обратно. Причин много, среди них Виктор называет свое страстное увлечение голубями

Реабилитацию немцев принято называть «тихой». В брежневское время рассматривали возможность создания АССР немцев в Казахстане. Но и этого не произошло. Только в 1970-х немцам стала доступна учеба в престижных вузах, военная и административная карьера. Только в 1992 году ветеранам труда вручили награды за доблестный труд во время войны. В 1991-м стали реабилитировать граждан индивидуально – в связи с обращениями. Несмотря на все эти меры, поток эмигрантов в Германию возрастал: с 1986 по 2005 год в ФРГ из России, с Украины, из Казахстана и Узбекистана переехали 2,5 миллиона человек.

СВОЯ ЗЕМЛЯ И ГОЛУБИ

Анжела и Виктор Лихтенвальд живут в селе Александровка Азовского немецкого национального района. Даже на фоне аккуратных домов соседей их дом и летняя кухня выделяются. Ярко-синие крыши, белые стены, флюгеры. Невероятно ухоженный сад, где в траве среди цветов расставлены фигуры сказочных гномов.

После распада СССР семья Лихтенвальд, как и многие другие, продав все в Сибири, уехала в Германию. Жили в Гамбурге, работали завхозами в школе. Сложно-

стей с языком не было, они и до этого дома говорили по-немецки. 23 года они прожили в Гамбурге, деньги откладывали и наконец решили вернуться обратно в Сибирь. Виктор всегда хотел иметь свой дом, свое хозяйство, ферму, а в Германии это было невозможно. Они с Анжелой могли претендовать только на положение наемных работников. Вернулись втроем – с сыном. Дочка осталась в Гамбурге, рабо-

Адольф Адамович Вальтер живет в Маргенау и известен здесь как шванкист – рассказчик смешных и поучительных историй

тает сиделкой. Сейчас у Лихтенвальдов своя ферма. Коровы. Кроме того, они выкупили и привели в порядок старое заброшенное здание школы. Мечтают развивать экологический туризм. А у Виктора рядом с домом голубятня, где воркуют любимые омские форменные и узбекские двуххудобные.

ПОСЛЕДНИЙ ШВАНКИСТ

Адольф Адамович Вальтер родился в Казахстане, куда были высланы из Поволжья его родители. До пятого класса не знал ни одного слова по-русски – разговаривал на верхнегессенском диалекте и на казахском языке. Пытался поступать на юридический, но на экзамене его «завалили», не скрывая, что мешает зачислению национальность.

Адольф Адамович трудолюбивый и терпеливый, как все немцы. Не взяли в институт – поступил в медицинский техникум. В 1990-х переехал в Германию, но через два с половиной года вернулся.

Сейчас Адольф Адамович живет с супругой в селе Маргенау. Деятельный и невероятно общительный, он давно стал местной знаменитостью. Вальтер сочиняет и рассказывает шванки – немецкие юмористические истории. Этому он научился у отца. Когда-то такое искусство пользовалось популярностью. Немецкие мужчины приходили в гости, бросали на пол фуфайки, ложились, и шванкист начинал всех веселить. Темы брались из жизни: жадный сосед, неверный супруг, сварливая жена... Адольф Адамович рассказал нам историю про глуповатую Барбару, которую вызвали в суд как свидетельницу, но она на все вопросы судьи с упением рассказывает про себя. Адольф Вальтер участвует в фестивалях, говорит, что многие омичи понимают шванки без перевода: «Немцы в Германию уезжают, нас здесь все меньше остается, язык умирает. Но я – оптимист: пока в России живут хотя бы два немца – и немецкий будет жить».

СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА
ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
КОРНЕЕВА

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ САДЧИКОВ – ЛИЧНОСТЬ, ХОРОШО ИЗВЕСТНАЯ СРЕДИ АВТОПУТЕШЕСТВЕННИКОВ. ПРОФЕССОР ИНСТИТУТА МАШИНОСТРОЕНИЯ ВЫШЕЛ НА ПЕНСИЮ И ОТПРАВИЛСЯ В СВОЮ ПЕРВУЮ КРУГОСВЕТКУ. ИЗ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЫЛ ВЫБРАН КАРАВАНЕР – АВТОМОБИЛЬ, КОТОРЫЙ СОЕДИНЯЕТ КОМФОРТ НЕБОЛЬШОГО ДОМА И СВОБОДУ ДОРОГИ. СЕГОДНЯ У ПАВЛА ИВАНОВИЧА ЗА СПИНОЙ 15 БОЛЬШИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ КОНТИНЕНТОВ. ОН НАПИСАЛ КНИГУ «КАК ПУТЕШЕСТВОВАТЬ НА АВТОМОБИЛЕ ВОКРУГ СВЕТА», ПОБЫВАЛ В СЕВЕРНОМ, ЮЖНОМ, ЗАПАДНОМ И ВОСТОЧНОМ ПОЛУШАРИЯХ, ПЯТЬ РАЗ ПЕРЕСЕКАЛ ЭКВАТОР, СТОЛЬКО ЖЕ – НУЛЕВОЙ МЕРИДИАН. ПОДОБНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДПОЛАГАЮТ НЕ ТОЛЬКО ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, НО И ПОЧТИ ЮНОШЕСКУЮ ДЕРЗОСТЬ И ИНТЕРЕС К МИРУ, КОТОРЫМИ 80-ЛЕТНИЙ ПРОФЕССОР ОБЛАДАЕТ В ИЗБЫТКЕ. У НЕГО ЕСТЬ ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ.

С ПАВЛОМ ИВАНО- вичем мы ехали из Москвы в Петербург. Участникам автопробега между двумя столицами «Государева дорога» предстояло на собственном опыте выяснить, куда на этом крайне популярном маршруте может заехать большой и массивный «дом на колесах». Мы решили стать частью эксперимента, и нас определили в попутчики к Павлу Ивановичу. Три дня об щительный профессор развлекал нас историями о собственных путешествиях, оставалось только нажимать на кнопку диктофона – и события чужой яркой жизни складывались в готовый сюжет.

РАСКУЛАЧЕННЫЙ

«Сами откуда?» – вопрос, который завязывает, кажется, любой дорожный разговор. «История моей семьи отражает время», – начал Павел Иванович свой рассказ. Шуршали шины, за окном мелькали деревни, сохранившие свои названия со времен Радищева. Мы слушали. В семье Садчиковых было семеро детей: четверо «старших», трое – Павел из них – «младшие». И те, и другие погодки. А между ними пропасть в шесть лет – годы, когда посадили отца. Садчиковы с Волги. Под Царицыном тянулись по берегам реки казачьи земли. Казаки сами на земле не работали, сдавали ее в аренду мужикам. Арендовали

землю и Садчиковы. А после революции, когда бывшие владельцы не вернулись, земли раздали работникам. Семья была работающая. Обзавелись своим большим хозяйством, быстро выбились в люди. А потом главу семьи, деда, раскулачили. Забрали, как часто было, перед рассветом. Не дав сбраться, в нижнем белье отвели в темный сарай. Дед провел рукой по полу – сырь. А когда начало светать, рассмотрел, что ладонь красная: ночью попал рукой в лужу крови – сарай был расстрельный. У деда, Якова Михеевича, была знаменитая на все село тройка лошадей. Холёные скакуны вывозили его из многих передряг. И в том кровавом сарае спасли: Яков пообещал отдать лошадей часовому в обмен на свободу. Соблазн был велик, так что дед был отпущен и бежал. А разнарядка на раскулаченных по району осталась. И тогда вместо Якова взяли его старшего сына, Ивана, отца Павла Ивановича. Отправили Ивана под Архангельск. Было начало зимы, эшелон пригнали в лес: вот вам деревья, вот топоры, рубите себе жилье. Отец ему потом про лагерь рассказывал, вспоминает Павел Иванович: много людей умирало от холода и голода. Умерших складывали по обе стороны у выхода из барака. И весной, когда занесший убитых снег оттаял, зеки шли на работы между двумя длинными штабелями трупов.

Пока отец Павла отбывал срок под Архангельском, дед, чудом избежавший расправы, забился в самую далекую глушь, в какую смог добраться из низовий Волги. Бежал в Казахстан, на Аральское море, в Муйнак. Мать Павла Ивановича с четырьмя детьми после ареста отца выгнали на улицу. Деваться было некуда, перебралась к деду.

Это сейчас Муйнак надежно соединен с сушей, а в конце 1930-х это был остров в Аральском море, где находился небольшой рыбакский поселок. Более заброшенного места трудно было себе представить. Когда отец вернулся из ссылки, вся семья перебралась в более приспособленный для жизни материальный Аральск.

ГОРОД СРЕДИ ПЕСКОВ

Отца выпустили в 1936 году. Он приехал в Аральск, построил два дома – для деда и себя. А в 1942-м отца мобилизовали. На фронте был недолго – сильно контузило под Харьковом, во время бомбежки завалило землей. В 1943 году Ивана Садчикова комиссовали с астмой. «Нам, детям, странно было, – вспоминает Павел Иванович. – Мы всюду – бегом, а отец через несколько шагов начинал задыхаться». Бывший фронтовик умер в 1953 году, когда Павлу исполнилось 12 лет. Старшие дети к этому времени успели разъехаться. «Так я стал главным мужчиной в доме», – подводит итог своему детству Павел Иванович. Аральск запомнился Паше удивительным, потому что там

было море – только руку протяни. У Аральска море имело несколько заливов. Был залив близкий, был дальний – с вокзалом и морским портом. В море было много рыбы. Потом она паковалась и рассыпалась по всему Советскому Союзу. Рыбокомбинат здесь был большой, а сам городок – маленький. В Аральске было всего две школы. Одна русская, одна казахская – хотя казахов, в отличие от сосланных сюда калмыков, в Аральске тогда было немного. «Там образовался котел культур, и мы, дети, рано начинали понимать, что мир разный, что в нем живут разные люди, с разным отношением к жизни», – рассказывает мой собеседник о своих детских открытиях.

Сразу за домами начиналась пустыня. Из пустыни дул ветер, и тогда в город приходили пески – люди разгребали от него свои дома. Улицы тоже были занесены песком. В городе росли два дерева, и это называлось парком. В Аральске не было пресной воды – она приходила по длинному трубопроводу из Амударья. Пресная вода была платной – 15 копеек ведро, и идти за ней приходилось далеко, до раздаточной колонки. «В 6 лет я уже таскал оттуда на коромыслах ведра, у нас было большое хозяйство, и пресная вода была нужна всегда», – вспоминает Павел Иванович. Еще воду можно было бесплатно набирать ночью. На местной электростанции стояли танковые двигатели, и для их охлаждения использовали воду.

В ней оставалась примесь, но для хозяйства – годилась.

Отец Павла работал на железной дороге, которую ограждали щитами, чтобы не заносило песком. Железная дорога была ниткой в бесконечность: «Она появлялась из ниоткуда, из пустыни, и уходила обратно в пустыню. А мы оставались в забытом богом Аральске. У мальчишек было любимое развлечение: мимо проходили поезда, и мы собирали все, что выкидывали пассажиры, – сигареты, фантики от конфет. Как в «Пикнике на обочине». Составляли из них коллекции. Это напоминало, что где-то существует совсем другой мир – у нас в городе не было ни таких конфет, ни таких сигарет. Очень трудно жили. В многодетной семье все уходило на то, чтобы вы-

жить. Но дыхание огромного, неизвестного и манящего мира я почувствовал именно тогда». Павел вернулся в Аральск после большого перерыва. Ехал по делам во Фрунзе, поезд шел через Аральск. И у него не получилось проехать мимо. Соседи по уже перезнакомившемуся плацкартному вагону были поражены – зачем? «Это невозможное для жизни место!» Он объяснил: «Иду искать свое детство». Детство было морем, а моря не стало. Оно исчезло, высохло. Остался брошенный порт, бесконечное пустынное пространство и остовы ржавых кораблей, море ушло на десятки километров. «Это не передаваемое ощущение – ты ехал в волшебную страну, а приехал в мертвый город», – вспоминает Павел Иванович.

СИЛА КНИГИ

Отец Павла Ивановича очень не любил Аральск. Должно быть, это место напоминало ему о самом плохом в его жизни. «Всегда хотел, чтобы семья оттуда уехала, – продолжает рассказ Садчиков. – Гиблое место».

В феврале 1953 года семья двинулась к деду на Иссык-Куль, куда тот перебрался к своим младшим сыновьям. Не доехала – осела во Фрунзе. А через два месяца умер отец, но семья осуществила его мечту выбраться из Аральска. Купили дом – четыре стены, из которых можно было сразу выйти на улицу. Купили корову, потому что она помогала выжить, – крестьянский образ жизни был привычен семье. Обросли хозяйством. «Мы никогда не чувствовали себя бедными или ущербными, хоть

время было очень трудным. Внутреннее ощущение счастья рождается, когда вокруг тебя все налажено. Ты не голодный, одетый и понимаешь, что сегодня хоть немного, но стало лучше».

Они жили в пригороде Фрунзе, Ворошиловке. Много позже город расширится и поглотит поселок, а раньше Фрунзе кончался у реки, за которой начинались слободы. В Ворошиловке Павел жил, в Лебединовку ходил в среднюю школу. «Меня и сейчас поражает, как в той среде я не стал пить, курить дурь, воровать. Почти половина тех, с кем я рос, не дожили до 40 лет – сели, спились, скучились», – признается Павел Иванович. Свою роль сыграл пример старших братьев, научивших различать, что хорошо, а что плохо. И книги. «Я очень много читал. Городская библиотека была прямо напротив Фрунзенского театра оперы и балета, и я ходил туда как на работу. Читал все подряд». Он никогда не сомневался, что будет учиться дальше, но после десятого класса вместо института взял и уехал в Карелию. Мечтал увидеть северное сияние. «А если мечтаешь о чем-то, надо это сделать», – уже тогда был убежден Павел Садчиков.

«Помню, в каком-то научном журнале меня поразило описание северного сияния, мне захотелось увидеть его своими собственными глазами», – объясняет Павел Иванович свое решение. И увидел – в избытке. «В Карелии мы работали в две смены, в два часа дня было уже темно, вторая смена начиналась только в пять. Идешь на работу или с работы – небо над тобой полыхает сиянием».

В леспромхозе Павел получил «фантастическую» (его слово!) профессию – крановщика башенного крана: «Мне нравилось это чувство: в твоих руках мощный механизм, люди как букашки внизу бегают, кричат, ты берешь огромные связки леса, грузишь в вагоны. Все должно быть очень точно. Это красиво, будто ты своими руками с легкостью делаешь тяжелую работу».

Потом, когда Павел поступил во Фрунзенский политехнический

институт, он продолжал работать крановщиком на большой комсомольской стройке и одновременно учился в институте. После его окончания Павла Садчикова забрали в Академию наук Киргизской ССР – в Институт автоматики и телемеханики. А осенью он уехал поступать в аспирантуру Московского авиационного института – на кафедру вычислительной техники.

ЧУВСТВО ДОРОГИ

Но едва ли не более важной частью его жизни, чем учеба, а потом и работа, были путешествия. Покорять пространства он любил на мотоцикле, на котором об绝望ил всю Киргизию и Казахстан. Большие путешествия начались для Павла Садчикова с того, что он в 1967 году стал участником Всесоюзного мотопохода «Знамя Октября», посвященного 50-летию Октябрьской революции. Тогда он проехал все соцстраны Европы и все республики СССР. В нынешнем исчислении – 23 страны. А еще на мотоцикле он отправился в свадебное путешествие на Иссык-Куль. От Москвы до Саратова, потом до Астрахани, вдоль Каспийского моря до Баку, на другой берег до Красноводска, в Туркмению. Дальше – Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, потом сделал петлю вокруг Иссык-Куля, в субботу вечером вернулся во Фрунзе, а утром за пятнадцать минут продал на местном рынке мотоцикл и улетел в Москву, успев к первому заседанию кафедры. В 1971 году он купил машину и увлекся автомобильными путешествиями. Его любимый маршрут – это большой круг по семи республикам Советского Союза. Начинался он из Москвы, через Ленинград уходил в Прибалтику, пересекал Белоруссию, Украину, Молдавию, добирался до Черного моря и через Украину возвращался домой. Отпуск у преподавателя вуза большой, и маршрут по всей европейской части СССР отлично укладывался в два летних месяца. Так он прожил почти целую жизнь, пока однажды не обнаружил, что у него появились деньги, время и свобо-

да для по-настоящему больших путешествий.

В свое первое кругосветное путешествие он отправился, когда ему было 64 года. Купил самую большую карту мира, повесил на стену над кроватью, нарисовал свой будущий маршрут: «Я знал, что обязательно должен проехать по этому пути».

В то время вместо разорившихся государственных журналов в избытке возникали новые издания, пытавшиеся выжить в суровой реальности постсоветского дикого капитализма. Одним из таких новичков был журнал «Путь и водитель», в нем писали только о самостоятельных автомобильных путешествиях. Павел Иванович пришел в редакцию и объяснил, что намерен совершить кругосветное путешествие на автомобиле. Журналисты были удивлены безумными планами российского пенсионера, который в одиночку собираясь обехать на машине земной шар. «Опубликуйте объявление, что я ищу попутчика, – попросил Павел Иванович. – Хотя нет! Читатель скажет, что вы верите сумасшедшем. Напишите как есть: пришел пенсионер с безумной идеей, ищет единомышленников. Кому интересно – позвонят». Журнал объявление опубликовал, и попутчики нашлись. Алексей Угрин, его жена и дочь рискнули отправиться в первый этап этого кругосветного путешествия, по Европе. Через Финляндию, Швецию и Норвегию они доехали до самой северной точки Европы – Нордкапа. Через Данию, Германию, Бельгию, Люксембург, Францию, Андорру, Испанию и Португалию добрались до самой западной оконечности Европы, мыса Рока, – маяка на острие пустынной суши, вокруг которого бродили толпы японских туристов.

Казалось, Европа изъезжена вдоль и поперек. «Мой маршрут по Европе был проверкой, смогут ли я вообще совершить это невообразимое по тем временам путешествие», – признается Павел Иванович. На автомобиле Садчикова, купленном специально

для этого путешествия, они проехали 28 стран Европы и даже заглянули в Северную Африку, в Марокко. Все, что надо для путешествия, у них было с собой: микроавтобус на семь человек обладал мощным двигателем и 18 вариантами трансформации салона. Хочешь – в машине появляется вторая спальня, хочешь – гостиная, хочешь – столовая, а кухня там есть всегда. «В общем, это был полноформатный дом на колесах. С ним не надо отелей, можно остановиться в самых невероятных местах. И тогда я понял, что моя мечта осуществима», – говорит Павел Иванович.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ «ПАРИЖ-ДАККАР»

После Европы Садчиков поехал в Африку. Экспедиция носила красивое название «Русский прорыв». Пять российских автомобилей стартовали прямо с Красной площади. На границе Испании и Марокко ему впервые пришлось по-настоящему столкнуться с чужой культурой и стандартами поведения. «Офицер паспортного контроля, которому мы подарили буклет нашего путешествия, берет его, смотрит и, неожиданно прияя в ярость, рвет его на мелкие кусочки, топчет ногами и на наших глазах на этот буклет мочится. Потом говорит: «Вы никака не поедете, я вам никогда не оформлю визу». Павел Иванович и его спутники в недоумении: «Почему он так поступил?» Таможенник говорит: «На карте вашего маршрута указано государство Западная Сахара. Такого государства нет, есть – Марокко». В итоге российские экипажи продержались на границе четыре часа, и они едва успели присоединиться к гонке «Париж–Даккар», участников которой должны были сопровождать.

Автогонщики потом говорили, что приняли Павла Ивановича и его спутников за мираж: посреди пустыни стоят люди и машут российскими флагами. С даккарской командой путешественники добрались от Марокко до Камеруна и должны были уйти вдоль экватора в сторону Эфио-

пии. Но в это время в Судане началась гражданская война, поэтому им пришлось изменить маршрут. В Нигерии российский консул предупредил путешественников: «В пять часов вечера оставайтесь в любом охраняемом отеле. В стране неспокойно». Павлу Ивановичу и его попутчикам довелось самим в этом убедиться. На дорогах – сожженные автомобили, любое поселение встречало их как военная крепость. На въезде в деревню – шлагбаум, стоит человек: «Платите!» Только садится солнце, дорога превращается в место грабежа. Как-то у них украли переводчика, и его пришлось выкупать. В общении с местными жителями путешественники быстро перешли на русский. Неизвестный язык оказался очень удобным при разговоре с вымогателями. «Мани, мани!» – «Да, в Мали были, отличная страна». Мрачный вооруженный человек показывает, что туристы должны ему денег на еду. «Нет, спасибо, мы завтракали», – отвечают находчивые россияне. Что делать с этими бестолковыми, которые говорят на непонятном наречии? И их пропускали.

СТРАЖИ КАКТУСОВ

А вот в Америке было куда опаснее, признается мой собеседник. Третий, американский этап его кругосветки сначала в точности повторял маршрут, описанный Ильфом и Петровым в «Одноэтажной Америке»: они обогнули страну вдоль всех ее границ. Все шло по плану, пока экстравагантный российский пенсионер не попробовал свернуть в Мексику. «Очень хотел туда попасть, – признается собеседник. – Американские пограничники пропускают в Мексику белого человека не глядя: «Ты белый на машине с американскими номерами, тебе открыт весь мир, а что с тобой будет, твоя проблема». Мексиканские пограничники расшаркиваются: ты будешь тратить деньги на их территории. Поэтому трудностей с въездом в страну у меня не предвиделось».

Однако они возникли: ближайшим пропускным пунктом от Лас-

Бегаса, в который из любопытства заехал Павел Иванович, был Ногалес. Узнав о решении Садчикова пересечь именно там мексиканскую границу, знакомые американцы назвали его crazy Russian. Ногалес – самое опасное место, где нет никакой власти, объясняли ему. По обе стороны от границы расстилается пустыня Атакама. Там на 400 миль ничего не растет, кроме кактусов. И никакой работы тоже нет. В этой части Мексики человек, который на шесть детей имеет 300 долларов в год, считается богатым. «Мои американские друзья были убеждены, что меня пристрелят, – продолжает рассказ Павел Иванович. – Я честно попытался пересечь границу в Сан-Диего, но мне сказали: «Ваша виза оформлена на въезд через Ногалес». Что еще оставалось делать? Он продолжил кругосветку через Ногалес.

Что такое Ногалес? Через реку, которая разделяет Соединенные Штаты и Мексику, идет пограничный мост, по пустыне тянется трансамериканская трасса – асфальтированное шоссе, которое насквозь простирает континент, соединяя Северную, Центральную и Южную Америку. По ней Садчиков и поехал. «Трасса – две полосы в одну сторону, две – в другую. Миль через 200 посередине полосы в одну сторону стоит бочка, в ней что-то горит. Посередине полосы в другую сторону стоит человек с автоматом. На обочине в шалаше под кактусом сидят еще двое. Вооруженный человек делает пару выстрелов вверх и направляет автомат на меня. Я поднимаю руки. С двух сторон ко мне подбегают два человека, открывают двери, хватают все, что видят, и бросают в свой ржавый пикап. Работают молча», – рассказывает Павел Иванович. Спасло его, что среди документов была карточка прессы. Грабители переговариваются, забирают все, что было: карточки, документы, вещи, какие-то рекламные проспекты, путеводители, запрыгивают в пикап и уезжают. Но его не трогают, рассуждая: «Если пресса, значит, его где-то ждут. И если он не приедет

в пункт назначения, полицейские перетряхнут всю пустыню». «И вот я сижу, полностью обобранный, посреди пустыни. Во-круг кактусы. Радуюсь, что под одним из них меня не закопали. Что делать? Двинешься дальше – следующий кордон с автоматами на дороге совсем обидится, что нечего взять. Развернулся и поехал обратно». – Его первое посещение Мексики оказалось неудачным, признается Павел Иванович. В следующий раз Мексика преподала ему важный жизненный урок. Он познакомился с молодым музыкантом из России, путешествующим по Южной Америке. Тот добрался в Мексику через Колумбию, остался без денег и решил взяться за гитару, чтобы заработать на жизнь. Павел Иванович отговаривал его: «Мек-

сики – бедная страна, тебе никто не подаст». Его спутник все же решил попробовать. Одновременно играть и носить в руке шапку для денег не получалось, поэтому он попросил Садчикова помочь. Так профессор московского вуза превратился в помощника бродячего музыканта. «Мы входим в метро. Я знаю, что мексиканцы очень бедный народ, а в метро ездят совсем бедные. Мой спутник начинает играть, я со своей ковбойской шляпой обхожу вагон. И мексиканцы нам подавали! Они точно знали, что перед ними – гринго, которых они ненавидят, потому что гринго отняли у них половину Мексики. А они подают! Это был для меня важный социальный эксперимент: люди – добрые!» – описывает свои чувства Павел Иванович.

ПОРЦИЯ АДРЕНАЛИНА

Книга Павла Ивановича «Как путешествовать на автомобиле вокруг света» кончается вопросом: «А зачем?» Зачем мы вообще путешествуем? Миллионы людей не выезжают дальше собственного дома и счастливы. А у кого-то есть мечта увидеть Антарктиду, и он годами будет готовить это путешествие. «Я люблю дороги вне стандартных маршрутов, – признается Садчиков. – Поэтому что они превращают путешествие в непрерывное приключение, цепь нестандартных ситуаций, трудных задач, которые тебе предстоит решить. Ты должен быть готов к чему угодно. Но ведь эту порцию адреналина, этот риск ты и просил у судьбы».

«БАРЬЕРЫ МЕНЯ СТИМУЛИРУЮТ»

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛДЕНЬ. НА ЛУЖАЙКЕ У ТОРГОВОГО ЦЕНТРА В СПАЛЬНОМ РАЙОНЕ ПЕТЕРБУРГА ВОЛОНТЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НОВЫЙ РАССВЕТ» РАЗДАЮТ НУЖДАЮЩИМСЯ ГОРЯЧИЕ ОБЕДЫ.

— **Д**имон, бомж, — представился высокий мужчина с рюкзаком. — Димон Покемон. Потому что не такой, как все.

Он еще не завершил трапезу, а волонтеры сворачивают полевую кухню, предложив добавку. Люди едят стоя, лежа или сидя на корточках под березами.

— Ребята, одежда есть! Рубашка, штаны! Свитер! — Волонтер выносит на лужайку два пакета.

— Дайте мне шапку! А свитер Пашке — он на улице живет! — гудит народ, рассматривая обновки.

Свитер с оленями уходит быстро, а вот за дутую жилетку пришлось поспорить — в итоге она досталась миниатюрной женщине в шляпке.

— Как Снегурочка! — восхитился Димон.

За едой обсуждают очередное «ранение» хромающего Лехи и день рождения одного из присутствующих — 39 лет. Подъезжает «газель» с надписью «Автобус милосердия», врач Сергей Иевков приглашает на осмотр. Утро у него началось рано, это уже вторая медицинская стоянка.

Врачей ждали. Энергичная брюнетка передает сигарету подруге и влетает в «газель». Там установлен автономный отопитель, бактерицидный облучатель, рециркулятор и складная кушетка. У двери «газели» ждет следующая пациентка — невысокая женщина в сланцах. Ее зовут Надя. Она уже была на таких осмотрах — помогли.

— Документов у меня нет, а они приезжают, таблетки, какие надо, дают, — рассказывает Надя. — Я и от ковида у них привилась. Я ведь молодая: жить хочу!

ПАРЕНЬ ИЗ ВОЛГОГРАДА

Сергею Иевкову 29 лет, он приехал в Петербург из Волгограда, окончил Педиатрический университет, работал врачом-анестезиологом. В школе Сергей путешествовал автостопом и увлекался компьютерами. Родители нервничали. И из-за турклуба – что пропустит экзамены в вуз, и из-за интереса отпринял к компьютерам – зрение испортил. Сергея запреты подзадоривали: он научился собирать компьютеры и сплавляться один на байдарке. А в девятом классе парень понял, что хочет стать врачом. И стал. А когда нападает уныние и сдаются нервы, смотрит вебинары по программированию. Или читает, например Достоевского – там тоже про милосердие к униженным и оскорбленным.

Три года назад Сергей, уже дипломированный врач, задумался о волонтерстве. Он понял, как непросто положение трудовых мигрантов, однако есть те, кому еще сложнее получить медпомощь, – бездомные. В больницу их могут и привезти, но быстро выставят на улицу, дав бумажку с рекомендациями. Молодой доктор собрал ящик с медикаментами и стал врачом-волонтером,

отправляясь к бездомным вместе с рейсом «Ночного автобуса» благотворительной организации «Ночлежка». Волонтеры кормили людей, а Сергей – осматривал. Бездомные не спешили доверять незнакомому молодому парню. Но процесс пошел.

Сергей стал сотрудничать с Анатолием Курковским, заведующим здравпунктом при Больнице имени С.П. Боткина – единственного медцентра в Петербурге, где бездомным помогают даже без документов. Нарабатывались необходимые профессиональные связи и опыт врача уличной медицины. Сергей понял, что необходимо создать команду единомышленников – волонтеров с медицинским образованием.

Бесплатный обед для нуждающихся в Петербурге

В ожидании обеда и медосмотра

Так родился проект «Благотворительной больницы» – волонтерский проект помощи бездомным. У «Больнички», как нежно зовут свою организацию ее участники, есть и день рождения – 26 июня 2021 года ей исполнилось три года.

В этом году организация получила статус автономной некоммерческой организации. С осени 2019-го команда «Больнички» стала ездить в пункты обогрева – зимние палатки «Ночлежки» и в приют «Мальтийской службы помощи». Проводят осмотры и консультации, измеряют давление, делают перевязки и выдают безрецептурные лекарства по показаниям с подробным объяснением, как их принимать до следующего приезда медиков. За три года команда Сергея наработала опыт и продолжает выстраивать механизм такой помощи в России. Сергей мечтает легализовать в стране это направление медицинской помощи, которое практикуется в мире уже более сорока лет.

КОМАНДА

– «Благотворительная больница» стала моей работой, – говорит Сергей. – Я даже получаю маленькую зарплату по гранту экстренной помощи от фонда по работе с ВИЧ-инфицированными. В 2018 году у меня были колебания: нравилась работа и в «Благотворительной больнице», и в государственной. Первое – для души. А с осени прошлого года я понял, что нужно зарегистрировать НКО. Я выбрал уличную медицину, завершая карьеру врача-клинициста. По сути, я занимаюсь менеджментом в широком смысле этого слова. И я буду учиться этому дальше. Есть и ошибки, и разочарования, но есть и идеи, ведь работа нравится. И выгорание есть, но бывает и подъем. Сейчас в команде «Благотворительной больницы» около 200 волонтеров, из них около 30 – активный костяк. В основном волонтерами становятся

молодые женщины, студентки-медики и ординаторы. Все волонтеры проходят очную встречу с руководителем и подключаются к чату «Благотворительной больницы», чтобы решить, получится участвовать в выезде или нет. Активные волонтеры – это медики, которые выезжают лечить бездомных. Есть и волонтеры, которые ведут аккаунты «Благотворительной больницы» в соцсетях. «Гораздо интереснее пойти увидеть дно жизни, чем выйти с шариками на профилактическую акцию для гражданского населения», – убежден Сергей. Работать врачом или учиться, а вечерами ходить осматривать бесплатно бездомных сложно. «Одной таблеткой» лечение не обходится: допустим, у Иван Иваныча рак. Нужно создать в чате ветку обсуждений по сопровождению, понять, в каком приюте живет пациент или как его найти. У кого-то из волонтеров разочарование, когда они понимают, что система пока не выстроена и помочь на улице – работа, которая отнимает много времени и сил.

Команда «Больнички» выезжает на разные точки практически каждый день. За 2020 год в «Благотворительную больницу» было 7380 обращений, сделано около 1000 перевязок. Помимо медосмотра, перевязок «Больничка» выдает бездомным очки с диоптриями, которые приносят горожане. У каждого пациента есть медкарта, там указан диагноз, имя врача, использованные медикаменты.

Петербуржцы привозят лекарства «Благотворительной больнице», переводят деньги, передают одежду и средства личной гигиены в благотворительные магазины «Спасибо!», а те, сортируя, направляют в пункты «Ночлежки» и пациентам «Благотворительной больницы» – для бездомных. Перед госпитализацией волонтеры «Больнички» выдают бездомным сумочки с вещами первой необходимости (тапочки, салфетки, халат, жетон на метро, средства гигиены).

Горячих обедов хватает всем, и добавку дадут

ВЫСТРОИТЬ СИСТЕМУ

– Мы пока только выстраиваем систему, как быть, если, скажем, у пациента сифилис, – рассказывает Сергей. – Иногда волонтеры задают вопросы, а у меня нет ответов, нужно решать вместе. У нас нет айтишника, но есть волонтер, живущий на острове Шпицберген, в свободное время он делает нам базу. На улице с планшета неудобно записывать информацию. На бумаге неудобно – теряется. Выдать таблетку – это просто, гораздо сложнее, если, допустим, нужна операция. Медицинских знаний волонтерам хватает, но из-за сложности цепочки порой упускаем сложные случаи. Сейчас слож-

ных я стараюсь вести сам. Мы друг друга обучаем. Меня мотивирует желание побороться за человека, против несправедливости, без этого не обойтись уличному врачу. Это же классно – выстроить работающую систему! Я много читаю законы, научился отвечать чиновникам. Сейчас к работе врача прибавились обязанности менеджера, которому необходимо прописать алгоритм эффективной работы, удобной для всех. Алгоритм работы бригады уличных медиков приходится выстраивать с нуля, но наработки есть у дружественных организаций Петербурга, например у «Ночлежки» (медицинско-социальное сопровождение бездомных, устройство в интернат, проведение экспертизы на инвалидность). Волонтеры «Больнички» в поле эти проблемы выявляют и пытаются быть регулировщиками, подключая больницы или специалистов «Ночлежки» для социальной работы.

«Благотворительная больница» работает с «Ночлежкой», с «Мальтийским приютом», «Кинонией» – сообществом молодых православных волонтеров, которые занимаются социальным служением при храмовом

комплексе во имя Рождества Христова и во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Волонтеры «Кинонии» на пожертвования прихожан кормят бездомных петербуржцев каждое воскресенье на двух точках в северных районах города. Туда же приезжают волонтеры «Благотворительной больницы». В конце 2019 года жертвователь подарил «Кинонии» автобус, команда «Благотворительной больницы» его

оборудовала под медицинские нужды. До того как в распоряжении «уличных медиков» появился автобус, принимать приходилось в приютах, пунктах обогрева. Опыт приема больных в автобусе уже был – в автобусе «Ночлежки», – но там врача «брали на борт мобильной столовой». Медикаменты «Благотворительной больнице» приносят петербуржцы, списки необходимого вывешиваются в соцсетях.

МЕЖДУ ТРЕВОГОЙ И БОЛЬНИЦЕЙ

Сегодня Сергей Иевков помимо занятости в «Благотворительной больнице» работает анестезиологом в Национальном медицинском исследовательском центре имени В.А. Алмазова. Времени в обрез. В марте он выиграл премию блогера Юрия Дудя и косметической сети «Л'Этуаль»: участники должны были рассказать о своем деле и образовательных программах. Как победитель, Сергей отправится учиться в Московскую школу профессиональной филантропии. С апреля 2021 года «Благотворительная больница» получила статус НКО.

– Я, как исполнительный директор НКО, активно начал общаться с чиновниками, – говорит Иевков. – Мы находимся в «серой зоне», как уличные медики, а мне хочется, чтобы был принят закон о легализации уличной медицины. По нынешнему законодательству, чтобы получить лицензию, надо иметь помещение, отвечающее стандартам. У меня нет ресурсов даже на аренду, и я не извлекаю прибыль из своей работы. Министерство здравоохранения считает, что есть скорая помощь и она помогает, потому придумывать больше ничего не надо. Но скорая помощь не оказывает тех медицинских услуг, которые предоставляем мы. Скажем, лечение трофической язвы: она не представляет угрозы для жизни, но требует постоянных перевязок. Помимо медпомощи мне приходится доказывать чиновникам или больницам, что по закону они должны оказывать те или иные услуги бездомным. Вот перевели пациента из одной больницы в другую, а потом раз – и он на улице или в приюте, где ему не оказывают медпомощь. Иногда хамят: мы не обязаны, что хотим, то и делаем, вы вообще кто?

Сергей набил руку в написании писем, которыми сопровождает своих подопечных в больницу: просит о содействии, звонке при выписке, чтобы человек не оказался на улице. Он объясняет, что нужно уметь и дистанцироваться

от человека: помочь, но не жить его проблемами.

— У меня повышенная тревожность, — смеется Сергей. — Не все чиновники или руководители одинаковы — люди разные. Я пока не вполне уверенно себя чувствую в благотворительности. Мои тревоги — страхи руководителя. Я продолжаю учиться, но наставника не хватает. В нашей стране бездомные проблемой не считаются. На сайте Минздрава нет рекомендаций. Был случай, когда пожилого человека гоняли по больницам, отказывались проводить медико-социальную экспертизу. Он попал в итоге в благоустроенный приют, но выяснилось, что у него рак. Его проблемы передаются мне — я поругался с больницей, написал в прокуратуру.

«ЖИТЬ ХОЧУ»

В мае 2021 года «Благотворительная больница» запустила бесплатное анонимное экспресс-тестирование бездомных на ВИЧ, гепатиты В и С, сифилис. «Благотворительная больница» выявляет заболевания, а городские больницы помогают с койко-местом. В июле этого года команда Сергея Иевкова начала прививать своих пациентов от ковида.

— Моя задача не просто тестировать на ВИЧ, а привлечь внимание городских властей к проблемам и лечению бездомных. Организовать вакцинацию от ковида было непросто. Я очень переживал, но прошло успешно. Мы всё организовали, коллег из больницы привлекли. За 2 часа 40 минут мы вакцинировали 36 человек, — говорит Сергей.

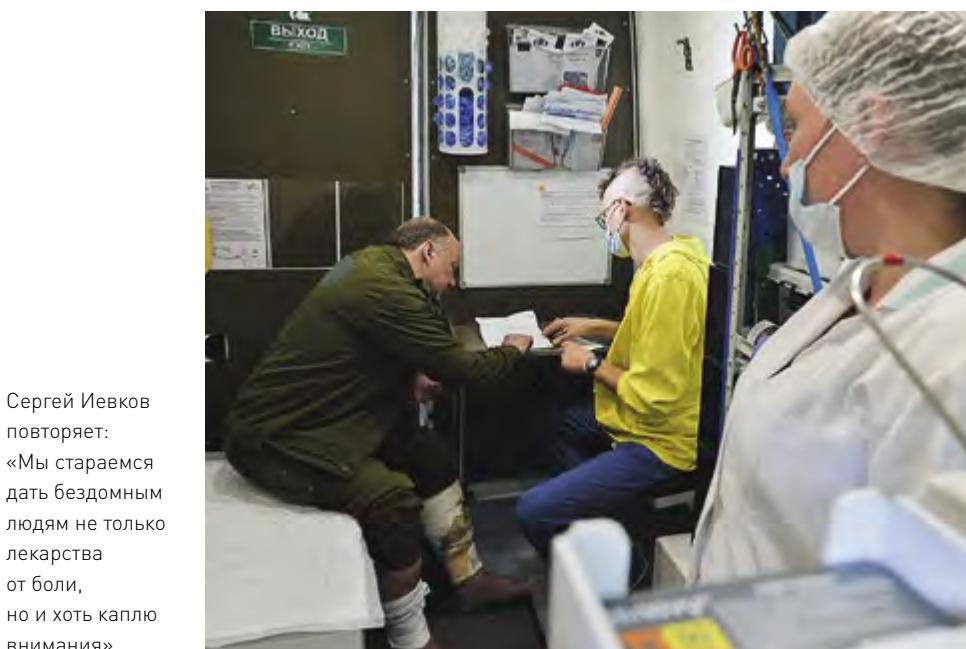
Уличные пациенты — люди сложные, и среди них есть как ярые антипививочники, так и сторонники вакцинации, как, например, пожилой мужчина с палочкой, который объяснил свой резон просто: «Жить хочу!»

Вакцинация проходила на глухой Миргородской улице. Это центр Петербурга, однако совсем не парадный. Промзона. Сюда волонтеры регулярно привозят обеды бездомным. Именно эта точка стала первым адресом, по кото-

рому команда Сергея Иевкова и врачи городской поликлиники №49 вакцинировали бездомных. Чтобы мотивировать уличных пациентов на тестирование или вакцинацию, волонтеры «Больнички» делают подарки. Обычно это дорожный набор с вещами личной гигиены и нижнее белье, носки. Во время вакцинации люди получили еду, а бонусом за вакцинацию — проездной в метро, одежду, косметичку — каждый выбрал свое. Один мужчина согласился вакцинировать-

ся, потому что подарочная кепка понравилась.

«Больничка» будет продолжать вакцинацию — районный отдел здравоохранения одобрил выезды. Согласование с поликлиниками шло долго и трудно: Сергей выписал стоянки бездомных и определил, какие поликлиники могли бы обслужить их. Разослав им письма с предложением вакцинировать бездомных. Но диалог не получился. В итоге договориться удалось лишь с одной поликлиникой Петербурга.

Сергей Иевков повторяет:
«Мы стараемся дать бездомным людям не только лекарства от боли, но и хоть каплю внимания»

И ТАКОЕ БЫВАЕТ

Помимо лечебной помощи и работы «социальным диспетчером» команда «Благотворительной больницы» занимается юридической защитой интересов бездомных. Порой случаи выдаются экстраординарные, как, например, сопровождение бездомного человека в Израиль. И это в разгар пандемии – в мае 2021-го. Руководитель одного из приютов Петербурга обратился к Сергею с просьбой отвезти домой бездомного – он гражданин Израиля. Сопровождающий должен быть сильным мужчиной с медицинским образованием, поскольку подопечный – пожилой инвалид-колясочник с ментальными нарушениями. Сергей согласился помочь. Чтобы осуществить этот перелет, требовался пакет документов. Сергей привит. Но «Спутник» не котируется в Израиле, потому он должен был сдать кровь на антитела в Израиле. В последний день руководителю приюта позвонил консул и сказал: «Вы летите в никуда! Вас в страну впустят, но что делать с этим мужчиной-инвалидом, мы не знаем. Извините». То есть дал понять, что можно отказаться. Сергей не бросил начатое, кинул клич в соцсетях, полагая, что в случае накладок друзья и знакомые подскажут, как быть.

– Мы полетели, пересели из пулковской коляски в тель-авивскую, и я в аэропорту Израиля понимаю: начинается мой любимый этап – решение сложных ситуаций, – вспоминает Сергей. – Мне пишут в соцсетях, что поскольку подопечный не репатриант, а гражданин Израиля, то служба репатриации им заняться не может.

Я отправляюсь в справочное бюро и объясняю ситуацию: думайте, как быть, иначе в Тель-Авиве на одного бездомного будет больше. Сергей мог находиться в Израиле еще два дня. При этом должен был соблюдать карантин, его подопечный – тоже. Израильянин смутились: «Такое в первый раз». В итоге все разрешилось благополучно. Мужчину на коляске он отвез в больницу и передал все документы.

«ДОКТОР МЕНЯ ПРИНИМАЕТ»

«Благотворительная больница» доказывает, что и в спартанских условиях врач может сделать немало. Волонтеры-медики помогают выполнять назначенные в больнице или поликлинике рекомендации, выдают безрецептурные лекарства, промывают раны, делают перевязки, вызывают скользую помощь и контролируют вызовы, чтобы подопечный чувствовал себя в безопасности. Помимо сугубо врачебной помощи «Благотворительная больни-

Сергей Иевков с коллегой после приема бездомных на двух точках без перерыва

Пациенты «Благотворительной больницы» ждут своей очереди

ца» действует как медико-социальный регулировщик, лоббирующий интересы бездомных. Человеку с улицы, без документов устроиться в приют или попасть на операцию довольно проблематично. Чтобы система не буксовала, нужен контроль и неравнодушные, а еще настойчивость и понимание, какой рычаг в работе с коллегами или чиновниками эффективен.

– Барьера меня стимулируют, – улыбается Сергей.

За годы работы в реанимации новорожденных и на улице доктор Иевков выработал алгоритм работы с пациентами, который помогает в общении с бездомными.

– Я выслушаю, соглашусь с за-блуждениями, – рассказывает Сергей. – Пациент думает: «Доктор меня принимает таким, каковой есть». Тогда я прописываю ему лечение. Любые страхи и сомнения надо обсудить на берегу. Пациент убежден в «силе капустного листа». Я киваю и советую с листом использовать и мазь. Я за медицину с человеческим лицом. У человека, допустим, нет запроса жить в приюте, ему нормально на улице. Его запрос – больная нога, вот с этим и разбираюсь. В медицине неважно, с кем ты работаешь – бездомными или детьми, в поликлинике или на улице.

«Благотворительная больница» – важное волонтерское звено разветвленной сети медико-социальной помощи, как благотворительной, так и государственной. И нужен некий лидер, понимающий работу всех звеньев. И мощная невидимая сила этой помощи – люди. Каждый может стать филантропом в меру сил.

– Мы стараемся дать бездомным не только лекарства от боли, но и хоть каплю внимания, заботы, уважительного отношения. Я хочу, чтобы появилась школа уличной медицины, обмен опытом. И мы работаем в команде, я не один, – говорит Сергей Иевков. ☺

**ВСЕМ
МИРОМ**

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ДА ОН ДАЖЕ ТЕЛЕФОННУЮ КНИГУ МОЖЕТ СЫГРАТЬ», – ГОВОРЯТ ПРО ХОРОШЕГО АКТЕРА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕАТР, СОЗДАННЫЙ ПРИ МУЗЕЕ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «СЕМЁНКОВО» ПОД ВОЛОГДОЙ, РАЗЫГРЫВАЕТ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВОЛОСТНОГО СУДА XIX ВЕКА И РЕШЕНИЯ «МИРА» – КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ. ПОСЕТИТЕЛИ, КОТОРЫЕ ЕДУТ В «СЕМЁНКОВО» ЗА ПЯТИСТЕНКАМИ, КОНЬКАМИ, ПРЯЛКАМИ И САРАФАНАМИ, ПОПАДАЮТ В ДЕРЕВЕНСКИЙ МИР РУССКОГО СЕВЕРА С ЕГО ОБЩИННЫМ СТРОЕМ И ПРАВИЛАМИ ИСКОННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ВОЛОГДЫ есть два Семёнова, так что умный таксист обязательно поинтересуется: «Вам в музей или в деревню?» А бывалый, едва взглянув на пассажиров, привезет куда нужно. «Я смотрю, у вас фотоаппарат, – объяснил нам водитель. – Ясно же, что в музей едете. В деревне снимать нечего, трактора да коровы».

Когда-то и поле, ныне занятое Архитектурно-этнографическим музеем, делили трактора и коровы. В конце 1970-х годов областной Совет народных депутатов выпустил постановление «О соз-

дании музея деревянного зодчества Вологодской области». Это дало старт большой работе по исследованию памятников деревянного зодчества, представляющих историческую и художественную ценность.

Пока искали и реставрировали в глубинке избы и хозяйственныe постройки, распался Советский Союз. Но проект, к счастью, не заглох. Хотя финансирование, конечно, сократилось. Но «Семёново» в 1992 году все-таки открылось. При его создании за образец была взята деревня Королевская Нюксенского района, расположенного неподалеку от Великого Устюга.

Сегодня посмотреть на памятники деревянного зодчества, свезенные под Вологду из восточных районов области, приезжают со всей России. На улочках «Семёнова» стоят две деревянные церквишки, усадьба, 14 крестьянских домов, 17 хозяйственных построек – амбары, ледники, бани. Запутать не запутаешь, но указатели, установленные на перекрестках, лишними не назовешь.

Количество построек растет едва ли не ежегодно, благо территория почти в 13 гектаров это позволяет. Особая радость сотрудников – мельницы, которыми прирастает музей. Многие вывезены из заброшенных деревень в глухих лесах – это и спасло их от печальной участи сгореть в крестьянских печах. Мельницы, конечно же, отреставрировали; для того чтобы разобраться с механизмами некоторых из них, собирались консилиумы инженеров.

Мельницы и встречают нас на входе в «Семёново». Обычно их лопасти привязаны – чего зря крыльями махать? Мельницы запускают по праздникам, и даже муку на них мелют, пироги пекут и гостей угощают.

«Семёново» – это две церквишки, усадьба, 14 крестьянских домов и 17 хозяйственных построек

ДОМОХОЗЯИН – ДОЛЖНОСТЬ ВЫБОРНАЯ

«О крепостном праве мы здесь не узнаем ничего, – рассказывает нам заведующий научно-экспозиционным отделом Дмитрий Мухин. – В нашем музее моделируется среднесуходонская деревня (Суходонский сектор, названный по имени реки Суходоны, включает несколько районов на востоке Вологодской области. – Прим. авт.) на рубеже XIX и XX веков. Это район чернососного крестьянства, где крепостного права не было никогда. Мы рассказываем о нашей уникальной северной общине, которая существовала в очень своеобразных условиях. Как говорится, до Бога высоко, до царя далеко. В силу климатических условий в течение полугода деревня была полностью отрезана от окружающего мира и фактически управлялась самостоятельно. Мощные общинные механизмы пронизывали все сферы крестьянской повседневности. Вплоть до того, что главу семьи определяла не семья, а община, сход. Домохозяин – это должность выборная». Объяснил нам это Дмитрий и лукаво улыбнулся в бороду. Мол, заинтриговал я вас? Еще бы не заинтриговал! «Если сход решал, что старший сын в семье – бездарь, то выбирал домохозяином его среднего или младшего брата, – говорит он. – Даже женщину могли выбрать, обычно – вдову при малолетних детях. Кстати, старики в северной общине – это не возраст, а, можно сказать, состояние души. Человек должен был заявить на сходе, что по старости и немощности хозяйствовать не может и переходит в разряд старииков. Сход соглашается и избирает нового домохозяина. Это хороший вариант. А плохой, когда глава семьи не справляется, а стать стариком отказывается, и его дети обращаются к сходу или волостному суду с просьбой о переизбрании». Мы с Дмитрием идем по главной улице музеиной деревни,

Дома здесь обозначаются не цифрами, а именами последних владельцев

пока он рассказывает о «Семёновке». Между прочим, о Дмитрии Мухине мы впервые услышали еще до приезда в «Семёново» – в Вологодском музее-заповеднике. Нам рекомендовали поговорить именно с ним: ответит на все вопросы и все объяснит. Кроме того, Дмитрий пишет пьесы о народной жизни и ставит спектакли, в которых герои не песни поют и хороводы водят, а решают семейные споры и спорят на общинных сходах. Мухин работает в музее двенадцать лет, пришел сюда волонтером, как и многие сотрудники «Семёновки».

«Я тогда был студентом, – вспоминает он. – По первому образованию я историк, по второму – антрополог».

Почему остался? Нашел свои корни, и это не фигуральное выражение. Дом Копылова, попавший в музей, стоял в одной деревне с родовой избой семьи Дмитрия Мухина. Случаются же совпадения. И это еще не все: в архиве Дмитрий обнаружил документы за подпись своего прапрадеда, который был старшиной в одной из волостей. «Мои предки и Копылова кричали на одних и тех же сходах», – не без гордости говорит он.

Заведующий научно-экспозиционным отделом Дмитрий Мухин пришел в музей волонтером

ПРОВИНИЛСЯ? БУДЕШЬ СТАРОСТОЙ!

Дома в «Семёновке» обозначаются не цифрами, а именами владельцев. Каждый дом иллюстрирует различные аспекты крестьянской жизни: есть избы бедноты и зажиточные, типовые и необычные. В доме Храпова, например, рассказывается о сельской системе управления. «Это своего рода крестьянская демократия?» – интересуюсь у

специалиста. «Нет, – возражает Дмитрий Мухин. – Все гораздо сложнее».

Выборных должностей в деревне было не менее 30, на некоторые из них по своей воле не шли. Обязанностей – масса, ответственность – большая: от сбора подателей и отслеживания состояния дорог до отношений между крестьянами и соблюдения тишины в школе. А при бытка почти никакого – «сколь-

Дом Копылова стал лицом музея благодаря росписям, архитектуре и истории семьи

ко мужики на сходе скинутся». В среднем старосты получали около 40 рублей в год, а, к примеру, средняя корова стоила около 30 рублей.

«Старосты выбирали различными способами, включая жребий, – рассказывает Дмитрий Мухин. – Считалось, что жребий выпадает, как того хочет Бог, а против Бога идти нельзя. Тот, кто отслужил свой срок, мог отказаться от переизбрания. И отказывались практически все. Бывали случаи, когда старосту избирали в наказание за провинность перед деревней».

Классическая русская литература рисует крестьянина полу-голодным, малообразованным, бесправным, замученным барщиной и оброком. Антон-Горемыка, Герасим, некрасовские герои... А житель северной деревни не был горемыкой? Вообще, насколько эффективна была общинная система, так сказать, в экономическом отношении? «Эффективна, потому что эта система общежительства была выстроена веками, – говорит Дмитрий. – Община отвечала за выживание каждой семьи. В какой бы беде ни оказался человек, община не даст многоного, но минимум обеспечит. Если

в деревне остался старик без родни, община решает, как она будет его кормить. Сход может снять подати с семьи, попавшей в сложную ситуацию, и распределить их по общине».

Еще один плюс общинной жизни – низкая преступность, в особенности это касается краж. Они были единичными и, согласно документам волостных судов, совершались в состоянии алкогольного опьянения. Крестьянин в трезвом уме понимал, что живет на виду у односельчан, и о кражах не помышлял.

Общество не даст умереть от голода, но и работать потребует от зари до заката. Работали все – с раннего детства до глубокой старости. По словам Дмитрия, он находил сведения о том, что работал даже 3-летний ребенок. Что делал? Клеил спичечные коробки, за которые его старшая сестра, работница спичечной фабрики, получала деньги. 10-летний ребенок по деревенскому обычаю считался полноценным человеком, который способен прокормить себя сам.

Не только работали, но и учились. В одном из домов музея открыта экспозиция «Сельская школа», в той же избе готовят-

Сарафан – спецодежда сотрудниц «Семёновка», и не только по праздникам

Школа располагалась в казенном доме, арендованном общиной для старости и сходов

ся к воссозданию ночлежный дом, в котором оставались ночевать дети, жившие далеко от школы. «Это была в своем роде социальная поддержка бедных семей, – говорит Дмитрий Мухин. – Некоторые дети питались там лучше, чем дома. Плюс не надо каждый вечер домой ходить, валенки стаптывать. Это было важным аргументом. Часто дети не посещали школу из-за того, что обуви не было».

ШУМОВАЯ ИЗБА

Сходы в деревне проводились часто. Существовало восемь разных типов сходов в зависимости от того, какие вопросы они решали. «Крестьяне считали сходы высшей инстанцией в решении местных вопросов. По их представлениям, с решением сходов согласен даже Бог, – говорит Дмитрий. – Например, работа в праздники считалась грехом. Но в этом году грибов

наросло, ходишь – пинаешь. Сбор грибов – это работа или нет? Если решим на сходе, что в этом году это не является работой, то так тому и быть».

Сход решал и довольно щекотливые вопросы. Дмитрий Мухин рассказал о том, как однажды 70-летний старик ходатайствовал перед сходом о разрешении выдать свою 35-летнюю дочь «за кого-нибудь». У старика еще был сын, который ушел из дома десять лет назад и как в воду канул. По закону именно сын должен наследовать имущество отца. Сход постановил: если сын вернется, разделить имущество между ним и «приемышем», который женится на дочери.

Как проходил сход? По словам Дмитрия, он проводился по сценарию, которого никто не мог понять. И если на сходе оказывался посторонний, а еще пуще городской, то он бывал немало удивлен. Бытый час спорят, шумят, никто никого не слушает, от крика стекла дрожат, того гляди, подерутся. А потом вдруг бьют по рукам – решение принято.

Помещение, которое община арендовала для сходов, так и называлось – «шумовая изба». В «Семёновке» такая есть, но сей-

час кричат в ней только экскурсии, изображая сходы. Стоя посреди зала, Дмитрий разводит руки в стороны и едва не касается пальцами обеих стен. «Чтобы сход считался состоявшимся, на него должна прийти половина домохозяев, а при обсуждении особо важных вопросов – две трети, – рассказывает он. – Вот и представьте, что в крупной деревне в такой избе должно собраться 500–700 чело-

век. С помощью различных механизмов удавалось сократить число участников до 200 человек. Занимали все пространство – забирались на полати и печку. Мужики при этом еще и курили махорку, хоть топор вешай. Сходы чаще всего происходили ночью, и то, что в деревне сход, знали все – крик стоял на всю округу».

В шумовой избе не только кричали. Здесь работал староста, а также писарь, который чаще всего здесь и жил вместе с семейством. Здесь же хранились документация и казна общества. Здесь же останавливалось любое начальство, приезжающее в деревню. Сельская школа также располагалась в арендованной обществом избе.

ПО-ЧЕРНОМУ И РАСПИСНОМУ

Мы заходим в избу на отшибе, которая иллюстрирует жилище самой бедной семьи деревни. С улицы дом смотрится вполне прилично, но Дмитрий поясняет, что бедность видна по отсутствию декора и обилию пристроек – значит, семья не может построить дом за один подход. Но главный признак бедности – отопление по-черному. Посреди дома стоит печь, у которой нет трубы. Дым идет в помещения, сажа оседает на стенах и потолке, сыпется в еду и на одежду. Но это более экономно – дров тратится меньше. В избе – черные стены, кажется, даже запах дыма сохранился. «Печи топить умели и знали, как не угореть, – говорит Дмитрий. – Случаи угара были единичными. Дома по-черному сохранялись в наших краях до середины XX века».

В такой избе, размером не больше скромного дачного домика, могла жить семья до 20 человек. «Что такое семья в те времена и в этой местности? Она не рождается в момент свадьбы и после рождения детей, а появляется только на сельском сходе, когда принимается решение о семейном отделе, разделе или выделе, – говорит Дмитрий. – Если сход, допустим, проголосует за

раздел братьев, появятся две отдельные семьи. До этого три четверя брата с женами и детьми могут считаться единственным, неразделенным семейством».

На сходе семьям нужно было доказать, что им тесно жить вместе. В одном из прошений крестьяне писали: «Просим нас разделить во избежание уголовщины». Также нужно было доказать, что большая семья может построить или выделить дом для всех домочадцев и каждая из отделенных семей способна самостоятельно вести хозяйство. «Имущество разделял тоже сход, — рассказывает Дмитрий. — Кому достанется батюшкин тулулуп, а кому — самовар, решали односельчане».

Зажиточными считались не богачи в современном понимании, а люди, способные вырастить хороший урожай и организовать хозяйство так, чтобы оно приносило в дом достаток. Таких людей в деревне называли по имени-отчеству, снимали шапку при встрече и ходили к ним за советом. Бедные считались никудышными хозяйственниками, часто их звали не по имени, а по прозвищу.

Далеко не все избы в «Семёновке» черные, есть и расписные. Мимо дома Копылова не пройдешь, он стал своего рода символом музея и публикуется на большинстве буклетов, плакатов и баннеров, посвященных «Семёновке». Дом необычен как архитектурой (шестистенок с пятью окнами на лицевой стороне), так и росписями ставен и балкона.

Дом в «Семёновке» перевезли после того, как умерла его последняя владелица. Ее дети и внуки живут в США, но на родину приезжают часто. Они сами предложили передать избу музею, чтобы сохранить родовой дом.

«Почему дом именно такой? Раньше во многом по избе определялся статус семьи, — говорит Дмитрий. — Мы знаем, что в 1879 году в этом доме умер единственный кормилец, Михаил Копылов. Остались престарелый Василий Копылов,

В одном из домов размещена богатая коллекция крестьянской утвари и костюмов

невестка и четверо малолетних детей. Вроде бы без кормильца семья должна потерять свой статус зажиточной иуважаемой. И тогда семья тратит огромные деньги: на городской манер перестраивается крыша с «сухариками» и «вазонами», дом раскрашивается. Зачем? А чтобы доказать, что семья остается среди зажиточных иуважаемых». Еще одним маркером достатка в деревне XIX века был самовар. О статусе говорила и регулярность чаепитий. Зажиточная семья «гоняла чай» три раза в день, беднота — по праздникам. Деревня понимала, что «у Копы-

ловых чаевничают», по тонкой струйке дыма из особой самоварной трубы.

Чайная тема в разговоре возникла вовремя: солнце скрылось за тучами, пошел проливной дождь. Мы спрятались в местном кафе, где нас напоили душистым цветочным чаем из самовара. На улице шумит ливень, промокшие избы и мельницы посерели, а в кафе тепло и уютно. Можно погреть руки у печки, поболтать с посетителями и, пригубив очередную чашку чая, ощутить себя зажиточным иуважаемым крестьянином местной общине. ●

Убранство изб сотрудники воссоздавали по книгам этнографов и рассказам старожилов

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Прессы России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru